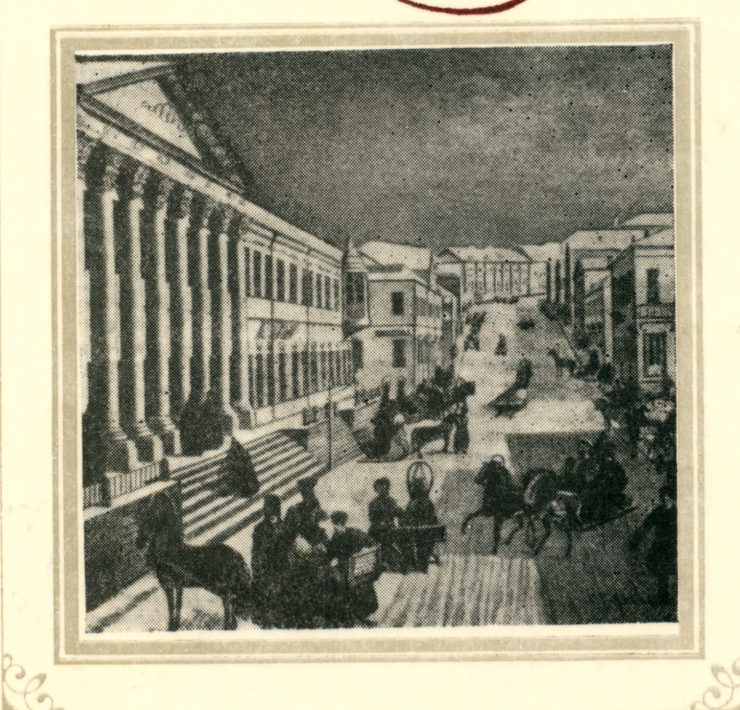
ПУШКИН В МОСКВЕ

С. Т. ОВЧИННИКОВА

Пушкин в Москве

С.Т. ОВЧИННИКОВА

Пушкин в Москве

С. Т. ОВЧИННИКОВА

Пушкин в Москве

*Летопись жизни А. С. Пушкина
с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г.*

МОСКВА
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"
1985

8Р1
О-35

Рецензент **Н. Я. Эйдельман**

Художник **Ю. К. Бажанов**

О $\frac{4702010200-062}{М-105(03)85}$ 158—84

© Издательство «Советская Россия», 1984 г.

Зимой, в самом конце 1828 года на балу у знаменитого московского танцмейстера Иогеля Пушкин встретил 16-летнюю необычайно красивую девочку — Наталью Гончарову. Она только недавно начала выезжать, но о ней уже заговорили в свете, называя ее одной из первых московских красавиц, восхищаясь ее одухотворенной, «романтической» прелестью.

Очарованный поэт вскоре сделал ей предложение и получил неопределенный ответ — полуотказ, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильна была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя... Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастии, я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?» Так пишет Пушкин в незавершенном отрывке весной 1830 года, сразу после помолвки. С этого времени постоянно Пушкин возвращается к мысли о

возможности счастья для него, бездомного, гонимого поэта с зыбким и туманным будущим.

В последних числах августа 1830 года он едет в Болдино для раздела имения, часть которого перед женитьбой выделил ему отец. Едет с неспокойной душой. «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой,— пишет он княгине Вяземской.— На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь... Ах, что за проклятая штука счастье!»

И то же самое в письме к невесте: «Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей,— я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить... быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастие создано для меня».

И то же самое Плетневу: «Черт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан».

А потом — три месяца болдинского житья, три месяца беспокойства, напряженности, нервов, тоски и ожидания, три месяца осеннего уединения — и необычайного, беспримерного творческого взлета. «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал»,— сообщает он Плетневу. Здесь осенью 1830 года им были созданы: четыре «маленькие трагедии», «Повести Белкина», поэма «Домик в Коломне», две последние главы «Евгения Онегина», около 30 лирических стихотворений.

Запертый холерными карантинами, лишь в начале декабря Пушкин смог прорваться через все заставы и приехать в Москву, к невесте.

В феврале 1831 года в письмах Пушкина появляется новый адрес: «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой». «Mon adresse: дом Хитровой на Арбате». «Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Schakspeare в дом Хитровой на Арбате».

Дом этот, двухэтажный каменный особняк недалеко от Смоленской площади, сохранился до наших дней и хорошо известен москвичам. Он

был построен еще до 1812 года; с тех пор много раз перестраивался.

Пушкин нанял квартиру в особняке Хитровой 23 января 1831 года, но присмотрел ее и вел переговоры, конечно, раньше — в январе, а может быть, и в декабре. Переехал он туда, по-видимому, в начале февраля 1831 года. Квартира была наново отделана, приготовлена к приему молодой жены. 5 комнат, в которых жили Пушкины, находились во 2-м этаже: зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар. К сожалению, нам почти ничего не известно об их убранстве. Располагаем мы только воспоминаниями Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он десятилетним мальчиком принимал участие в свадьбе Пушкина и «по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною не виданное и неслыханное собрание стихотворений Кирши Данилова. Былины эти, напечатанные в важном формате и переданные на дивном языке, приковали мое внимание на весь вечер».

Вот, пожалуй, и все, что мы знаем о квартире Пушкина в «Пречистенской части», как писали в своих донесениях о поэте московские жандармы. Но о жизни Пушкина в доме Хитровой, вообще о московской жизни поэта в этот период — с 5 декабря 1830 по 15 мая 1831 года — нам известно довольно много. Более того, иногда мы можем очень подробно — почти по дням — проследить, что делал поэт, где он бывал, кто приезжал к нему, что он читал и пр.

Чем же жил Пушкин эти пять с половиной месяцев? Что было у него на душе? Нетерпеливое ожидание свадьбы; нервное напряжение от постоянных сцен, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; лихорадочные попытки достать деньги к свадьбе; тревога и беспокойство перед решительным поворотом в судьбе, перед неизвестностью; какая-то рассеянность, вообще не свойственная Пушкину, как будто стремление хлопотами, встречами, светскими пустяками заглушить мысли о будущем, о своей ответственности перед молоденькой девочкой, связавшей с ним свою судьбу. И любовь к этой девочке, к

тихой московской барышне с чистым лбом и покорными грустными глазами.

В эти месяцы Пушкин почти ничего не пишет. Ему не до того. Он слишком взбудоражен, слишком потрясен надвигающейся переменой в жизни. «...Не стихи на уме теперь»,— признается он приятелям. А может быть, он инстинктивно отдыхает после нечеловеческого болдинского взлета. Но в письмах его и к нему, в воспоминаниях и дневниках людей, встречавшихся с ним в это время, мы постоянно находим отголоски его размышлений, замыслов, споров, как бы видим круг его интересов, который в эти дни никак не мог ограничиться мыслями о женитьбе. Характерная деталь: на «мальчишнике» — холостяцкой пирушке накануне венчания — о чем говорят молодые люди? «Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе»,— с известной долей иронии записал в дневнике Михаил Петрович Погодин, не приглашенный на «мальчишник», но зашедший в это время к Пушкину «пожелать добра». И даже в день венчания, на обеде, чинном и парадном, Пушкин вдруг пускается в разговоры о былинах Кирши Данилова, о «звучном народном русском языке», о собирателе песен Петре Киреевском. Наверное, родня невесты, все эти многочисленные «московские тетки» были немало обескуражены таким поворотом беседы.

Или вот признание обиженной Натальи Николаевны. Она «сама сказала княгине Вяземской, что муж ее в первый же день брака как встал с постели, так и не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами».

И чтение товарищам своих произведений, написанных в Болдине, доверчивое ожидание их дружеского суда; и вечера в подмосковном Остафьеве — имении Вяземского; литературные и исторические споры с Погодиным; бесконечные разговоры о «Литературной газете», о романах Фаддея Булгарина, о новых балладах Жуковского, об итальянских октавах в русском стихосложении, о стихах Вяземского, Ф. Глинки и Деларю, о новых произведениях Вельтмана и Баратынского, о немецкой философии, о русском правительстве.

Разумеется, в центре интересов Пушкина — историка, человека с го-

сударственным умом гражданина — великие европейские события: недавняя революция во Франции и восставшая Польша. К этим мировым общественным потрясениям все время возвращается мысль поэта.

Да, Пушкин чрезвычайно мало писал перед свадьбой. Но он не переставал быть Пушкиным — поэтом, профессиональным литератором, мыслителем и политиком.

Внимательно всматриваясь в эти пять с половиной месяцев пушкинской жизни, мы видим постоянное столкновение самых противоположных событий, фактов, чувств, страстей. Это поистине время контрастов. И рядом с Пушкиным, самозабвенно спорящим с друзьями, погруженным в литературную, историческую, общественную жизнь России и Европы, встает совсем другой Пушкин.

Перебирая ворох мемуаров и писем этих месяцев, мы все время обнаруживаем поэта в светской толчее. То он обедает в Английском клубе, то гуляет по Тверскому бульвару, то танцует на балу у Екатерины Алексеевны Долгоруковой, богатой московской барыни, то он в гостях у графа Потемкина на Пречистенке, то едет с визитом к Ивану Александровичу Нарышкину, посаженому отцу Гончаровой, то снова на балу у Анастасии Михайловны Щербининой, то на маскараде в Большом театре, то на блинах у Пашковых, то на масленичном катанье, то сам дает бал в своей арбатской квартире.

Когда-то он любил свет.

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума...

Но это время давно прошло. Теперь он предпочитает тишину своего кабинета или долгие разговоры с приятелями, с теми, кто его понимает. А приходится «кружиться в свете», потому что в Москве «живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка»; потому что здесь надо постоянно быть начеку, думать о том, «что скажет княгиня Марья Алексевна».

Наверное, и веселье и радость были на этих гуляньях и маскарадах. Наверное, он испытывал счастье, смотря на Наталью Николаевну, радуясь ее полудетскому бальному упоению, умиляясь ею в роли невесты, потом жены, взрослой светской дамы, наслаждаясь тем востор-

гом, который она вызывала у окружающих, слушая восхищенные комплименты: «она прелестна», «красавица писаная», «совершенство красоты», «Я от нее без ума. Прелесть, как хороша» и пр. Все это было очень, очень приятно. А все-таки лучше было сидеть с Баратынским и читать ему только что законченные «Повести Белкина», слушая, как экспансивный Евгений Абрамович «ржет и бьется» от удовольствия. Или болтать с Нащокиным. Или даже кутить с цыганами.

Среди вихря лихорадочно сменявших друг друга катаний, балов и визитов его не оставляло чувство беспокойства, а иногда и тоски, не покидали мысли о непривычной жизни вдвоем, об утраченной независимости, об ответственности. В письме Плетневу он пишет: «Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дура̄к; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я — а́ тут он будет мы. Шутка!»

Впереди — совсем близко — то, о чем он мечтает два года: свадьба, счастье, любовь, дом. Но опять контраст: рядом с захватывающим ощущением приближающегося счастья — необходимость постоянных денежных расчетов, расхолаживающих душу, замутняющих жизнь.

Теща озлоблена. Денег нет и непонятно, как их достать. До сих пор их тоже не было, но это как-то не очень волновало: ведь он был один. А теперь голова разламывается от назойливых и мелких расчетов. «Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет,— пишет он Плетневу около 16 февраля: — заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное».

Письма Пушкина этих месяцев полны такими фразами: «...взял с собою последнюю сотню... коли можешь, достань с своей стороны тысячи две» (Нащокину). «Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели» (Плетневу). И как итог всего — горестный и нетерпеливый призыв к всегда выручающему Плетневу: «Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег».

Свадьба беспрестанно откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила,

что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны»,— вспоминает княгиня Долгорукова.

Наталья Ивановна устраивала вульгарные скандалы. «Пушкин ей не уступал,— пишет первый биограф поэта Анненков со слов Натальи Николаевны,— и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: «Это дело вашей дочери,— я на ней хочу жениться, а не на вас». «В самый день свадьбы она послала сказать ему, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег»,— вспоминает Долгорукова.

Эту медлительность с венчанием заметили в свете и обрадовались случаю позлословить. Сплетничали по-разному: и доброжелательно, с оттенком дружеского сожаления, и ехидно, и со скептической иронией, и с видимостью холодного беспристрастия, но всегда с удовольствием, со вкусом, с каким-то просто истерическим любопытством и нетерпением. Не только в самой Москве, но и в Петербурге, и в своих отдаленных поместьях читатели — и близкие Пушкину, и совсем не знакомые ему — умирали от ожидания. «Пожалуйста словечко... об свадьбе Пушкина»,— пишет из своего имения Липицы Смоленской губернии А. С. Хомяков. Это лейтмотив переписки многих современников в эти недели и месяцы.

«В городе опять начали поговаривать, что свадьба Пушкина расходится; это скоро должно открыться: середа последний день, в который можно венчать... Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась» — это пишет в письме к брату известный московский бонвиван и сплетник Александр Яковлевич Булгаков. И снова он же: «Ну да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней». И то же лицемерное сожаление — в письме Е. А. Энгельгардта, бывшего директора Лицея: «Пушкин собрался было жениться в Москве; к счастью для невесты, дело опять разошлось».

А хороший знакомый поэта Сергей Дмитриевич Киселев сделал

свои выводы из того, что свадьба откладывалась: «...Мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат!»

Забегая вперед, надо сказать, что злословье, сожаления, предположения, пересуды продолжались и после свадьбы. «...Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо... Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни?» — гадает приятель Пушкина Я. И. Сабуров. И вновь жалостливо вздыхает Энгельгардт: «Знаешь ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами. Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает...»

От всех недоразумений, проволочек и слухов Пушкин приходил в отчаянье настолько, что, как вспоминает Павел Воинович Нащокин, «было хотел совсем оставить свою женитьбу и уехать в Польшу единственно потому, что свадьба по денежным обстоятельствам не могла скоро состояться... Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин все напевал Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи».

Временами на поэта находила жестокая хандра. В такие моменты он нервничал, жаловался друзьям, ходил насупившись. В один из таких черных дней, всего за неделю до свадьбы, он писал своему приятелю Николаю Ивановичу Кривцову: «Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было... Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию. У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски...»

Как печально поражает нас горестная недоверчивость поэта к возможности счастья! Какое унылое письмо, какое горькое в своей не-

сколько нарочито сухой, трезвой расчетливости: «хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого»! Что сказала бы восемнадцатилетняя Наталья Николаевна, если бы она прочитала эти прозаические строки! Едва ли она поняла бы, какая боль, заботливость, какое мучительное беспокойство за себя и за нее скрывалось за этой прозой, за этими пронзительными предчувствиями.

Были у Пушкина и другие серьезнейшие основания для мрачности. Зловещей тенью нависает над последним предсвадебным месяцем горе: вечером 14 января в Петербурге умирает Дельвиг — самый близкий, самый нежный, самый любимый друг... «Милый мой, что ж такое жизнь?» — горестно заканчивает Плетнев свое письмо к Пушкину, написанное через несколько часов после кончины Дельвига. «Грустно, тоска»,— вторит ему Пушкин. «...Никто на свете не был мне ближе Дельвига... Без него мы точно осиротели». И в этом же письме: «Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так... Будь здоров — и постараемся быть живы». По поводу этих строк великолепно сказал Анненков: «Какая-то особенная бодрость духа не покидала Пушкина в минуты самых тяжелых ударов. Она не изменила ему и в муках смертного одра, как известно, и всегда находила исток болезненному чувству, возбраняя жалобу, уныние и нравственную слабость».

За месяц до венчания, 15 января, в предсвадебные хлопоты ворвалось еще одно событие, отнюдь не праздничного характера: Пушкин был вызван в полицию, и ему торжественно объявили решение сената (принятое, впрочем, еще в 1828 году и, по неуклюжей неповоротливости российской полиции, больше двух лет ходившее за поэтом по разным губерниям) по делу о «соблазнительном», «служившем распространению пагубного духа» отрывке из стихотворения «Андрей Шенье». Решение было «милостивым»: Пушкин был избавлен от суда и дал подписку «дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику». Инцидент этот, воспринятый Пушкиным, наверное, скорее иронически, тем не менее был симптоматичен и зловещ. Он еще раз напоминал поэту о пристальном внимании властей к его особе, о том, что он, как он выразился несколько лет назад, «от жандарма еще не ушел».

Но в это сложное, противоречивое для Пушкина время его посе-

щает и великая радость: долгожданный выход в свет «Бориса Годунова». Пушкин был бурно счастлив: его любимое детище, его трагедия, пять лет пролежавшая «в столе», произведение, от которого он ждал серьезнейших перемен для русской драматургии и русской сцены, наконец напечатано. Он ловит малейшие похвалы «Борису», с детским удовлетворением дарит книги знакомым, хлопочет о выкупе экземпляров, с нетерпением и опаской ждет «отзыва наших Шлегелей» — и что же? Больно читать, какие косность, тупость, насмешки обрушиваются на гениальное создание. Особенно обращают на себя внимание отзывы о «Борисе» в переписке современников. Ругают дружно, все — и враги, и друзья. Редко-редко мелькнет понимание, уважение; гораздо чаще — отрицание, иногда обоснованное, принципиальное, как в письмах Катенина, а иногда и просто безответственно-скептическое, не удостаивающее даже приведением аргументов: «...Борис Годунов его очень слаб» (Энгельгардт). «Добро бы хоть в эти пять лет поправлял его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать следовало» (Языков). «...Галиматья в шекспировском роде» (Каратыгин).

Одна за другой выходят статьи о трагедии и в московской, и в петербургской периодике. В них — за немногим исключением — интонации более сдержанные: пилюля золотится, слегка смягчается россыпью комплиментарных фраз и расшаркиваний перед «первоклассным дарованием». Но в целом — какая глухота даже у друзей! Даже самые восторженные отклики до удивления пусты, лишены содержания — например, парфюмерные восторги князя Шаликова в «Дамском журнале» («печать таланта неустрашимого, всемогущего», «сила очарования» и т. п.). Во всех самых цветистых похвалах — как будто какое-то недоумение перед созданием, намного опередившим свой век, принадлежавшим будущему.

А какой «букет» ругательных откликов — от благосклонного похлопывания по плечу радикала Полевого до шутовского глумления М. А. Бестужева-Рюмина в «Северном Меркурии»: «Имея честь поздравить почтеннейшую публику с выходом сего давноожидаемого творения, считаем обязанностию донести, что мы решаемся читать оное не иначе, как по десяти страниц на день, руководствуясь в сем случае известною пословицею: хорошего понемногу!»

«...Мы ожидали встретить в новой драме автора Руслана и Людмилы колоссальные размеры, но мы открыли лишь рост обыкновенный» (газ. «Le Furet», № 7). «...Сущность творения... запоздалая и близорукая...» (Полевой, журн. «Московский телеграф» № 2). А анонимный автор брошюрки «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольно практикующего в оном учителя российской словесности» написал без интеллектуальных затей, попросту: «Можно ли было ожидать от Пушкина такой галиматьи?»

Надо сказать, что журналистика в эти месяцы вообще не оставляла Пушкина своим вниманием: его имя не сходит со страниц газет и журналов. Но как ничтожны, пошлы или просто бледны эти критические разборы, эти восклицания с неуклюжими потугами на остроумие, эти многозначительные фразы. Какая печальная эстетическая глухота! Как странно читать о пушкинских взлетах — «На холмах Грузии», «Поэту», «Монастырь на Казбеке»,— напечатанных в «Северных цветах на 1831 год», такое, например, мнение: «П у ш к и н как будто хотел подшутить над самим собой... Стихотворения, скрепленные его именем, все так посредственны... чуть чуть не ничтожны» («Телескоп» № 2).

Пожалуй, вершиной анекдотизма печатных откликов этих месяцев является «одобрительное» четверостишие некоего Д. Сигова, опубликованное в альманахе «Утренняя звезда» на 1831 год:

Наш Пушкин молодец!
Для всех он образец:
Хоть пишет мало,
Но зато не вяло.

...Между тем свадьба приближалась, тревога, предчувствия росли.

За два дня до венчания Пушкин вечером был у Нащокина. Там он встретился со своей старой знакомой — цыганкой Таней, певицей из знаменитого московского цыганского хора Ильи Соколова. Вот как много лет спустя Татьяна Демьяновна рассказывала об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидал меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжко, голову на руку

опер, глядит на меня: «Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастие; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слыхать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!..» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору... И, думаючи об этом, запела я Пушкину песню,— она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Войнович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, говорит, эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И не долго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился».

Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на «мальчишник». Собрались близкие друзья: Нащокин, Вяземский, Д. Давыдов, Баратынский, Языков, Иван Киреевский, брат Левушка. Разговаривали, спорили, читали стихи, кричали, шумели, много пили.

«18 числа сего месяца совершилось бракосочетание... Накануне у Пушкина был девишник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство — прощальное с холостой жизнью»,— пишет Языков.

О том, какой дым коромыслом стоял на «мальчишнике», видно из письма Дениса Давыдова Языкову, написанного позднее: «Я пьяный на девишнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните...»

Да, было очень шумно, весело и бестолково. Но сам Пушкин был невеселым. Один из первых биографов Пушкина П. И. Бартенев в середине прошлого века расспрашивал еще живых участников пирушки и тут же делал в записной книжке отрывочные записи: «Накануне

свадьбы был очень грустен, и говорил стихи прощаясь с молодостью... А закуска из свежей семьги. Обедало у него человек 12... На другой день он был... очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями...»

И вот настал этот «другой день» — 18 февраля, такой долгожданный и такой тревожный. Венчание происходило в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. По рассказам вездесущего Булгакова, в церковь посторонних «никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет?»

Свадьба прошла торжественно; но одно, казалось бы, ничтожное происшествие смутило суеверную и встревоженную душу поэта. «Во время венчания,— вспоминает современница,— нечаянно упали с налоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. «Tous les mauvais augures» («все плохие предзнаменования»),— сказал Пушкин».

27 февраля у Пушкиных был бал. Вот что пишет Булгаков: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также потанцевал... Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа... Была вьюга и холод...»

Итак, свадьба наконец состоялась. Надо всем теперь царило радостное и непривычное чувство. «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». Это удивительное, умиротворенное, блаженное письмо Плетневу поэт написал через неделю после венчания. Пожалуй, это самое счастливое письмо Пушкина. «Светлое существование» — так он назвал это первое время своей женатой жизни. У него — неустроенного, кочевого, бездомного, появился вдруг дом, семья, берег и рядом человек, которого он очень любит,— все то, о чем он мечтал последние годы, к чему так стремился перед женитьбой, о чем писал позднее: «Юность не имеет нужды в at home <своем доме *(англ.)*>, зрелый возраст ужасается

своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой».

Теперь дом и подруга найдены. Жизнь должна наполниться уютом и возвышенным покоем. Исполнилось то, о чем он мечтал: «мадонна» вошла в его дом.

МАДОННА

Сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Он любил ее давно, но знал, наверное, не очень хорошо; в глубине души он — умнейший человек России — немного робел перед восемнадцатилетней девочкой. «Но я, любя, был глуп и нем». Теперь же Наталья Николаевна перестала быть отдаленной прекрасной мечтой, невестой; теперь она — свой, домашний человек, жена. А, как говаривал Пушкин, «жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат». Он стал относиться к ней менее возвышенно — и еще больше полюбил. Полюбил уже не только за прелестное, грустное и чистое лицо — но и за душу ее. «...Женка моя прелесть не по одной наружности»,— пишет он Плетневу через несколько дней после свадьбы. Это он не уставал твердить всю жизнь: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с тво-

им лицом ничего сравнить нельзя на свете,— а душу твою люблю я еще более твоего лица».

Перемена в Пушкине бросалась в глаза окружающим. О ней судили и рядили, обывательская посредственность одобряла «остепенившегося» поэта, вступившего наконец в ряды солидных людей: «С тех пор, как он женился, это совсем другой человек,— положительный, рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы».

Но он не сделался ни рассудительным, ни положительным. Просто на какое-то время — пускай короткое — он стал счастливым человеком. И мы благодарны Наталье Николаевне за то, что он смог почувствовать счастье, смог написать: «...одно желание мое, чтобы ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь». Мы благодарны ей за то, что надо всеми его письмами этого времени как эпиграф можно поставить его радостные озорные слова из письма Плетневу: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!»

После свадьбы Пушкины прожили в Москве еще почти три месяца — до 15 мая. Наталья Ивановна не переставала мучить Пушкина денежными требованиями, клеветала на него дочери, попрекала безбожием, безнравственностью, даже скупостью. Жизнь рядом с ней в Москве становилась невыносимой. «В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают»,— пишет он Плетневу. И опять: «Москва мне слишком надоела». Наконец, по-видимому, произошла серьезная ссора, после которой уже нельзя было остаться. «...Раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери»,— вспоминает современница. «Я был вынужден уехать из Москвы,— пишет Пушкин теще 26 июня 1831 г. уже из Царского Села,— во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. ...Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

15 мая Пушкин с женой уехали сначала в Петербург, а потом в

Царское Село, на дачу, которую снял для них по просьбе поэта Плетнев. Так закончился этот короткий московский период жизни Пушкина, связанный с маленьким особняком на Арбате...

Теперь, полтора столетия спустя, проходя по старой московской улице и глядя на этот дом, мы вспоминаем те месяцы, которые были прожиты здесь поэтом,— время, полное тревог, ожиданий, забот, суеты, непривычного счастья и недобрых предчувствий.

* * *

Эта книга родилась в процессе организации мемориального музея «Квартира А. С. Пушкина на Арбате», который будет посвящен периоду жизни Пушкина, связанному с его женитьбой.

Работу над созданием музея мы начали с изучения биографии поэта Пушкина в этот отрезок времени. Сперва останавливались лишь на важнейших событиях. Однако постепенно круг наших знаний расширялся; появилось желание составить хронологическую канву, повести своеобразный дневник этих месяцев — первоначально просто как подсобный справочный аппарат, помогающий поиску материалов, построению экспозиции.

Все пристальнее вглядывались мы в жизнь поэта, и она проходила перед нами день за днем, неделя за неделей. В статье о Вольтере Пушкин писал: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа». Эти пушкинские слова — в некотором переосмыслении — все время приходили нам на память. Не только всякая строчка, но и всякий факт, как бы мелок и незначителен, на первый взгляд, он ни был, интересовал нас, будь то лепет московской бальной молвы или мимолетное ехидство журналов.

В этой работе нас постоянно сопровождало ощущение некоего чуда — чуда воскресения. Великая жизнь, отстоящая от нас на полтораста лет, вдруг, как сквозь туман, начинала брезжить, проясняться, проступать все отчетливее из глубины времени.

И постепенно из объемистых экспозиционных картотек и темати-

ческих планов вырисовывалась книга: «Летопись жизни Пушкина в Москве с 5 декабря 1830 года до 15 мая 1831 года».

Как же она построена?

Конечно, в первую очередь в «Летописи» учитываются факты жизни Пушкина: его переписка, встречи, разговоры, в которых отразились его настроения, чувства, взгляды, интересы; деловые и денежные его заботы; публикации произведений.

Но в «Летописи» отражены и все те факты, которые условно могут быть названы «вокруг Пушкина».

Важнейшая часть книги, дающая большой материал для размышлений — это упоминания о Пушкине в переписке и дневниковых записях современников. Причем учитываются и серьезные высказывания его ближайших друзей и литературных единомышленников (Вяземского, Плетнева, Баратынского, Погодина и др.), и мимолетные, незначительные фразы в переписке людей, часто даже не знакомых с ним лично. И те и другие чрезвычайно важны не только для выяснения фактов внешней и внутренней жизни поэта, но и для понимания того, как относилась к Пушкину «масса» — светская, литературная, обывательская, чаще — враждебная, реже — благожелательная. Собранные воедино, эти упоминания и оценки, относящиеся к короткому временному отрезку, дают яркое впечатление о социальном фоне, о той среде, которая окружала гения, судила о нем и от которой во многом зависела его жизнь.

Значительное место в «Летописи» занимает тема «Пушкин в современной ему критике». Впрочем, название это тоже условно. В книге приводятся не только критические статьи и заметки или разделы в статьях общего характера, посвященные обстоятельному разбору его произведений. Нас интересуют и все иные упоминания о Пушкине в печати этих месяцев: стихи о нем, пародии на него, злобные словесные карикатуры (подобные булгаринским), цитации из его стихов, объявления о выходе в свет или поступлении в продажу его произведений и просто мельчайшие упоминания имени поэта. Этот материал, собранный воедино, дает ясное представление о бытовании Пушкина в литературной и читательской среде.

Еще один тип сведений, также чрезвычайно важный,— «Пушкин в

официальной переписке»: в письмах, указах, сообщениях, предписаниях начальства (шефа жандармов Бенкендорфа, министра народного просвещения Ливена, председателя Цензурного комитета Бороздина и др.), в донесениях и отношениях полиции, в канцелярских бумагах губернских правлений и т. п.

В «Летописи» учитываются некоторые факты, касающиеся ближайшего окружения поэта, но существенные для него самого (смерть Дельвига; приезд в Москву Вяземского; болезнь В. Ф. Вяземской; отъезд из Москвы и служебные дела Л. С. Пушкина и т. п.).

Большинство фактологических данных, приводимых в книге, взято из печатных источников — современных Пушкину или позднейших, в значительной части мало доступных, прочно забытых, затерянных в громаде пушкиноведческой литературы. Соединенные вместе, расположенные в хронологическом порядке, по дням, а иногда (к сожалению, не так уж часто) и по часам, сведения эти перестают быть разрозненными, не связанными друг с другом эмпирическими фактами; они выстраиваются в единое целое, создают обобщенное представление об этом периоде жизни Пушкина.

Многие упоминания имени Пушкина в современных ему журналах и газетах приводятся впервые. Ряд фактов, уже известных в литературе, уточнены, обоснованы или передатированы. Некоторые сведения взяты из архива М. А. Цявловского и Т. Г. Цявловской, частично хранящегося в Государственном музее А. С. Пушкина.

Следует подчеркнуть, что в книге почти совершенно не отражено творчество Пушкина в этот период. Дело в том, что данных о произведениях, задуманных, оконченных или пишущихся в это время, нет. Решение этой проблемы требует огромной специальной исследовательской работы, в большой степени — текстологической.

Прообразом при составлении «Летописи» был для нас труд М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С Пушкина», доведенный до 1826 года. Но наша книга задумана и построена несколько иначе. Она не является исключительно справочным изданием; ее задача — не только максимальное выявление всех имеющихся сведений о жизни Пушкина с краткими чисто справочными отсылками к источнику, но и довольно широкое и комментированное цитирование этих

источников, дающих определенное информативное и эмоциональное представление о жизни Пушкина в исследуемые месяцы. Этим объясняется приведение в большинстве случаев целиком пушкинских писем, ибо что же лучше их расскажет нам о внешней и духовной жизни поэта, и обширная цитация писем к нему, воспоминаний, дневников, переписки современников.

Структура расположения текстов в книге в принципе такова: сначала краткое изложение сведения, события; затем его расшифровка, подтверждение — фактическое или хронологическое — большей частью цитатой из соответствующего источника; если же из этой цитаты датировка не явствует — дается ее авторское обоснование. Затем краткий комментарий к приводимой цитате — по мере надобности.

Пушкинские письма датируются в соответствии с изданием:

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. Л., 1977—1979. Обоснование датировки и ссылки не приводятся. Письма к Пушкину цитируются и датируются по академическому изданию в семнадцати томах (М., 1937—1949).

При определении времени выхода в свет книг и журналов пушкинского периода мы пользовались трудом Н. А. Синявского и М. А. Цявловского «Пушкин в печати. 1814—1837», датами цензурных разрешений, извещениями в газетах, главным образом в «Московских ведомостях» (что указано в тексте), датами, проставленными под некоторыми статьями в журналах, и, наконец, неопубликованными сведениями из архива Цявловских. Даты выхода в свет даются с точностью от одного до трех дней. В тех случаях, когда не удалось установить время выхода в свет, указаны даты цензурных разрешений.

Место, где происходит данное событие, сообщается только в тех случаях, когда это не Москва.

Если дневниковая запись, письмо (не пушкинское), документ цитируются уже однажды в качестве комментария, подтверждения, объявления какого-либо факта жизни поэта, то они не приводятся второй раз под той датой, которой помечены. Например, А. Я. Булгаков пишет брату в Петербург 22 января об обеде 21 января вместе с Пушкиным в Английском клубе: этот факт приводится не 22 января, в день написания, а 21.

В случае, если подтверждение какого-либо факта или даты находится в письме Пушкина, которое целиком цитируется в другом месте, выдержка не повторяется (за редкими исключениями), а лишь дается указание на письмо.

Орфография и пунктуация в старых текстах (статьях, письмах, документах) дана близко к подлиннику.

В конце книги помещен именной указатель и список принятых условных сокращений.

Книга не претендует на исчерпывающую полноту охвата материала. Несомненно, в ней возможны какие-то пробелы, отсутствуют какие-то факты. Мы будем благодарны всем читателям, которые смогут сообщить сведения, не учтенные нами.

В заключение хочу выразить глубокую признательность А. З. Крейну, по инициативе которого был осуществлен этот труд, Е. В. Музе — за большую научную и редакционную помощь, а также М. Г. Сукальской, взявшей на себя часть технической работы при подготовке книги.

5 декабря (пятница)

Пушкин приезжает в Москву и останавливается в гостинице «Англия».

Письмо Пушкина к П. А. Плетневу 9 декабря 1830 г.

«Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

На основании предписания бывшего московского обер-полицмейстера от 7 числа сентября прошлого 1829 г. за № 435[1] честь имею донести, что 9 числа сего декабря[2] прибыл из города Лукоянова отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин и остановился Тверской части 1-го квартала в гостинице «Англия», за коим надлежащий надзор учрежден.

Полицмейстер Миллер

№ 241. Декабря 11 дня 1830 г.»

КА, 37, с. 242.

---

[1] О секретном надзоре за Пушкиным.

[2] Миллер дает ошибочную дату вместо 5 декабря.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет издания «Музыкальный альбом на 1831 год, содержащий в себе 24 № избранных русских песен и романсов, оранжированных для фортепьяно К. Гертумом» (Спб., 1831). Здесь помещена аранжировка романса А. Н. Верстовского на слова Пушкина «Черная шаль». Издание самого романса вышло, судя по этой дате, до декабря 1830 г. («Черная шаль. Молдавская песня. Слова А. Пушкина. Музыку посвящает графу Михайле Юрьевичу Вильегорскому А. Верстовский. В Москве грав. и печат. у К. Венцеля»). В «Музыкальном альбоме на 1831 год» помещены также романсы на стихи Пушкина «Талисман», «Буря», «Певец», музыка Н. С. Титова и «Черкесская песня», музыка А. А. Алябьева. См. 25 февраля — объявление в № 16 «Московских ведомостей» за 1831 г. о продаже «Музыкального альбома» в Москве.

Около 6 декабря

Выходит № 39 журнала «Галатея» за 1830 г. В переводной статье «Фелиция Геманс» (без подписи) говорится:

«Люди все любят до времени; идолопоклонство пред появившимся гением, невольное обожание, воздаваемое оригинальности таланта, спадает и исчезает в несколько лет...» В примечании к этой фразе говорится: «Так и русского Байрона <т. е. Пушкина> недавно разбайронили. Это напоминает прекрасные стихи М. А. Дмитриева из пьесы «К моим стихам»:

Ждал славы и венок до времени сплетал.
Венок не доплетен,— а он уже завял».

См.: Московские ведомости, 1830, № 98.

7 декабря (воскресенье)

Петербург. Выходит № 98 газеты на французском языке «Le Furet» за 1830 г. В нем напечатана статья (без подписи): «Esquisses litteraires (Russie). M. Nicolas Gretch»

(«Очерки русской литературы Николая Греча»). Автор статьи находит, что, говоря о книге Н. И. Греча, приходится говорить о нашей молодой, полной надежд литературной эпохе, прежде всего о Жуковском, Батюшкове, Пушкине.

8 декабря (понедельник)

П. В. Нащокин выдает ростовщику Н. А. Вейеру заемное письмо за взятые в долг 2000 рублей. 9 февраля 1831 г. по этому письму Вейеру заплатил за Нащокина Пушкин, чтобы выручить друга из «плохих обстоятельств» (см. письмо Пушкина Плетневу около 16 февраля).

Рукою П., с. 800—802.

5—9 декабря

Пушкин посещает кн. Е. А. Долгорукову, берет у нее пакет, присланный ему из Петербурга Е. М. Хитрово с газетами «Le Glob» «Le Temps» и трагедией А. Дюма-отца «Stockholm, Fontainebleau et Rome» (см.: Письма, II, с. 494). По крайней мере до 11 декабря не читал присланное: не было времени из-за предсвадебных хлопот.

Письма Пушкина к Хитрово 9 и 11 декабря 1830 г.

Читает друзьям свои произведения, написанные в Болдине.

Письмо Пушкина к Плетневу 9 декабря 1830 г.

Ссорится с Н. И. Гончаровой, матерью невесты, и улаживает разные предсвадебные дела, по большей части денежные.

Письмо Пушкина к Плетневу 9 декабря 1830 г.

9 декабря (вторник)

Пушкин пишет письмо Хитрово в Петербург.

«Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас — французские газеты и трагедию Дюма,— все это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события!..

Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней.

Великодушное посещение государя воодушевило Москву[1], но он не мог быть одновременно во всех 16-ти зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен. 1830-й год — печальный год для нас! Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду» (подлинник по-французски).

[1] Николай I приехал в Москву, зараженную холерой, 29 сентября 1830 г. и пробыл там до 7 октября. Пушкин, как и многие его современники, относился к этому поступку царя с одобрением (ср. в письме к П. А. Вяземскому от 5 ноября 1830 г. из Болдина: «Каков государь? молодец!»). Вообще же отношение Пушкина к Николаю I было сложным, неоднозначным, различным в разные периоды. Некоторое время поэт верил в личную и гражданскую порядочность царя, в его искреннее желание блага России. Однако в 1830-е гг. надежды Пушкина на реформаторскую деятельность императора сменились глубоким скепсисом по отношению к самодержцу.

Пишет письмо Плетневу в Петербург.

«Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и насилу с нею сладил, но слава богу — сладил. Насилу прорвался я и сквозь карантины[1] — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели. Что «Годунов»?[2] Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю[3], совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400)[4], которую выдадим Anonyme. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: «Скупой Рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное)*. Написал я прозою 5 повестей[5], от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Anonyme. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. Итак, рус-

* Для тебя единого.

ская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфетный билетец этого несносного Лавинья[6]. Но все же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его «Газете» не было и тени не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы[7] заедят его как барана, а не как барона. Прости, душа, здоров будь — это главное».

---

[1] На пути из Нижегородской губернии, охваченной холерной эпидемией, в Москву. В Москве карантинное оцепление было снято 6 декабря — на следующий день после приезда Пушкина (Письма, II, с. 490).

[2] Печатание «Бориса Годунова» в это время уже заканчивалось. Трагедия поступила в продажу в Петербурге 22—23 декабря (см.).

[3] Восьмая глава — «Путешествие Онегина»; девятая глава — в окончательной редакции восьмая.

[4] «Домик в Коломне».

[5] «Повести Белкина».

[6] «Литературная газета», редактируемая А. А. Дельвигом, была временно закрыта за напечатание в № 61 от 28 октября 1830 г. стихов Казимира Делавиня о французской революции 1830 г. В истории закрытия «Литературной газеты» большую роль сыграли доносы Булгарина, политического и литературного противника партии Пушкина, Дельвига, Вяземского.

[7] Пушкин имеет в виду Булгарина и Греча.

М. П. Погодин записывает в «Дневнике»:

«Декабрь. 9... Пушкин приехал, что же не заглянет ко мне».

П. в восп., II, с. 21.

Е. А. Баратынский пишет Н. М. Языкову:

«Слух о том, что Пушкину невеста отказала, к общему удовольствию всей литературной публики, оказался ложным!»

ЛН, 58, с.100.

Около 10 декабря

Пушкин получает письмо из Одессы от писателя и историка М. П. Розберга от 5 декабря. Розберг просит Пушкина об участии в предполагаемом литературном одесском альманахе. Описывает Одессу, ее быт, ее общество, сообщает об общих с Пушкиным одесских знакомых.

«В торговой Одессе, которая гораздо более заботится о пшенице, нежели о литературе, зреет мало по малу литературный альманах. Крестин ему еще не было, однако думаю, что мы назовем его Евксинскими, или Южными цветами... Одесса льстит себя надеждою, что певец Бахчисарайского фонтана и Полтавы не откажется осветить своими звуками страницы первого литературного издания, возникающего на берегах Черного моря, некогда питавшего вдохновенными мечтами душу любимого поэта русских. Отрывок из Онегина был бы тот блестящий парус, который и противный ветер обратил бы для нас в попутный... Не знаю, должно ли вас поздравить со вступлением в новый период жизни? во всяком случае, как русский, желаю от души, чтобы и этот период, более тихий и покойный, был для вас столь же обилен поэтическими думами, как и бури вашей юности, молнийным блеском озарившие нашу словесность и оставившие в живых сердцах следы глубокие».

9—11 декабря

Пушкин получает письмо от Хитрово, адресованное ему в Болдино, так как она не знала, что он уже в Москве. Письмо это переслал ему из Петербурга С. Л. Пушкин. По-видимому, от него Пушкин также получает письмо. Оба эти письма (Хитрово и отца) до нас не дошли. Хитрово, судя по ответу Пушкина (см. 11 декабря), писала о слухах относительно его разрыва с невестой, о событиях во Франции.

11 декабря (четверг)

Пушкин пишет письмо Хитрово.

«Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню. Вы должны быть уверены в моей признательности, так же как я уверен в участии, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Поэтому я не буду говорить вам об этом, сударыня. Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям. Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе. Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении,— что называете вы хорошим направлением? Я боюсь, как бы победители не увлеклись чрезмерно и как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, не устрашенное эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую само не переживало[1]. Я еще не читал газет, так как не имел времени оглядеться. Что же касается русских газет, то, признаюсь, меня очень удивило запрещение «Литературной газеты». Издатель, без сомнения, сделал ошибку, напечатав конфектный билетец Казимира Ла-Виня[2],— но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда даже намеков на политику. Мне обидно за Дельвига, человека спокойного, весьма достойного отца семейства, которому, тем не менее, минутная глупость или оплошность могут повредить в глазах правительства,— и как раз в тот момент, когда он ходатайствует перед его величеством о пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига[3].

Будьте добры, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей[4], благосклонность которых я высоко

цену, и разрешите мне сделать то же по отношению к вам» (подлинник по-французски).

---

[1] Об отношении Пушкина к июльской революции 1830 года во Франции, к новому французскому правительству, к выборам в парижскую палату депутатов — см.: Томашевский Б. В. Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово.— В кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927.

[2] См. письмо Плетневу от 9 декабря.

[3] По-видимому, Пушкин предполагал, что Хитрово доведет письмо до сведения тех, от кого зависит дальнейшая судьба Дельвига и «Литературной газеты». В расчете на это и написана фраза.

[4] Д. Ф. Фикельмон и Е. Ф. Тизенгаузен.

Пушкина посещает Погодин, по-видимому, в первый раз в этот приезд поэта в Москву (см. 9 декабря).

«11. К Пушкину. Услышал опять очень лестную похвалу «Марфе»[1] и много прекрасных замечаний. Удивлялся, что язык ему кажется слишком неправильным. Он наработал множество[2]. Я сказал ему, что буду писать Бориса и Димитрия. «Пишите, а я отказываюсь». Говорили о Димитрии, потом о Франции (зачем отстранили Бордо), Польше, литературе. «Напрасно они говорят отвлеченности: у нас нет семени литературы», etc.».

Погодин. «Дневник». 11 декабря 1830 г.
П. в восп., II, с. 21.

---

[1] Трагедия Погодина «Марфа Посадница».

[2] Возможно, Пушкин читает Погодину что-нибудь из созданного в Болдине.

Петербург. «Объяснение» попечителя Петербургского учебного округа К. М. Бороздина в главное управление цензуры:

«В № 50 Литературной газеты, апреля 6-го, напечатана была статья О ВИДОКЕ ПОЛИЦЕЙСКОМ СЫЩИКЕ[1], и около того же времени ходила по рукам в рукописи эпиграмма: Не то беда, что ты поляк <следует текст>. Неизвестно мне почему, многие предполагали, что ОБЕ СИИ

ПЬЕСЫ написаны на счет БУЛГАРИНА. Между тем сия самая эпиграмма, 26-го апреля же месяца, напечатана в 17 № Сына Отечества и Северного Архива с переменою только двух слов, а именно: вместо ВИДОК. ФИГЛЯРИН сказано ФАДДЕЙ БУЛГАРИН[2]. После таковой, так сказать, гласности, я полагал, что и статья: «Два слова об истории Видока»[3] не может быть допущена к печатанию».

ИВ, 1884, т. XV, март, с. 483—484.

---

[1] Бороздин (или переписчик) в своем «Объяснении» ошибся: статья Пушкина «О записках Видока» с намеками на Булгарина была напечатана в № 20 (а не 50) «Литературной газеты» за 1830 г.

[2] В «Сыне Отечества» эпиграмму Пушкина с заменой имен напечатал сам Булгарин в полемических целях.

[3] Статья, переведенная из французского журнала. А. Ф. Воейков предполагал поместить ее в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», но цензура запретила статью, так как боялась, что в ней снова будут усмотрены намеки на Булгарина (см.: П. и совр., XXIX—XXX, с. 71—72).

12 декабря (пятница)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 66 «Литературной газеты» за 1830 г. В сноске к статье «О Владимире Васильевиче Измаилове» за подписью Н. И.-П. (Н. Д. Иванчин-Писарев) упоминается о том, что «первые опыты А. Пушкина» появились в журнале «Вестник Европы» в 1814 г.

В разделе «Смесь» среди писателей, которые будут продолжать печататься в «Литературной газете» в 1831 году, назван Пушкин.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 147 (от 8 декабря) газеты «Северный Меркурий» за 1830 г. В разделе «Смесь» в статье Панкрата Веритатина «Выписка из письма к издателю» говорится о «стишонках мелких подражателей Ламартину, Байрону и Пушкину, которых развелось у нас, как тараканов...»

В разделе «Смесь» в статейке без заглавия и без подпи-

си рассказывается, как журналист, торопясь в гости и не имея чем заполнить очередной номер журнала, передал наскоро написанную им рукопись наборщику и приказал ему заполнить пустые места точками. На возражение наборщика издатель ответил, что «если в Онегине, который пишется вовсе не на срок, есть целые строфы из точек, то почему же не добавить ими строчки три или четыре в газетном листке?»

13 декабря (суббота)

Погодин записывает в «Дневнике»:

«13... Воротился домой и получил письмо Пушкина, еще из деревни посланное[1]. Прославляет «Марфу», и я отменно был доволен. Долго думал ночью о «Борисе» и между прочим решил открыть Пушкину свои мечты и спросить его опытного совета».

П. в восп., II, с. 21.

---

[1] От последних чисел ноября.

Турин. С. А. Соболевский пишет С. П. Шевыреву в Рим:

«13/25 декабря 1830... Я накупил на днях себе новинки (а для тебя, чай, старое): ... Цветы на 1830[1], Вильгельма Телля Ротчева и 7-ю Онегина[2]... Что за тощий альманах! Из прозы: ... Пушкина проза смешна бы была, если бы без имени написана в какой-нибудь газете, даже не в журнале... Стихи же только вижу: Онегина, эпиталама Баратынского, Зимний Вечер; эпиграмма Пушкина (мне очень нравится: Русское сердце); песня Дельвига (очень мила); элегия безымянного (очень нравится); Родина Туманского, а в прочем (даже Пушкина и Баратынского) осрамились окаянные. Две Пушкина «Я вас люблю» и Вяземского «Слеза» — точно будто бы я тиснул... Правда, что с 1-го января до 14 июля было истрачено гибельно... за то Сергей Александрович (Соболевский — о себе) одет как куколка и снабжен всяким английским fashion'абильством: щетками, пил-

ками, ножами, ножницами, умывальниками и проч., что было у Онегина в туалетной...»

РА, 1909, № 7, с. 496—497.

[1] «Северные цветы на 1830 г.» вышли в свет в 20-х числах декабря 1829 г. В них напечатаны следующие произведения Пушкина: «Отрывок из литературных летописей», «2-го ноября» («Зима. Что делать нам в деревне?»), «26 мая 1828» («Дар напрасный, дар случайный»), отрывок из VII главы «Евгения Онегина», «Зимний вечер», «К**» («Подъезжая под Ижоры»), «К NN» («Счастлив ты в прелестных дурах») «Олегов щит», «Эпиграмма» («Мальчишка Фебу гимн поднес»), «Эпиграмма» («Седой Свистов! Ты царствовал со славой»), «Я вас любил».

[2] Седьмая глава «Евгения Онегина» издана в марте 1830 г.

Выходит № 100 газеты «Московские ведомости» за 1830 г. Объявление о продаже книги «Новейшее собрание романсов и песен, избранных из лучших авторов, как-то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, Барона Дельвига, князя Вяземского, Федора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слепушкина и многих других литераторов. В двух частях», ч. 1 (М., 1830). Книга вышла в свет в апреле — мае 1830 г.

15 декабря (понедельник)

У Пушкина — Погодин.

«15. Пушкин читал мне разные прозаические отрывки и повесть октавами[1], которую просит издать. Вот геркулесовский подвиг. Об «Адели»[2] — «печатайте». Он спешил... Обедал у Киреевских и не успел уязвить письмом Пушкина[3]. Пушкин рассказывал о Жуковском и о доносах Булгарина»[4].

Погодин. «Дневник». 15 декабря 1830 г.
П. в восп., II, с. 22.

[1] «Домик в Коломне».

[2] Повесть Погодина.

[3] От последних чисел ноября (см. 13 декабря).

[4] О письме В. А. Жуковского Николаю I от 30 марта 1830 г. о доносах Булгарина на Жуковского и И. В. Киреевского (П. в восп., II, с. 380).

Петербург. «Главное управление цензуры, выслушав представление попечителя петербургского учебного округа от 11 декабря (см.), постановляет, что запрещение статьи о Видоке не может быть основано на том, что Ф. Булгарин вставил в эпиграмму о Видоке свое имя...»

Труды и дни, с. 463.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 146 (от 5 декабря) газеты «Северный Меркурий» за 1830 г. В стихотворении Д. Новикова «Песнь скальда» пародируются отдельные места из «Цыган», «Кавказского пленника», «Евгения Онегина» и др.

16—17 декабря

Пушкин приезжает в имение Вяземских Остафьево. Там вся семья князя П. А. Вяземского: княгиня Вера Федоровна, дети Прасковья, Мария, Надежда, Павел. Приехал, по-видимому, 16-го, так как П. П. Вяземский вспоминает о том, что поэт присутствовал на «вечернем чае», а 17-го вечером он был уже в Москве и имел беседу с Погодиным (см.).

«Я третьего дня и позабыл попросить тебя побывать у князя Юсупова...»

Вяземский — Пушкину 19 декабря 1830 г.

«19-го... Третьего дни был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина[1], ею и кончит; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника. Куплеты: «Я мещанин, я мещанин»[2], эпиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драмати-

ческих сцен в стихах: «Дон Жуана», «Моцарта и Сальери», «У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи».

Вяземский. «Записные книжки»
П. в восп., I, с. 162.

---

[1] См. 9 декабря — письмо к Плетневу.
[2] «Моя родословная».

«Уже при последних издыханиях холеры посетил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля, и судил о труде моем[1] с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал. Между прочим находил он, что я слишком живо нападаю на фон-Визина за мнения его о французах, и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями... Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем. Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд».

Вяземский, I, с. LI.

---

[1] О биографии Фонвизина, над которой Вяземский работал с середины 1820-х гг. и для которой усиленно собирал материалы. См. 20 — 21 декабря — письмо Вяземского к Пушкину от 19 декабря.

«...Помню, когда холера начала уже спадать, зимою Пушкин приехал к нам в Остафьево. Я прочел ему несколько глав труда своего[1]. Главою о театре был он очень доволен. Но бранил меня за то, что я излишне хвалю французских энциклопедистов... Разумеется, Пушкин сердился за

то, что я сердился на Ф.-Визина, говорившего с крайним неуважением о том, что нашел он в Европе».

Вяземский — П. И. Бартеневу 22 февраля 1867 г.
Звенья, VI, с. 151

---

[1] О Фонвизине.

«Немедленно по снятии карантинов, в декабре или январе 1831 года, он навестил нас в Остафьеве. Я живо помню, как он во время семейного вечернего чая расхаживал по комнате, не то плавая, не то как будто катаясь на коньках и, потирая руки, декламировал сильно, напирая на: «я мещанин, я мещанин», «я просто русский мещанин». С особенным наслаждением Пушкин прочел врезавшиеся в мою память четыре стиха:

Не торговал мой дед блинами,
В князья не прыгал из хохлов,
Не пел на клиросах с дьячками,
Не ваксил царских сапогов».

П. По док. ОА, с. 415—416.

«Пушкин был у меня два раза в деревне[1], все так же мил и все тот же жених. Он много написал у себя в деревне».

Вяземский — Плетневу 12 января 1831 г.
Изв. ОРЯС, т. II, кн. 1, Спб., с. 93.

---

[1] Второй раз Пушкин был в Остафьеве 4 января (см.).

Около 17 декабря

Выходит журнал «Новый живописец общества и литературы» (Прибавление к «Московскому телеграфу» № 19» за 1830 г.) В статье «Делать карьер» (без подписи) упоминается произведение Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанное в «Северных цветах на 1828 год»

на с. 216. Автор статьи (не приводя имени сочинителя и заглавия произведения) считает, что это — «сброд слов, названных мыслями».

В статье «Литературные и журнальные редкости» (без подписи) отмечается чрезвычайная поэтическая бедность в текущем году. «Великие поэты дают перепечатывать свое старое, давно напечатанное, не сказывают журналисту». Стихи Пушкина «К цыганке» и «Цыганская песня», а также стихи Жуковского и Баратынского печатаются в журнале «Славянин» как новость, хотя давно уже были напечатаны в других журналах. Издатель «Славянина» Воейков печатает стихотворение Вяземского «На новый 1830-й год», не зная, что эти же стихи с заглавием «На новый 1828 год» были когда-то опубликованы в «Русском зрителе». Воейков два стиха «Козлов и Пушкин с Баратынским! Кого ж еще бы к Вам причесть?» снабдил примечанием, в котором «причетает» к названным поэтам Дельвига, Ободовского, Ф. Глинку, Подолинского, Деларю и т. д., чем оказывает Пушкину медвежью услугу.

См.: Московские ведомости, 1830, № 101.

Выходит книга «Роза граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола» (М., 1830) с публикацией стихотворений Пушкина (перепечатка) «Муза», «Возрождение», «Зимнее утро», «Мадригал» («Нет ни в чем вам благодати...»), «Из Гафиза». За подписью Пушкина напечатано стихотворение «Русская песня», не принадлежащее ему.

В стихотворении «Н... С. И... не Р...ной» П. Сиянов пишет:

Судьбою своенравной
Мне дара не дано в удел,
Которым Пушкин славной
Венок бессмертья приобрел...

См.: Московские ведомости, 1830, № 101.

17 декабря (среда)

Вечером у Пушкина — Погодин.

«17... К Пушкину, который прочел мне свои прелестные русские песни»[1].

Погодин. «Дневник». 17 декабря 1830 г.
П. в восп., II, с. 22.

---

[1] По-видимому, записи народных песен, сделанные в Болдине.

Цензурное разрешение на выход в свет № 41 журнала «Галатея» за 1830 г. В статье «Новость и оригинальность» (без подписи) автор пишет:

«Вы ставите Державина выше Ломоносова, Пушкина выше Державина для того, чтобы заменить их другими, которых породит завтрашний день».

19 декабря (пятница)

Докладная записка обер-полицмейстера С. Н. Муханова военному генерал-губернатору Москвы Д. В. Голицыну.

«Секретно
19 декабря 1830 г.

Господину Московскому военному генерал-губернатору
Докладная записка

Прибывший из города Лукоянова 9-го сего месяца[1] отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин остановился Тверской части в гостинице «Англия», за коим, на основании предписания вашего сиятельства от 6 сентября 1829 года за № 117, надлежащий надзор учинен.

О чем вашему сиятельству имею честь доложить».

КА, 37, с. 242.

---

[1] Ошибочная дата.

20 декабря (суббота)

Тригорское. Ан. Н. Вульф пишет брату Ал. Н. Вульфу в деревню Антоновка (Польша) о письме Пушкина из Болдина к Осиповым и о предстоящей женитьбе поэта.

Содержание и дата этого несохранившегося письма Ан. Н. Вульф известны из записи в дневнике Ал. Н. Вульфа 30 декабря (см.) и из ответа Ал. Н. Вульфа от 20—30 января (см.): «На твое письмо от 20-го декабря не удалось мне так скоро отвечать, как я желал... Верно жизнь Пушкина в Нижегородской деревне была очень похожа на Михайловскую, когда она ему так живо напомнила последнюю, что он вздумал писать к вам».

П. и совр., I, с. 91—92.

20—21 декабря

Пушкин получает письмо из Остафьева от Вяземского от 19 декабря.

«Я третьего дня и позабыл попросить тебя побывать у князя Юсупова и от меня поразведать его о Фон-Визине[1]. Вижу по письмам, что они были знакомы. Не вспомнит ли князь каких-нибудь анекдотов о нем, острых слов его? Нет ли писем его? Поразведай его также о Зиновьеве, бывшем министре нашем в Мадриде, и Мусине-Пушкине, нашем после в Лондоне; они были общие приятели Фон-Визину. Узнай, кто говорил: chez neus mieux <у нас лучше *(фр.)*>. Скажи князю, что я сам не адресуюсь к нему, чтобы не обеспокоить письмом. На словах легче переспросить и отвечать. Пожалуйста съезди и пришли мне протокол твоего следственного заседания.

Прости.

19-го д. 1830.

Нет ли у князя на памяти чего-нибудь о Стакельберге, бывшем в Варшаве, о Маркове? Все это из Фон-Визинской шайки».

---

[1] О работе Вяземского над биографией Фонвизина см. 16—17 декабря.

21—22 декабря

Петербург. Плетнев получает по поручению Пушкина в типографии Департамента народного просвещения отпечатанный тираж «Бориса Годунова».

«...Отношением от 22 октября с. г., Ваше Высокопревосходительство уведомил меня, что по Высочайшему Государя Императора повелению, объявили Вы, Милостивый Государь мой, известному писателю Александру Сергеевичу Пушкину дозволение Его Величества на напечатание исторической драмы его сочинения: Борис Годунов, под собственною его ответственностию; осведомлясь же, что г. Пушкин намерен печатать сие сочинение в типографии Департамента Народного Просвещения, Вы отнеслись ко мне к должному исполнению Высочайшей воли, что бы сказанная типография, отпечатав потребное число экземпляров драмы, выдала их непрекословно тому, кому г. Пушкин поручит оное принять.

Сделав тогда же распоряжение об исполнении Высочайшей воли, ныне получил я донесение, что типография Департамента Народного Просвещения, отпечатав драму г. Пушкина, выпустила экземпляры, по его поручению, г. Плетневу.

Уведомляя о сем Вас, Милостивый Государь мой, имею честь быть с совершенным почтением Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга, князь Карл Ливен[1].

№ 9541

24 декабря 1830 г.

Его Высокопр-ву

А. Х.

Бенкендорфу».

Дела III Отд., с. 117

[1] Министр народного просвещения.

22 декабря (понедельник)

У Пушкина — Погодин.

«22... Пушкин прочел мне 9 «Онегина»[1], и прелесть. «Все вы пишете так»,— а мне счастья нет. Читал нечто из «Адели». На минуту к Аксаковым, раздосадованный на поправки Надеждина в герое»[2].

Погодин. «Дневник». 22 декабря 1830 г.
П. в восп., II, с. 22.

---

[1] В окончательной редакции — восьмую главу.

[2] Пушкинское стихотворение «Герой» Погодин печатал в первом номере журнала «Телескоп» за 1831 г. Погодин едет к Аксаковым по поводу поправок к этому стихотворению, внесенных редактором журнала Н. И. Надеждиным. По-видимому, поправки успели снять.

Петербург. Министр народного просвещения К. А. Ливен отвечает на «Объяснение» К. М. Бороздина от 11 декабря (см.):

«...Запрещение оной[1] нельзя основать на том обстоятельстве, что в ходившей по рукам эпиграмме находилось имя Видока-Фиглярина, вместо которого в издаваемом г. Булгариным журнале напечатано его собственное имя».

П. и совр., XXIX—XXX, с. 74.

---

[1] Статьи «Два слова об истории Видока».

22—23 декабря

Петербург. Поступает в продажу «Борис Годунов».

23 декабря (вторник)

Петербург. Выходит № 153 газеты «Северная пчела» за 1830 г. В разделе «Новые книги» — объявление:

«Поступила в продажу в книжном магазине А. Ф. Смирдина: трагедия Борис Годунов, соч. А. С. Пушкина. Цена 10 р., с пересылкою 11 р.».

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 68

«Литературной газеты» за 1830 г. В статье (без подписи) о новых книгах «Безумная. Русская повесть в стихах. Сочинение Ивана Козлова» и «Рождение Иоанна Грозного. Поэма в трех частях. Сочинение барона Розена» говорится о русской литературе: «Наша красавица пробуждается очень, очень редко и скоро опять засыпает до неопределенного времени. Ныне одна только блестящая звезда Пушкина воздвигает ее ото сна и то много, много раза два в год...» Здесь же как образец естественного, а не театрального изображения сумасшествия приводится пушкинская Мария Кочубей.

24 декабря (среда)

Петербург. Выходит альманах «Северные цветы на 1831 г.» (цензурное разрешение 18 декабря 1830 г.) с первой публикацией стихотворений Пушкина «Поэту», «Ответ Анониму», «Монастырь на Казбеке», «Отрывок» («На холмах Грузии...»), «Обвал».

В альманахе опубликовано шутливое стихотворение Вяземского «Святочная шутка», в котором поэт спрашивает о черте: «Кто сват его: Европы ль Вестник или Онегин, наш шалун?»

Стихотворение Языкова «Элегия» посвящено памяти Арины Родионовны.

В «Выдержках из записной книжки» Трилунного автор говорит, что каждый человек, любящий свое отечество, должен любить Карамзина, Державина, Жуковского, Пушкина «за услуги, оказанные ими родной литературе».

В статье О. М. Сомова «Обозрение российской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года» упоминается о том, что альманахи «Царское Село» и «Денница» «украшены» стихами Пушкина, Баратынского, Ф. Глинки и др. Далее идет разбор седьмой главы «Евгения Онегина», полемически заостренный против нападок Булгарина:

«Люди, не умеющие ценить произведений поэзии, не знающие различия между стихом живым, ярким, обольститель-

ным — и гладким подбором слов... между созданием, отчетливым в самом его своенравии,— и кропотливым жеманством посредственности... люди сии старались уронить поэтическое достоинство 7-й главы Онегина... для них было потребностию души, расчетом мелкого своекорыстия, чтобы представить в искаженном виде живое, прекрасное создание таланта, столь нещадно затмевающего вялые, бесцветные и ничтожные исчадия пера их. Но перестанем говорить о сих филинах и нетопырях литературных. Перед нами лежит 7-я глава Онегина, как бы приятным отдохновением для взора, оскорбленного на минуту сором и нечистью заднего двора».

Далее автор пересказывает содержание главы.

См.: Литературная газета, 1830, № 68 и Северная пчела, 1830, № 156.

Петербург. Министр народного просвещения Ливен пишет отношение № 9541 к гр. А. Х. Бенкендорфу о том, что отпечатанное в типографии Департамента Народного Просвещения издание «Бориса Годунова» выдано по поручению Пушкина Плетневу.

Дела III Отд., с. 117.

Село Липицы Смоленской губернии[1]. *А. С. Хомяков пишет Н. А. Муханову в Москву:*

«Пожалуйста словечко... об свадьбе Пушкина».

ЛН, 58, с. 95.

---

[1] Имение Хомякова, где он, по-видимому, находился в это время. 20 ноября Погодин пишет С. П. Шевыреву в Рим: «Хомяков в Смоленске» (РА, 1882, № 6, с. 177—178).

Петербург. И. И. Козлов записывает в дневнике:

«Плетнев мне принес «Годунова» Пушкина».

Ст. и нов., XI, с. 50.

Пушкин видится с С. Д. Киселевым, который посылает в Бухарест служившему там брату П. Д. Киселеву последнюю выходившую тогда в Москве под редакцией Погодина «Ведомость о состоянии города Москвы» (см. ниже приписку Киселева к письму Пушкина Н. С. Алексееву от 26 декабря: «К брату посылаю дневную ведомость...». См. также: Письма, II, с. 499). Вероятно, Пушкин решает воспользоваться оказией и написать в Бухарест своему кишиневскому приятелю Н. С. Алексееву, служившему при генерале П. Д. Киселеве. Скорее всего С. Д. Киселев уговаривал его это сделать (см. приписку Киселева: «Немало мне стоило труда заставить его писать...»), так как Пушкин уже давно отошел от Алексеева и мало ему писал, судя по упрекам того «в забывчивости и лени». Их общность, видимо, ограничивалась «кишиневским» кругом интересов, давно пережитых Пушкиным: сообщает он Алексееву, в сущности, почти только об общих кишиневских знакомых (см. приписку С. Д. Киселева: «...мне кажется он забыл, что пишет в Бухарест, а не в Кишинев!»).

Возможно, что известие от Алексеева (устное или письмо, не дошедшее до нас, с упреками в «забывчивости и лени»), на которое Пушкин отвечает 26 декабря, он получил в этот же день или накануне от того же Киселева, поддерживающего общение с Бухарестом и с приятелем своим Алексеевым.

Пишет письмо в Бухарест Н. С. Алексееву.

«Мой милый, как несправедливы твои упреки моей забывчивости и лени! Из писем твоих вижу я, душа моя, что мои до тебя не доходят. Не знаю, кого винить, не смею никого винить; но я писал к тебе несколько раз или (чтоб не солгать) два раза — стихами и прозою, как бывало в старину. Ты пишешь, что ты постарел, мой вечно юный; желал бы

посмотреть на твою лысину и морщины; вероятно, и ты не узнал бы меня: я оброс бакенбардами, остригся под гребешок — остепенился, обрюзг — но это еще ничего — я сговорен, душа моя, сговорен и женюсь! и непременно дам тебе знать, что такое женатая жизнь. Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению,— о берегах Быка, о Кишиневе, о красавицах — вероятно, состарившихся — о Еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга — о Пульхерии, о Стамо, о Худобашеве, об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщинах и мужчинах, живых и мертвых. Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто. Прости, радость моя. Пиши мне».

Киселев на отдельном листке делает приписку к этому письму Пушкина (судя по ее содержанию — уже расставшись с Пушкиным):

«Писать мне в одном письме с Пушкиным конечно есть преступление, но зато ты легко можешь разделить его на два листка.— Немало мне стоило труда заставить его писать, и то мне кажется он забыл, что пишет в Бухарест, а не в Кишинев! — Холера у нас продолжается, но уже гораздо слабее. К брату посылаю дневную ведомость, из коей можешь видеть общий итог; в числе умерших двое Офросимовых, а протчие ни для тебя ни для меня не интересны.— Пушкин женится на Гончаровой; между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат!.. Пиши мне, любезный Алексеев, сколько можно пространнее, чаще и больше, ты тем премного обяжешь душою и сердцем преданного друга Киселева».

20-е числа декабря (не позднее 27—28)

Пушкин, по-видимому, получает письмо от Вяземского (несохранившееся) из Остафьева с просьбой о приезде. Письмо Пушкина, написанное не ранее 27—28 декабря (см.), скорее всего ответ на него (Письма, II, с. 499).

26—27 декабря

В эти дни, по-видимому, получен в Москве «Борис Годунов». В Петербурге поступил в продажу 22—23 декабря (см.).

Письмо Пушкина к Вяземскому, конец (не ранее) 27—28 декабря 1830 г.

28 декабря (воскресенье)

Петербург. Выходит № 104 газеты «Le Furet» за 1830 г. В нем напечатана статья (без подписи) «Echo litteraturee russe» (Эхо русской литературы), где есть сообщение о выходе в свет «Бориса Годунова».

29 декабря (понедельник)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 69 «Литературной газеты» за 1830 г. В разделе «Смесь» объявление о том, что Баратынский окончил поэму «Наложница». Приводится стихотворение Пушкина о поэме Баратынского «Эда»: «Стих каждый повести твоей...»

30 декабря (вторник)

Петербург. Выходят «Библиографические прибавления к «Северной пчеле» 1830 г. № VII. В заметке «Книги, вышедшие в течение декабря 1830 г.» (без подписи) значится «Борис Годунов».

Польша, д. Антоновка. Ал. Н. Вульф пишет в дневнике:

«30... Сестра Анна пишет[1], что будто бы Литературную газету запретили за стихи, о которых мне писала А. П.[2] — Пушкин все еще не женился, а брат его Лев уверяет, что

если Гончарова не выйдет замуж за Александра Сергеевича, то будет его невесткою».

П. и совр., XXI—XXII, с. 150.

---

[1] Вероятно, речь идет о письме Ан. Н. Вульф из Тригорского от 20 декабря (см.).

[2] А. П. Керн.

31 декабря (среда)

Погодин записывает в «Дневнике»:

«31... Прочел еще «Бориса». Славные вещи. Вот язык».

П. в восп., II, с 22.

Выходит № 105 газеты «Московские ведомости» за 1830 г. Объявление о продаже в университетской лавке А. С. Ширяева в Москве полученной на днях из Петербурга книги «Борис Годунов. Сочинение А. Пушкина. Спб., 1830 г. Цена 11 руб.».

Петербург. Бенкендорф в предназначенном для Николая I Отчете III Отделения «Картина общественного мнения в 1830 г.» говорит о молодых людях, «пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России». «Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал» (Занда), «Ода на вольность» и т. д. и т. д., переписываются и раздаются направо и налево».

КА, 38, с. 141—142.

Конец декабря

Пушкин, измученный проволочками со свадьбой, строит планы об отъезде в Польшу.

«Пушкин очень внимательно следил за ходом Польского восстания. Еще в исходе 1830 года, наскучив тем, что свадьба его оттягивалась вследствие разных препятствий со стороны будущей тещи, он говорил Нащокину, что бросит все и уедет драться с поляками.—«Там у них есть один Вей-

скопф (белая голова): он наверное убьет меня, и пророчество гадальщицы сбудется».

Бартенев со слов Нащокина.
Девятнадцатый век, I, с. 386.

«...Пушкин в Москве перед женитьбой, думая отправиться в Польшу, говорил, что, верно, его убьет Вейскопф, один из польских мятежников, действовавших в тогдашнюю войну».

П. В. и В. А. Нащокины. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым».
П. в восп., II, с. 190—191.

«Нетерпеливость Пушкина, потребность быстрой смены обстоятельств, вообще пылкий характер его выражается, между прочим, и в том, что он было хотел было совсем оставить свою женитьбу и уехать в Польшу единственно потому, что свадьба по денежным обстоятельствам не могла скоро состояться... Нащокин был постоянно против этого. Он даже имел с ним горячий разговор по этому случаю, в доме кн. Вяземского. Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин все напевал Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи».

П. В. и В. А. Нащокины. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бертеневым».
П. в восп., II, с. 191.

Петербург. Н. В. Гоголь пишет статью о «Борисе Годунове». Статья осталась незаконченной. При жизни Гоголя не печаталась.

«Книжный магазин блестел в бельэтаже ***ой улицы, лампы отбивали теплый свет на высоко взгроможденные стены из книг, живо и резко озаряя заглавия голубых, красных, в золотом обрезе, и запыленных, и погребенных, означенных силою и бессилием человеческих творений. Толпа густилась и росла... Сидельцы суетились. «Славная вещь! Отличная вещь!» — отдавалось со всех сторон. «Что, батюшка,

читали Бориса Годунова, нет? Ну, ничего же вы не читали хорошего» — бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигуре. «Каков Пушкин?» — сказал, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарский корнет своему соседу, нетерпеливо разрезывавшему листы.— «Да, есть места удивительные!» — «Ну, вот наконец дождались и Годунова!» — «Как, Борис Годунов вышел?» — «Скажите, что это такое Борис Годунов? как вам кажется новое сочинение?» — «Единственно! Единственно! еще бы некоторой картины... О, Пушкин далеко шагнул!» — «Мастерство-та, главное — мастерство; посмотрите, посмотрите, как он искусно того...» — трещал толстенький кубик с веселыми глазками, поворачивая перед глазами своими руку с пригнутыми немного пальцами, как будто бы в ней лежало спелое прозрачное яблоко. «Да, с большим, с большим достоинством! — твердил сухощавый знаток, отправляя разом полунции табаку в свое римское табакохранилище.— Конечно, есть места, которых строгая критика... Ну, знаете... еще молодость... Впрочем, произведение едва ли не первоклассное!» — «Насчет этого позвольте-с доложить, что за прочность»,— присовокупил с довольным видом книгопродавец: — «ручается успешная-с выручка денег...» — «А самое-то сочинение действительно ли чувствительно написано?» — с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик. «И конечно чувствительно!» — подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель: «если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!» Между тем лица беспрестанно менялись, выходя с довольною миною и книжкою в руках».

«Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт! И когда передо мною медленно передвигается минувшее и серебряные тени в трепетании и чудном блеске тянутся бесконечным рядом из могил в грозном и тихом величии, когда вся отжившая жизнь отзывается во мне и стра-

сти переживаются сызнова в душе моей — чего бы не дал тогда, чтобы только прочесть в другом повторение всего себя?.. О, как велик сей царственный страдалец! Столько блага, столько пользы, столько счастия миру — и никто не понимал его... Над головой его гремит определение... Минувшая жизнь, будто на печальный звон колокола, вся совокупляется вокруг него! Умершее живет!.. И дивные картины твои блещут и раздаются все необъятнее, все необъятнее, все необъятнее...»

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. Л., 1952, с. 148—152.

Петербург. Выходит книга «Сочинения Фаддея Булгарина», ч. 11 и 12 (Спб., 1830).

Ч. 11. В статье «Поездка в Парголово» Булгарин цитирует поэму «Братья-разбойники»: «Выехав за Выборгскую заставу и оставив позади городскую пыль и стук, я вспомнил стих А. С. Пушкина.

«Мне душно здесь — я в лес хочу!»

Ч. 12. В сатирической повести «Предок и потомки» под именем поэта Свистушкина фигурирует Пушкин. Автор описывает его внешность, которой пугается один из оживших его предков («маленькое зубастое и когтистое животное, не человек, а обезьяна»), его разгульное времяпровождение с его другом бароном Шнапсом фон Габенихтсом (намек на Дельвига), говорит об его поэмах «Воры» и «Жиды» (намек на «Братьев-разбойников» и «Цыган»).

В «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» Булгарин говорит о стихотворении Грибоедова, написанном на балет «Руслан и Людмила». Далее Булгарин приводит выдержки из письма к нему Грибоедова с просьбой прислать ему «всего Годунова» и с отзывом Грибоедова, что в сцене в келье ему понравился Пимен.

См.: Московские ведомости, 1830, № 104.

Конец (не ранее 27—28) декабря

Пушкин пишет письмо Вяземскому в Остафьево — по-видимому, ответ на не дошедшее до нас письмо Вяземского от 20-х чисел декабря (см.).

«К тебе собираюсь. Но по службе должен провести сегодняшний и завтрашний день в Москве у невесты. «Северных цветов» еще не получил. «Борис Годунов» здесь, но у меня его еще нет. Поклон мой всем вам».

Вторая половина декабря (после 17 либо после 27—28)

Пушкин вместе с Нащокиным посещает московский дом Вяземского. По-видимому, Вяземский на короткое время приезжал в Москву из Остафьева либо после поездки Пушкина в Остафьево 16—17 декабря, либо в самом конце декабря, после письма Пушкина Вяземскому в имение, датируемого не ранее 27—28 декабря.

Основание датировки: Бартенев со слов Нащокина пишет: «Нащокин... имел с ним горячий разговор по этому случаю <об отъезде в Польшу> в доме кн. Вяземского» (см. конец декабря). Вяземский с семьей приехал в Москву около 25 января (см.). Однако тогда свадьба Пушкина была уже совсем близко, денежные дела более или менее улаживались; поэт был потрясен смертью Дельвига; к тому же интерес его к польским новостям в это время приобрел более спокойный характер, чем в декабре (ср. январские письма к Хитрово и письмо к ней же от 9 декабря, где Пушкин пишет: «Известие о польском восстании меня совершенно потрясло»). Все это, вместе взятое, заставляет предполагать, что едва ли разговор о «побеге» в Польшу в доме Вяземского был после 25 января; скорее всего, он происходил именно «в исходе 1830 г.» (см. конец декабря — Бартенев со слов Нащокина), вероятнее во второй половине декабря, после поездки Пушкина 16 декабря в Остафьево, так как в первые дни по приезде в Москву едва ли он успел уже так раздра-

житься, «наскучив тем, что свадьба его оттягивалась» (там же).

Конец декабря (не ранее 27—28) 1830 г. — 2 января 1831 г.

Пушкин получает «Северные цветы на 1831 г.» (см. 24 декабря).

Письма Пушкина к Вяземскому конца (не ранее 27—28) декабря 1830 г. и 2 января 1831 г.

Конец декабря 1830 г.— 2 января 1831 г.

Пушкин получает письмо от Хитрово, по-видимому, о польском восстании и о делах во Франции. Письмо не сохранилось.

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

Читает письмо корнета лейб-гвардии подольского полка А. П. Чичерина из Польши к отцу, П. А. Чичерину, о ходе польской кампании. Письмо это на весьма животрепещущую тему, наверное, ходило по рукам, и Пушкин видел его в обществе, может быть, у А. Я. Булгакова (см.: Письма, III, с. 133).

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

Видится с приехавшим в Москву из своего подмосковного имения (вероятно, в конце декабря) Д. В. Давыдовым, читает рукопись его Éloge <«Похвального слова» (фр.)> генералу Н. Н. Раевскому. В печати оно появилось лишь в 1832 г. («Замечания на некрологию Н. Н. Раевского»).

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

Конец декабря (не ранее 25—26) 1830 г.— 3 января 1831 г.

Пушкин получает из Петербурга известие об успехе «Бориса Годунова», возможно, от Хитрово, в несохранившемся письме ее от конца декабря 1830 — 2 января 1831 г. (см.).

Письма Пушкина к Погодину 3 января 1831 г. и к Плетневу 7 января 1831 г.

Ночь с 31 декабря 1830 г. на 1 января 1831 г.

Пушкин встречает Новый год с цыганами, по-видимому, у «Яра».

«Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей[1], настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос п р и е х а л и с а н и[2]:

Давыдов с ноздрями[3],
Вяземский с очками[4],
Гагарин с усами[5],
Д — Митюша,
В — Петруша,
Г — Федюша
Девок испугали
И всех разогнали и проч.

Знаешь ли ты эту песню?»

Пушкин — Вяземскому 2 января 1831 г.

---

[1] Т. Д. Демьянова — певица московского цыганского хора Ильи Соколова, который Пушкин часто посещал в конце 1820-х гг.— 1831 г.

[2] Очевидно, намек на известную в то время песню «Покровские девки гульливые были», героиня которой — пьяная Татьяна. «Приехали сани» — народная масленичная песня. Таня пела сочиненную ею самой пародию на эту песню. «Между прочим, она передала, что сама составляла песни. Песня-пародия «Давыдов с ноздрями» составлена ею по просьбе кого-то из пушкинского кружка и производила тогда необыкновенный фурор...» (Письма, III, с. 140—142).

[3] Д. А. Давыдов — член Союза благоденствия; участник Отечественной войны 1812 г.; с 1827 по 1832 г.— в отставке. «Принимал участие во всех увеселениях Москвы» (Якушкин И. Д. «Записки»).

[4] Кн. П. А. Вяземский.

[5] Ф. Ф. Гагарин — брат В. Ф. Вяземской, участник Отечественной войны, генерал-майор, известный московский бретёр. Скорее всего, оба принимали участие в праздновании Нового года. Но возможно, и нет: просто они были частыми посетителями цыган; упоминается же в песне Вяземский, который в это время был в Остафьеве.

Были на встрече Нового года, конечно, Нащокин, сам И. О. Соколов и цыганки О. А. Солдатова (возлюбленная Нащокина) и Матрена Сергеевна. Впоследствии, летом 1831 года, в письмах к Нащокину из Царского Села Пушкин передает им всем поклоны.

Декабрь

Пушкин устраивает через Нащокина свои денежные дела. Покупает шаль для невесты.
Ездит вместе с Гончаровыми по соборам.
Пишет записку Нащокину.

«Сейчас еду богу молиться и взял с собою последнюю сотню. Узнай, пожалуйста, где живет мой татарин, и, коли можешь, достань с своей стороны тысячи две».

Пушкин — Нащокину, декабрь (после 5) 1830 г.

«Н. И. Гончарова возила дочь свою и ее жениха по соборам и к Иверской. Пушкин пишет: мой татарин, потому что купил у него шаль для своей невесты».

Бартенев со слов Нащокина.
Девятнадцатый век, I, с. 383.

Часто видится с Нащокиным и записывает его рассказы и воспоминания («Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830 г.»).
Баратынский пишет Д. Н. Свербееву, отставному дипломату, знакомому Пушкина:

Вяземский в Остафьеве «писал очень много, равно как и Пушкин, проведший это грозное время[1] в своей Нижегородской деревне. Он теперь здесь и привез с собой 4 трагедии, поэму, последние две главы Онегина и целую папку прозы. Деятельность его неимоверна».

Моск. пушк., II, с. 60.

---

[1] Холерную эпидемию.

Декабрь — 1 января

Пушкин, вероятно, видится с П. Л. Яковлевым, братом лицеиста М. Л. Яковлева, московским журналистом, и обсуждает с ним издание альманаха «Блин» (не состоялся).

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

1831

Январь

1 января (четверг)

Пушкин получает от Н. А. Полевого, издателя «Московского телеграфа», и Н. И. Надеждина, издателя «Телескопа», билеты на бесплатное получение этих журналов в новом, 1831 г. и, по-видимому, первый номер «Московского телеграфа».

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

Пишет письмо Полевому.

«Искренно благодарю Вас за присылку «Телеграфа», приятное для меня доказательство, что наше литературное разногласие не совсем расстроило наши прежние сношения. Жалею, что еще не могу доставить Вам «Бориса Годунова», который уже вышел, но мною не получен.

С истинным почтением честь имею быть,

милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга

Александр Пушкин».

Получает ответ от Полевого.

«Милостивый государь Александр Сергеевич. Верьте, верьте, что глубокое почтение мое к Вам никогда не изменялось и не изменится. В самой литтературной неприязни, Ваше имя, Вы, всегда были для меня предметом искреннего уважения, потому что Вы у нас о д и н и е д и н с т в е н н ы й. Сердечно поздравляю Вас с Новым годом, и желаю Вам всего хорошего. С совершенною преданностию, есмь и буду Ваш, милостивого государя покорнейший слуга Николай Полевой».

Видится с И. В. Киреевским.

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

Выходит № 1 журнала «Московский телеграф» за 1831 г. (ц. р. 15 декабря 1830 г.). Здесь опубликована пародия на Пушкина, принадлежавшая, по-видимому, Н. А. Полевому: И. Моднорифмин. «Бокал поэта 1831 году»:

Друзья! Наполним дружно чаши
И с звоном их сшибем края!
Благослови фиалы наши,
Веселых призраков семья!

Вставай, товарищ полусонный,
Проснись, шалун угомоненный!
В таинственной полночи час,
Я смело пробуждаю вас!

Приступим к тризне Шамбертеня,
Клико звездится и кипит:
Его в фиал себе напеня,
Поэт вас всех благословит!

Шалите, милые, шалите,
Любите, пейте без забот,
Ловите радости, ловите
И в будущий, как в этот год!

Все пролетит — и жизнь, и радость!
Двуличен Янус, бойтесь: гадость
Он вам покажет в декабре,
Взманив на счастье в январе,

И просто: рожу молодую
Он вам поставит напоказ,

А после — харю предурную
Вернет, и испугает нас!

Кому остаться? Кто в могилу?
Кому на счастье? Кто на зло?
Пей, пей, друзья, пока под силу
И чересчур не перешло!

Я не хочу вас изурочить,
И вам не стану я пророчить...
Что мне? Беспечный ваш поэт
Сужден на много, много лет

Писать, печатать в альманахах,
Вином заботы запивать,
И в грязных критики оврагах
От чтенья критик засыпать...

Что мне? Без славы, и без думы
О славе пошлой и пустой,
Гоню мечты мои угрюмы
За дружной чашей круговой!

Что жизнь? Два, три стиха изрядных
В поэмах скучных и парадных,
Классических, и предурных...
И мы, за каждый этот стих

Так платим дорого!.. Сквозь слезы,
Я ваше пью вино, друзья,
И — как январские морозы,
Трескуч и хладен сердцем я!..

См.: Московские ведомости, 1830, № 105.

Петербург. Выходит № 1 «Литературной газеты» за 1831 г. с первой публикацией стихотворения Пушкина «Кавказ».

В разделе «Смесь» помещена заметка за подписью издателя, то есть Дельвига: «Бориса Годунова, соч. А. С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних книготорговцев, до 400 экземпляров. Это показывает, что неприветливые журналисты напрасно винят нашу публику за равнодушие к истинно хорошему в нашей литературе...».

В этом же номере — рецензия Дельвига на «Бориса Годунова» (без подписи). Продолжение рецензии — в № 2 «Литературной газеты» за 1831 г. (см. 6 января). Рецензия эта — последнее, незавершенное произведение Дельвига.

«Некоторых чересчур любопытных читателей и двух-трех журналистов занимает важная мысль: к какому роду должно отнести сие поэтическое произведение? Один называет его трагедией, другой драматическим романом, третий романтическою драмой и так далее. К чему приведет их разрешение сей задачи? Не к познанию ли, по каким правилам судить новое сочинение? Назовите его, как хотите, а судите его не по правилам, но по впечатлениям, которые получите после долгого, внимательного чтения».

Здесь же — объявление о выходе «Северных цветов на 1831 г.» с публикацией пушкинских стихов (см. 24 декабря).

1—2 января

Пушкин получает № 155 (от 27 декабря) газеты «Северная пчела» за 1830 г. со статьей «О русской журналистике», не подписанной, но принадлежавшей, по-видимому, Булгарину или Гречу. Автор статьи пишет:

«Северная пчела» неоднократно доказывала на опыте, что она радуется успеху даже своих жесточайших противников... «Пчела» работает преспокойно... не думая о мести и не

питая ни к кому вечной вражды, которою гордятся некоторые, добровольно посвящая себя в жрецы Немезиды...»

Пушкин понял эти намеки на «Литературную газету», враждебную «Северной пчеле».

Письмо Пушкина к Вяземскому 2 января 1831 г.

2 января (пятница)

Пушкин получает экземпляры «Бориса Годунова».

1 января он еще не имеет их (письмо Пушкина к Полевому 1 января 1831 г.). 2 января — дарит «Бориса Годунова» П. Я. Чаадаеву.

Посылает Чаадаеву экземпляр «Бориса Годунова» с надписью на обороте предтитульного листа.

«Вот, друг мой, мое любимое сочинение. Вы прочтете его, так как оно написано мною,— и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с новым годом» (подлинник по-французски).

Получает письмо от Вяземского из Остафьева от 1 января и его стихотворение «Зимние карикатуры», состоящее из четырех небольших отрывков: «Русская луна», «Кибитка», «Метель», «Ухабы. Обозы», для передачи в альманах М. А. Максимовича «Денница».

«Милости просим, приезжай, да прошу привезти с собою Полиньяковское шампанское[1]. Пришли Бориса.— Вот стихи, которые прошу прочесть и отдать Максимовичу. Пришлю ему и прозы малую-толику. Узнай, будет ли у него в альманахе что Полевого? Если нет, то дам ему статейку на него».

---

[1] В августе 1830 г. Пушкин и Вяземский побились об заклад на бутылку шампанского. Пушкин утверждал, что Полиньяка, бывшего министра иностранных дел Франции, нужно казнить и он будет казнен; Вяземский говорил противное. Полиньяк был осужден на пожизненное заключение — и Пушкин проиграл шампанское (Письма, II, с. 467 — 468).

Пишет ответ Вяземскому.

«Стихи твои прелесть — не хочется мне отдать их в альманах»[1]; лучше отошлем их Дельвигу[2]. Обозы, поросята и бригадир[3] удивительно забавны. Яковлев издает к масленнице альманах «Блин». Жаль, если первый блин его будет комом. Не отдашь ли ты ему «Обозы», а «Девичий сон» Максимовичу? Яковлев тем еще хорош, что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирические статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год? Билет на «Телеграф» да билет на «Телескоп» — от издателей в знак искреннего почтения. Каково? И в «Пчеле» предлагают мне мир[4], упрекая нас (тебя да меня) в неукротимой вражде и службе вечной Немезиде. Все это прекрасно; одного жаль — в «Борисе» моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная; а впрочем, странно читать многое напечатанное. «Северные цветы»[5] что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших? На днях у тебя буду, с удовольствием привезу и шампанское[6] — радуюсь, что бутылка за мною. С Полиньяком я помирился. Его вторичное заточение в Венсене, меридиан, начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер-Скотта, все это романически трогательно — а все-таки палата права. Речьми адвокатов я недоволен — все они робки. Один Ламене в состоянии был бы aborder bravement la question <смело приступить к этому вопросу *(фр.)*>. О Польше нет ни слуху ни духу[7]. Я видел письмо Чичерина к отцу[8], где сказано il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre <есть основания надеяться, что все кончится без войны *(фр.)*>. Здесь некто бился об заклад, бутылку V. C. P.[9] противу тысячи руб., что Варшаву возьмут без выстрела. Денис здесь. Он написал красноречивый Éloge <похвальное слово *(фр.)* > Раевского. Мы советуем написать ему жизнь его[10]. Киреевский наш здесь[11]. Вечор видел его. Лиза

голенькая[12] пишет мне отчаянное, политическое письмо. Кажется, последние происшествия[13] произвели на Петербургское общество сильное действие. Если б я был холост, то съездил бы туда. Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную на голос п р и е х а л и с а н и:

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Д — Митюша,
В — Петруша,
Г — Федюша
Девок испугали
И всех разогнали и проч.

Знаешь ли ты эту песню?[14] Addio, поклон всем твоим, до свидания».

[1] В «Денницу» Максимовича.
[2] В «Литературную газету».
[3] Речь идет о стихах Вяземского, присланных для передачи в «Денницу» (см. 2 января — письмо Вяземского Пушкину от 1 января).
[4] См. 1—2 января.
[5] «Северные цветы на 1831 г.» — см. 24 декабря.
[6] См. 2 января — письмо Вяземского Пушкину от 1 января.
[7] О политических событиях во Франции и в Польше — см. в кн.: Письма Пушкина к Хитрово. Л., 1927.
[8] См. конец декабря — 2 января.
[9] V. C. P. — марка шампанского.
[10] См. конец декабря — 2 января.
[11] И. В. Киреевский.
[12] Е. М. Хитрово. Ее письмо не сохранилось.
[13] Польское восстание.
[14] О встрече Нового года см. ночь с 31 декабря 1830 г. на 1 января 1831 г.

Петербург. Выходит № 1 газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. Здесь в разделе «Смесь» помещена заметка М. А. Бестужева-Рюмина, издателя газеты (подпись — Издатель), о «Борисе Годунове»;

«Уже несколько лет неутомимая молва о Трагедии г. Пушкина: Борис Годунов, переносила из уст в уста блистательные ей хвалы. Некоторые Писатели, для коих издается некоторая газета[1], решительно утверждали, что подобного творения не было еще от сотворения мира, или по крайней мере от всемирного потопа; и что прапрапрапрапраправнуки наши, прочитав оное, всплеснут руками от удивления,

И молвят: то-то был Поэт!

Но вот что чудно: несколько лет все твердили о неисчислимых достоинствах такого сочинения, которого решительно никто не видал (в этом случае под словом никто, мы подразумеваем и самого Автора), не только читал. Злые же люди утверждают заверное, что до весны 1830 года не было на лицо более трех небольших отрывков сего произведения; в полноте же будто бы оно существовало только в воображении Автора; и что сей последний, приняв во внимание, что предполагаемое им произведение уже расхваливается несколько лет, наконец решился положить оное на бумагу: присел и написал!.. Имея честь поздравить почтеннейшую публику с выходом сего давно ожидаемого творения, считаем обязанностию донести, что мы решаемся читать оное не иначе, как по десяти страниц на день, руководствуясь в сем случае известною пословицею: хорошего понемногу!.. Между тем мы не можем не донести нашим читателям о следующем странном происшествии. Некто, в большом обществе, прочитав новое произведение, покачал головою, всплеснул руками, и пропел следующий куплетец:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его незвучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ:

Убогая обнова,
Увы! на Новый Год!..

После чего все грянули хором:

Убогая обнова,
Увы! на Новый Год!.. (bis)».

[1] «Литературная газета».

2—3 января

Пушкин дарит И. И. Дмитриеву «Бориса Годунова» с надписью на обороте лицевой обложки:

«Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Автора».

Рукою П., с. 717.

Судя по ответу Дмитриева от 3 января (см.), Пушкин подарил ему книгу не при личной встрече, а послал или оставил у него дома, не застав его.

3 января (суббота)

Пушкин получает от Дмитриева письмо от 3 января:

«С душевною благодарностию принимаю ваш драгоценный подарок, милостивый государь Александр Сергеевич, и между тем нетерпеливо буду ждать минуты, в которую могу повторить вам лично мою благодарность, и пожелать вам возможного благополучия на всю жизнь вашу. Обнимает вас преданный вам Дмитриев старый».

Пишет письмо Погодину и посылает ему «Бориса Годунова»:

«Вот вам «Борис». Доставьте, сделайте милость, один экземпляр Никодиму Надоумке[1], приславшему мне билет на «Телескоп». Мы живем во дни переворотов — или переоборотов[2] (как лучше?). Мне пишут из Петербурга, что «Годунов» имел успех. Вот еще для меня диковинка. Выдавайте ж «Марфу»[3].

3 Заказ 232

Сейчас отняли у меня экземпляр Надеждина; завтра пришлю другой».

[1] Псевдоним Надеждина.

[2] Пушкин имеет в виду внезапный дружеский жест Надеждина, успех «Бориса Годунова» и более важные исторические события — революцию во Франции и Польское восстание.

[3] Пушкин советует хлопотать о выпуске трагедии «Марфа Посадница». Она была отпечатана еще в августе 1830 г., но III отделение задерживало ее выход в свет «до перемены нынешних смутных обстоятельств» (письмо Бенкендорфа С. Т. Аксакову 10 марта 1831 г.). Разрешение на выпуск поступило лишь в конце 1831 года. (Письма, III, с. 146—147).

Пушкин написал эту записку, скорее всего, не дома, иначе почему бы ему не послать тут же еще один экземпляр вместо того, который «отняли».

«Январь. 3 ...Получил «Бориса» от Пушкина с рукоположением».

Погодин. «Дневник». 3 января 1831 г.
П. в восп., II, с. 22.

Остафьево. Вяземский пишет А. Я. Булгакову:

«Присылай мне «Северную пчелу»[1]. Там, говорят, есть что-то про меня и Пушкина».

Письма, III, с. 130.

[1] Вяземский имеет в виду № 155 «Северной пчелы» за 1830 г., о которой пишет ему Пушкин 2 января (см. 1—2 января).

Давыдов пишет Н. А. Муханову:

«Завтре с Пушкиным мы едем к Вяземским ровно в 10 часов утра. Слышишь ли? Ровно в 10 часов. Не хочешь ли и ты также завтра туда же пуститься — если хочешь, то будь у Пушкина[1] завтре в 9½ часов утра: там наше сборище. Денис Давыдов».

Письма, III, с. 131.

[1] В гостинице «Англия».

Выходит № 1 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в университетской книжной лавке А. С. Ширяева «Бориса Годунова».

4 января (воскресенье)

Пушкин уезжает в Остафьево в 10 часов утра.

«Жаль мне, что ты не был у нас в воскресение. У нас был уголок Москвы, но он был бы еще краснее тобою. Был Денис Давыдов, Трубецкой[1], Пушкин, Муханов[2], Четвертинские[3]; к вечеру съехались соседки, запиликала пьяная скрипка, и пошел бал балом. Только мазурку я не позволил танцовать: c'est une danse séditieuse <это мятежный танец (фр.)>».

Вяземский — Булгакову 6 января 1831 г.
Письма, III, с. 131.

[1] Кн. Н. И. Трубецкой — отставной ротмистр, московский чиновник, камергер.

[2] Н. А. Муханов — знакомый Пушкина.

[3] Кн. Б. А. Святопулк-Четвертинский и его жена, урожд. кн. Гагарина, сестра В. Ф. Вяземской.

«7 января... 4-го приезжали в Остафьево Денис Давыдов, Пушкин, Николай Муханов, Николай Трубецкой.— Элиза[1] говорила о себе «que ma destinée est singulière, si jeune encore et deux fois veuve <как исключительна моя судьба, я еще так молода и дважды вдова *(фр.)*>. Мы разговорились с Пушкиным о грусти ее по причине польских дел: она очень любит великого князя[2]. «Да,— сказал Пушкин,— и он может сказать: «si jeune encore et deux fois veuf — d'un empire et d'un royaume» <еще так молод и дважды вдов — потеряв империю и королевство *(фр.)*>.

Вяземский. Из «Записных книжек».
П. в восп., I, с. 162.

[1] Хитрово. Она в это время в Петербурге, поэтому упоминание о ней в «Записных книжках» Вяземского относится лишь к его разговору с Пушкиным о ней. Хитрово дважды овдовела (в 1806 г. и 1819 г.).

[2] Константина. «Под его первым вдовством Пушкин подразумевает отказ в 1825 г. от российского престола; его второе вдовство — изгнание из Варшавы во время восстания Польши» (П. в восп., I, с. 471—472).

Возможно, отсылает экземпляр «Бориса Годунова» Надеждину, как обещал накануне Погодину (см. 3 января).

5 января (понедельник)

Бухарест. Ю. И. Венелин, филолог-славист, знакомый Пушкина, пишет Погодину:

«Я рад, что у Пушкина наконец появилась девятая Голова[1]; а 9 голов в нынешней Романистике не шутка. Еще в Одессе узнал я из твоего письма, что он сделался двуглавым; чай скоро у него появится и третья глава[2]; дай ему Лада сей дар; иначе почту его за худого Поэта. Шутки в сторону: слава ему и за Годунова».

ЛН, № 16—18, с. 710.

[1] Имеется в виду восьмая глава «Евгения Онегина», первоначально девятая, написанная в Болдине. О ней Венелин, без сомнения, узнал из писем к нему Погодина.

[2] Намек на женитьбу (преждевременный) и на будущего ребенка.

6 января (вторник)

Петербург. Выходит № 2 «Литературной газеты» за 1831 г. с продолжением статьи Дельвига о «Борисе Годунове». Начало — в № 1 (см. 1 января).

«Борис Годунов бесспорно должен стать выше прочих произведений А. С. Пушкина. Поэма Полтава была, так сказать, переходом нашего поэта от юности к зрелому возрасту, от поэзии воображения и чувств к поэзии высшей, в которой вдохновенное соображение всему повелитель, словом, от Кавказского пленника, Бахчисарайского фонтана, Цыганов и проч. к Борису Годунову... В прежних поэмах Пушкина план и характеры едва были начерчены и служили ему посторонними средствами, разнообразившими длинный монолог, в коем он изливал свою душу. В Полтаве

поэт уже редко выходит на сцену и не говорит из-за кулис вместо действующих лиц; нет! герои поэмы его живут своею, незаимственною жизнию... Одна завистливая посредственность бранила сие произведение, как вероятно будет бранить и Бориса Годунова... Характер Бориса, чрезвычайно заманчивый в самой истории... не только выдержан нашим поэтом, но еще как будто помощию увеличительного стекла придвинут к нам. Мы видим самые тайные изгибы сердца его и везде признаем подлинность нами видимого... Везде в Годунове видишь человека великого, достойного царствовать и быть благодетелем рода человеческого, но униженного ужасным злодеянием, которое как фурия его преследует, и на каждое доброе дело его накидывает покров отвратительный».

Около 7 января

Выходит № 1 журнала «Молва» за 1831 г. (ц. р. 6 января 1831 г.). Здесь напечатано сообщение о появлении «Бориса Годунова»:

«Борис Годунов Пушкина, известный доныне только по отрывкам, наконец, вышел. Молва, извещая о его появлении, предоставляет Телескопу разглядеть его».

Здесь же в статье Надеждина (без подписи) «Некрология московских журналов» дважды упомянуто имя Пушкина:

«Блестящее имя Пушкина, постоянно печаталось и снаружи и внутри Московского вестника — и все напрасно!

«Атеней —
Журнал казенный, философский,
Благонамеренный московский!

Так подшучивали бывало над покойником скалозубы за отступничество от Пушкина, на которое он первый из молодых журналов отважился!»

См.: Московские ведомости, 1831, № 2.

Начало января (до 7-го)

Пушкин получает 2000 рублей из Петербурга от Плетнева за издание «Бориса Годунова», которое тот осуществлял. Письма от Плетнева при этом не было.

Письмо Пушкина к Плетневу 7 января 1831 г.

Следующие 2000 рублей получает 31 января (см. письмо Плетневу от 31 января). Позднее Плетнев дает Пушкину окончательный расчет за издание трагедии:

«Деньги за Бориса (всего 10 000) употреблены следующим образом: 5000 отдано долгу Дельвигу, 4000 переслано к тебе в Москву (в два срока по 2000), и 1000 отдана баронессе[1] за твой портрет»[2].

Плетнев — Пушкину 25 июля 1831 г.

[1] Вдове Дельвига С. М. Дельвиг.

[2] За портрет Пушкина О. А. Кипренского. См. письмо Плетневу около 16 февраля.

Декабрь — начало января

Баратынский пишет И. В. Киреевскому:

«Давно с тобою не виделся оттого, что занят был Пушкиным... Написал ли ты повесть? моя готова»[1].

Татевский сб., с 8.

[1] Поэма Баратынского «Наложница».

Письмо без даты. Основания датировки: «Наложница» была закончена к началу января. В это время Пушкин ее уже читал, о чем сообщал Плетневу в письме от 7 января. 31 января Вяземский писал Плетневу: «Боратынский готовится печатать свою поэму и написал к ней замечательное предисловие...» (Письма, III, с. 156).

7 января (среда)

Пушкин пишет письмо Плетневу.

«Что с тобою, душа моя? как побранил ты меня в сентябре за мою хандру, с тех пор нет мне о тебе ни слуха ни

духа. Деньги (2000) я получил[1]. Прелестное издание «Бориса» видел. Послание твое к Гнедко[2] прочел, ответ его не прочел — знаю, что ты жив, а писем от тебя все нет. Уж не запретил ли тебе генерал-губернатор иметь со мною переписку?[3] чего доброго! Уж не сердишься ли? Кажется, не за что. Отвечай же мне, а не то буду беспокоиться.

Теперь поговорим о деле. Видел я, душа моя, «Цветы»[4]; странная вещь, непонятная вещь![5] Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами, как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся — а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках. Странная вещь, непонятная вещь! — Бедный Глинка работает как батрак, а проку все нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к себе в кумовья![6] вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума,— которого заставят же отрекаться от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь[7], который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишут мне, что «Борис» мой имеет большой успех: Странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальтера Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было, я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание «Кромвелю» Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоразумно — и тому подобные глубокие критические замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в «Борисе» по-

литических применений к Варшавскому бунту, и скажут мне, как наши: «Помилуйте-с!..» Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело. Прочие попугаи или сороки Инзовские[8], которые картавят одну им натверженную .... Прости, мой ангел. Поклон тебе, поклон — и всем вам. Кстати: поэма Баратынского чудо[9]. Addio».

---

[1] См. начало января (до 7-го).

[2] Стихотворение Плетнева «К Гнедичу», помещенное в «Северных цветах на 1831 г.». Там же — стихотворение Н. И. Гнедича «К П. А. Плетневу. Ответ на его послание».

[3] Пушкин вспоминает о том, что в 1826 г. петербургский генерал-губернатор сделал выговор Плетневу за переписку со ссыльным Пушкиным (Письма, III, с. 148).

[4] «Северные цветы на 1831 г.».

[5] Строчка из стихотворения Ф. Н. Глинки «Непонятная вещь».

[6] Глинка поместил в «Северных цветах» семь стихотворений, среди них — «Бедность и утешение», стихотворение, в котором Глинка «вздумал просить себе в кумовья» самого господа бога. Там есть такие строчки: «Бог дал детей?..— Ну что ж? — пусть он наш будет кум».

[7] Александр I.

[8] Имеются в виду жившие во дворе начальника Пушкина в Кишиневе генерала И. Н. Инзова птицы, затвердившие бранные слова.

[9] «Наложница». Пушкин мог познакомиться с ней не только по отрывкам, напечатанным в «Деннице на 1830 г.», «Северных цветах на 1831 г.», «Альционе на 1831 г.», но и целиком — в рукописи автора. Вышла в свет весной 1831 г. (ц. р. 21 марта) (Письма, III, с. 156).

У Пушкина — Погодин.

«7... К Пушкину, и занимательный разговор, кто русские и нерусские.— Как воспламеняется Пушкин,— и видишь восторженного».

Погодин. «Дневник». 7 января 1831 г.
П. в восп., II, с. 22.

Остафьево. Вяземский пишет Максимовичу:

«Извините, милостивый государь Михаил Александрович, что не успел отвечать вам вслед за обязательным пись-

мом вашим; по крайней мере, поспешил я отправить к вам через Пушкина мой оброк[1], что мог собрать и изготовить».

Письма, III, с. 125.

[1] Стихотворение Вяземского «Зимние карикатуры» для альманаха «Денница» (см. 2 января — письмо Вяземского от 1 января).

Выходит № 1 журнала «Телескоп» за 1831 г. с первой публикацией стихотворения Пушкина «Герой».

Первому номеру предпослана сценка «Вместо предисловия» (без подписи), герои которой — княгиня, камергер и пр.— в разговоре о московских журналах упоминают «Полтаву», которую ругал «Вестник Европы», но хвалили «Галатея» и «Московский телеграф», признавший, что «в гении Пушкина выражается современная жизнь человечества». В другом месте говорится, что «Московский телеграф» «даже на Пушкина озлился».

В разделе «Библиография», в заметке (без подписи) о произведении бар. Розена «Рождение Иоанна Грозного», автор упрекается в заимствованиях из пушкинской «Полтавы».

В том же разделе среди наиболее значительных произведений 1830 г. названа седьмая глава «Евгения Онегина».

См.: Московские ведомости, 1831, № 1 и 2.

Пушкин в течение нескольких дней не получал журнала (см. письмо Пушкина к Вяземскому 10—13 января 1831 г.).

Выходит № 2 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о выходе в свет первой книги журнала «Телескоп» с публикацией стихотворения «Герой». Объявление о продаже в книжных лавках Ширяева и А. В. Глазунова книги «Борис Годунов».

Петербург. Воейков пишет цензору П. И. Гаевскому:

«Если жизнь Ваньки Каина[1], Картуша[2], Виддока[3] напечатаны, если Иван Выжигин[4] и Пушкина Разбойники не бы-

ли остановлены цензурой, то я по совести не вижу достаточной причины запретить Верзилина»[5].

Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1892 г. Спб., 1895, Приложение, с. 7.

---

[1] Известный в XVIII в. вор, разбойник, потом — полицейский сыщик. Ему приписывалось множество народных разбойничьих песен, в частности «Не шуми, мати, зеленая дубравушка». В XVIII—XIX вв. выходило много жизнеописаний Ваньки Каина.

[2] Знаменитый французский разбойник XVIII в.

[3] Французский вор, потом поступивший на службу в полицию (конец XVIII — первая половина XIX в.). Автор известных мемуаров.

[4] Роман Булгарина.

[5] На обороте письма — запись Гаевского: «Статья сия есть приключения Верзилина (т. е. Поливанова), родственника г. Воейкова. В трех тетрадях описаны резко все злодейства сего негодяя». Цензура не пропустила приключения Верзилина.

8 января (четверг)

Петербург. Три экземпляра «Бориса Годунова» посланы типографией департамента народного просвещения в Санкт-Петербургский цензурный комитет с препроводительной бумагой от 8 января 1831 г. № 6:

«Типография Департамента Народного Просвещения, по Высочайшему повелению напечатав сочинение известного писателя Александра Пушкина, под заглавием: «Борис Годунов»,— три экземпляра оного имеет честь препроводить при сем в С.-Петербургский Цензурный Комитет».

П. и совр., XXIX—XXX, с. 67—68.

Петербург. Выходит № 5 газеты «Северная пчела» за 1831 г. В разделе «Смесь» напечатано «Письмо к родственнику на походе» Н. И. Греча, где говорится:

«В непериодической литературе блеснул Борис Годунов, А. С. Пушкина. Я удерживаюсь от поверхностного суждения о сем новом произведении нашего первоклассного поэта, надеясь вскоре напечатать в Северной Пчеле разбор сей поэмы».

9 января (пятница)

Пушкин передает Максимовичу стихи Вяземского, посланные им из Остафьева 1 января для альманаха «Денница» (см. 2 января и ниже — письмо Максимовича Вяземскому от 9 января).

Максимович пишет Вяземскому в Остафьево:

«Благодарю вас покорнейше за ваш поэтический подарок моей Деннице, который сейчас получил от Пушкина: в вашей «Кибитке» и по раздольным ухабам накатаешься до сыта!.. Извините меня, а я еще раз изъявляю мое сильное желание вашей прозы, хоть несколько строк: она так действительна была в прошлом году, а у меня так мало в прозе замечательного: на Пушкина уже потерял я надежду прозаическую...»

Ст. и нов., IV, с. 188—189.

Петербург. На заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета слушают отношение из типографии департамента народного просвещения от 3 января (см.) об отпечатанной трагедии «Борис Годунов» и постановляют:

«Препроводить в узаконенные места, удержав один из экземпляров при библиотеке Комитета» (выписка из журнала заседания цензурного комитета 9 января 1831 г.).

П. и совр., XXIX—XXX, с. 68.

Петербург. Выходит № 6 газеты «Северная пчела» за 1831 г. В разделе «Зрелища» заметка:

«В пятницу, 9-го января...

На Нов.<ом> Т.<еатре>: — Своя семья или замужняя невеста, Ком.<едия>; Руслан и Людмила, Бал.<ет>».

Начало января (до 10-го)

Пушкин видится с Ф. И. Толстым.

Письмо Пушкина к Вяземскому 10—13 января 1831 г.

Петербург. Выходит № 2 журнала «Санктпетербургский вестник» за 1831 г. Здесь напечатана восторженная статья П. Л. Яковлева о «Борисе Годунове»:

«Молва, предшествовавшая новому, умственному наслаждению читающей нашей публики — осуществилась. Борис Годунов — творение, снова венчающее любимца образованных — Пушкина, вышло из печати... Предоставляя литературным Хавроньям открывать в этом творении недостатки, скажем, что поэзия Бориса Годунова должна проникнуть наслаждением душу благородную, чуждую щепетильных расчетов зависти!»

9—12 января

Пушкин видится с Н. Б. Юсуповым и по просьбе Вяземского, работающего над биографией Фонвизина, расспрашивает его о писателе, которого тот хорошо знал (см. 16—17 декабря и 20—21 декабря 1830 г. — письмо Вяземского к Пушкину от 19 декабря).

Письмо Пушкина к Вяземскому 10—13 января 1831 г.

10—13 января

Пушкин получает от Вяземского некролог В. Л. Пушкина (умершего 20 августа 1830 г.), первоначально предназначенный автором для альманаха Максимовича «Денница». Пушкин в письме Вяземскому от 10—13 января пишет, что некролог этот надо поместить в «Литературной газете»: «Твою статью о Пушкине пошлю к Дельвигу — что ты чужих прикармливаешь? свои голодны». Вяземский соглашается с этим (см. 15—16 января — письмо Пушкину от 14 января).

Основания датировки: 1 января Вяземский прислал Пушкину для Максимовича только стихи, а прозу лишь обещал (см. 2 января). 9 января (см.) Максимович получил от Пушкина стихи Вяземского и в тот же день в письме к Вяземскому просил прислать прозу. Значит, некролога 9 января у Пушкина еще не было. К 12 января Вяземский уже послал некролог Пушкину для передачи Максимовичу (см.

в письме Вяземского Максимовичу от 12 января: «У Пушкина найдете вы и прозы моей малую толику»).

В эти же дни, вероятно, получает от Вяземского письмо (несохранившееся) с приглашением на свои именины, с просьбой относительно № 1 «Телескопа» (содержание реконструируется по ответному письму Пушкина от 10—13 января (см.). Возможно, некролог В. Л. Пушкина был передан Пушкину вместе с этим письмом.

Пишет ответ Вяземскому.

«Постараюсь взять отпуск[1] и приехать на именины[2] к тебе. Но не обещаюсь. Брат, вероятно, будет. Толстой[3] к тебе собирается. Вчера видел я кн. Юсупова и исполнил твое препоручение, допросил его о Фонвизине, и вот чего добился. Он очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation <В разговоре это был второй Бомарше *(фр.)*>... Он знает пропасть его bon mots <острот *(фр.)*>, да не припомнит. А покамест рассказал мне следующее: Майков, трагик, встретя Фонвизина, спросил у него, заикаясь по своему обыкновению: видел ли ты мою «Агриопу»[4] — видел — что ж ты скажешь об этой трагедии? — Скажу: Агриопа .... Остро и неожиданно! Не правда ли? Помести это в биографии, а я скажу тебе спасибо. Что до «Телескопа»[5] (другая Агриопа), то у меня его покамест нету,— да напиши к Салаеву[6], чтоб он тебе всю эту дрянь послал. Твою статью о Пушкине[7] пошлю к Дельвигу — что ты чужих прикармливаешь? свои голодны. Максимовичу однако ж отдал «Обозы», скрепя сердце[8]. Кланяюсь княгине и благодарю за любезный зов. О Польше не слыхать. В Англии, говорят, бунт. Чернь сожгла дом Веллингтона[9]. В Париже тихо. В Москве также».

---

[1] Уехать от невесты.

[2] «15 января праздновался день преподобного Павла Фивейского, а 16 января — апостола Петра, и Пушкин мог думать, что в эти дни

были именинники кн. Вяземский и сын его кн. Павел Петрович, не зная, что они праздновали свои именины в один день, а именно — на память апостолов Петра и Павла, 29 июня...» (Письма, III, с. 159).

[3] Ф. И. Толстой.

[4] Трагедия В. И. Майкова.

[5] Речь идет о первом номере журнала за 1831 г. с публикацией стихотворения «Герой» (см. 7 января).

[6] И. Г. Салаев — известный московский книгопродавец и издатель.

[7] Некролог В. Л. Пушкина (см. 10—13 января).

[8] См. 2 января.

[9] Веллингтон — английский государственный деятель, крайний консерватор. В ряде городов Англии правление Веллингтона вызвало волнения и демонстрации. Однако слух о сожжении его дома был ложным.

10 января (суббота)

Нащокин выдает Вейеру заемное письмо за взятые им в долг 5000 рублей (см. аналогичное письмо от 8 декабря). 9 февраля по этому письму Вейеру заплатил за Нащокина Пушкин, чтобы выручить друга «из плохих обстоятельств» (см. письмо Пушкина Плетневу, около 16 февраля).

Рукою П., с. 800—802.

Выходит № 3 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в книжной лавке Ширяева «Бориса Годунова».

11 января (воскресенье)

Тригорское. Ан. Н. Вульф пишет брату Ал. Н. Вульфу в деревню Антоновка (Польша) о предстоящей женитьбе Пушкина. Содержание и дата этого несохранившегося письма известны из ответа Ал. Н. Вульфа от 20—30 января (см.):

«...Получил я твое <письмо> от 11-го января... По твоим словам Пушкин должен быть теперь уже женат...»

П. и совр., I, с. 92, 94.

12 января (понедельник)

Максимович пишет в Остафьево Вяземскому:

«Два первых номера «Литературной газеты» вышли, там

между прочим помещены... Пушкина «Кавказ», разбор «Годунова».

Ст. и нов., IV, с. 190.

Остафьево. Вяземский пишет Максимовичу:

«У Пушкина найдете вы и прозы моей[1] малую толику».

Ст. и нов., IV, с. 214.

---

[1] Некролог В. Л. Пушкина (см. 10—13 января).

Остафьево. Вяземский пишет Плетневу:

«А я, между прочим, пришлю вам на днях два приложения к переводу моему[1]: письмо к Пушкину и несколько слов от переводчика... Сделайте одолжение, скажите мне, лично ли вам или Пушкину должен я 1000 рублей, коими вы ссудили меня так обязательно?.. Пушкин был у меня два раза в деревне, все так же мил и все тот же жених. Он много написал у себя в деревне».

Изв. ОРЯС, т. II, кн. 1, с. 92—93.

---

[1] Роман Б. Констана «Адольф» (см. 18—19 января). Вяземский поручает издание перевода Плетневу.

Петербург. Е. А. Энгельгардт пишет Ф. Ф. Матюшкину:

«Пушкин собрался было жениться в Москве; к счастию для невесты, дело опять разошлось. Он все еще стихотворствует, иногда очень удачно, но подчас и весьма плохо».

Письма, III, с. 208.

11—13 января

Пушкин получает письмо от Бенкендорфа от 9 января:

«Милостивый государь, Александр Сергеевич! Его величество государь император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с особым удовольствием. Вменяя себе в приятную обязан-

ность уведомить Вас о сем лестном отзыве августейшего монарха, имею честь быть с истинным почтением и преданностию, Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга А. Бенкендорф».

13 января (вторник)

Пушкин пишет письмо Плетневу.

«Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 «Бориса», для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева[1].

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце[2], полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. Что «Газета» наша[3]? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим.

Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег[4]. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?»

Дмитриев пишет Вяземскому в Остафьево:

«Признаюсь, что из всех наших романтиков уважаю и люблю ум, и талант, и сердце Пушкина и князя Вяземского».

Ст. и нов., II, с. 163.

---

[1] А. С. Ширяев — московский книгопродавец и издатель.

[2] Сыграть свадьбу в январе Пушкину не удалось из-за денежных неурядиц и проволочек Н. И. Гончаровой.
[3] «Литературная газета».
[4] Речь идет о деньгах за издание «Бориса Годунова», которое осуществлял в Петербурге Плетнев (см. начало января, до 7-го).

14 января (среда)

Выходит № 4 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в книжной лавке Салаева книги «Борис Годунов».
Петербург. В 8 часов вечера умирает Дельвиг.

Ночь с 14 на 15 января

Петербург. Плетнев пишет письмо Пушкину о смерти Дельвига (см. 20 января).

Первая половина января

Пушкин посылает поэтессе Е. А. Тимашевой «Северные цветы на 1831 г.» (по-видимому, по просьбе или напоминанию Вяземского), где было напечатано ее стихотворение «Ответ» (ответ на стихотворение Вяземского «Святочная шутка»).

«Было бы непростительно с моей стороны хранить молчание после того как Вы дали мне доказательство Вашего внимания, предложив Пушкину прислать мне свой альманах, ибо я уверена, что без Вас он и не подумал бы обо мне. Не могу передать Вам, какое удовольствие это мне доставило! Прошу Вас выразить Пушкину мою признательность, сказав ему, что я горжусь, встретив свое имя в «Северных цветах»...»

Тимашева — Вяземскому, 1-я половина января 1831 г.
ЛН, 58, с. 100.

15 января (четверг)

Московская полиция сообщает Пушкину о решении сената по делу о найденном у кандидата словесных наук московского университета А. Леопольдова стихотворении «Андрей Шенье» с надписью переписчика «На 14 декабря» и берет

с него подписку. Дело это было начато в 1826 г. В 1828 г. сенатом принято решение:

«...Соображая дух его творения с тем временем, в котором оно выпущено в публику[1], сенат не может не признать сего сочинения соблазнительным и служившим распространению... пагубного духа... Пушкина... надлежало бы подвергнуть ответу перед судом, но как сие сочинено до... манифеста 22 августа 1826 года[2], то, по силе 2-го пункта оного, избавя его, Пушкина, от суда, обязать подпиской, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику».

Неделя, 1976, № 35, с. 5.

---

[1] Имеется в виду восстание 14 декабря 1825 г.

[2] То есть до коронации Николая I.

Решение это «из-за поездок Пушкина в период 1828—1831 годов долго оставалось необъявленным и ходило за ним по разным губерниям» (Неделя, 1976, № 35, с. 5).

«...Чиновнику 10 класса Александру Пушкину... конфирмованное мнение Государственного совета по делу... объявлено и взятая в том от него подписка представлена от Управы в Московское губернское правление 15 января сего года за № 2538».

Рапорт уголовных дел пристава Орлова от 13 февраля 1831 г.

Неделя, 1976, № 35, с. 5.

Петербург. Воейков в письме к Гаевскому просит восстановить в статье «Деревенский быт некоторых русских дворян» слово обжорство:

«...Оно освящено употреблением: Вяземский в послании к Тургеневу два раза вставил его в стихи; кн. Долгорукий и Пушкин также».

Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1892 г. Спб., 1895. Приложение, с. 80.

15—16 января

Пушкин получает письмо от Вяземского из Остафьева от 14 января — ответ на свое письмо от 10—13 января (см.).

«Хорошо, дай Пушкина Дельвигу[1], а скажи Максимовичу, что пришлю к нему несколько выдержек из записной книжки. Я уже писал ему, что у тебя есть малая толика прозы моей для него. Отолгись ты, как умеешь... Постарайся приехать завтра. Что ты выдаешь себя за такого нежного любовника и верноподданного жениха? — Хорош Юсупов, только у него и осталось в голове, что ...... — Что это за новое дополнение к цензуре, что все статьи в журналах должны быть за подписью автора, или переводчика? Не смешно ли видеть русское самодержавие, которое возится с нашею литтературочкою. Уж и та ее пугает. Как не чувствовать им, что есть цензура, есть и все. Уж и это не штука ли Булгарина против Литтературной Газеты, чтобы заставить нас демаскироваться? Иначе растолковать не умею. Булгарину с братьею огласки бояться нечего, а между тем надеются они, что нам иногда стыдно будет без маски пройти между ими.— Что-нибудь, а придумать надобно, чтобы вырвать литтературу нашу из рук Булгарина и Полевого.— Что за разбор Дельвига твоему Борису?[2] Начинает последним монологом его. Нужно будет нам с тобою и Баратынским написать инструкцию Дельвигу, если он хочет, чтобы мы участвовали в его газете. Смешное дело, что он не подписывается ни на один иностранный журнал и кормится сказками Бульи и Петербургскою Польскою газетою. При том нужно обязать его, чтобы по крайней мере через № была его статья дельная и проч. и проч. А без того нет возможности помогать ему. Прости, приезжай-ка завтра.— Телескоп я имею... Не забудь привезти, или прислать шампанское[3]».

---

[1] Некролог В. Л. Пушкина (см. 10—13 января и 12 января).
[2] В «Литературной газете» 1831 г. № 1 и 2 (см. 1 и 6 января).
[3] См. 2 января, письмо Вяземского к Пушкину от 1 января.

16 января (пятница)

Петербург. А. В. Веневитинов, брат Д. В. Веневитинова, чиновник министерства внутренних дел, знакомый Пушкина, пишет Погодину:

«Бориса Годунова здесь не понимают. Безмозглые! Кстати, что свадьба Пушкина?»

ЛН, 16—18, с. 710.

17 января (суббота)

Выходит № 5 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в конторе «Московского телеграфа» и в книжной лавке В. В. Логинова книги «Борис Годунов».

18 января (воскресенье)

Пушкин узнает о смерти Дельвига (от кого — неясно).

Письмо Пушкина к Вяземскому 19 января 1831 г.

«Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: «Ну, Воиныч, держись: в наши ряды постреливать стали».

Нащокин — Н. М. Коншину 21 августа 1844 г.
РС, 1908, т. 136, с. 762—763.

Пишет письмо Бенкендорфу — ответ на его письмо от 9 января (см. 11—13 января).

«Милостивый государь
Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв государя императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, «Борис Годунов» обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах[1], когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание.

Позвольте мне благодарить усердно и Ваше высокопревосходительство, как голос высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию есмь,

Милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин».

---

[1] Имеются в виду июльская революция во Франции и польское восстание.

18—19 января

Пушкин получает от Вяземского письмо от 17 января и авторское предисловие к его переводу романа Б. Констана «Адольф», который должен был печататься в Петербурге. Вышел в свет в июне 1831 г. с посвящением Вяземского Пушкину: «Прими мой перевод любимого нашего романа. Смиренный литограф, приношу великому живописцу бледный снимок с картины великого художника. Мы так часто говорили с тобою о превосходстве творения сего, что, принявшись переводить его надосуге в деревне, мысленно относился я к суду твоему; в борьбе, иногда довольно трудной, мысленно вопрошал я тебя, как другую совесть...» (П. и совр. XXIX—XXX, с. 9—10).

«Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием посылаемое тебе и укажи мне на все сомнительные места. Мне хочется, по крайней мере в предисловии, не поддать боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее, отослав ко мне в дом Демиду. Нужно отослать в Петербург к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа. Посаженая мать[1] спрашивает, когда прикажешь ей сесть, и просит тебя дать ей за неделю знать о дне свадьбы.

До свидания. Покажи же Годунова[2].

Надобно ли в замечании задрать киселем в ... Адольфа Полевого[3] или пропустить его без внимания, comme une chose non avenue <как явление, вовсе не бывшее (фр.)>?»

---

[1] Посаженой матерью Пушкина должна была быть В. Ф. Вяземская, но 3 февраля (см.) она заболела и не смогла присутствовать на венчании.

[2] По-видимому, 4 января Пушкин не взял с собой в Остафьево «Бориса Годунова», может быть, у него в этот день не было экземпляра (см. его записку Погодину от 3 января). Впрочем, странно, что он до 17 января не нашел случая переслать трагедию Вяземскому.

[3] Имеется в виду перевод «Адольфа» Н. А. Полевого, печатаемый в это время в «Московском телеграфе».

19 января (понедельник)

Пушкин пишет ответ Вяземскому:

«Вчера получили мы горестное известие из Петербурга — Дельвиг умер гнилою горячкою. Сегодня еду к Салтыкову[1], он, вероятно, уже все знает. Оставь «Адольфа»[2] у меня — на днях перешлю тебе нужные замечания».

---

[1] М. А. Салтыков — отец жены Дельвига С. М. Дельвиг. Пушкин поехал к нему 20 января (см.).

[2] См. 18—19 января.

Получает еще одно свидетельство о смерти Дельвига.

Письмо Пушкина к Плетневу 21 января 1831 г. По-видимому, здесь речь идет о письме Сомова из Петербурга к Баратынскому от 15 января. Это письмо сохранилось в бумагах Пушкина, которому, вероятно, Баратынский его передал.

«С чего начну я письмо мое, почтеннейший Евгений Абрамович? Какими словами выскажу вам жестокую истину, когда сам едва могу собрать несколько рассеянных, несвязных идей: милый наш Дельвиг — наш только в сердцах друзей и в памятниках талантов: остальное у бога! Жестокая десятидневная гнилая горячка унесла у нас нашего друга! Бедная вдова — да подкрепит ее бог! покамест сносит ужас-

ную свою потерю с геройским самоотвержением: видят, постигает роковое событие, но все еще хочет себя уверить обманчивою надеждой, помня и выражая святые обязанности матери. Удар этот рушился над нами вчера, в среду, 14-го янв. в 8-мь часов вечера. Ради бога! постарайтесь видеться с Михаилом Александровичем Салтыковым, если он еще по письму своего сына (о крайне опасном положении барона) не отправился из Москвы; предупредите его: ибо сия смерть не может не сделаться гласною скоро и в Москве, чрез газеты или чрез письма. Право, мысли мои и все душевные силы растерялись: не знаю, что пишу и что писать. Приготовьте Пушкина, который верно теперь и не чает, что радость его возмутится такою горестью. Скажите кн. Вяземскому, И. И. Дмитриеву и Михаилу Алексан. Максимовичу — и всем, всем, кто знал и любил покойника нашего незабвенного друга, что они более не увидят его, что Соловей наш умолк на вечность. Баронесса... тверда, но твердость эта неутешительна: боюсь, чтоб она не слишком круто переламывала себя. Вчерась она плакала, и ей было легче. Малютка[1] здорова; но неспокойна, вероятно от испорченного молока своей кормилицы-матери. В субботу (17-го в день именин покойника) мы отдадим ему последний братский поцелуй на этом свете. Утрата сия для меня горьче, нежели утрата ближнего родного. Сердце мое сжато, и слезы не дают дописать».

Шляпкин, 1903, с. 134—135.

---

[1] Восьмимесячная дочь Дельвигов.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 6 газеты «Санктпетербургский вестник» за 1831 г. В разделе «Новости» помещена заметка издателя о русских писателях за границей. В ней приводятся следующие строки из берлинской газеты «Der Freimütnige»:

«Полтава, новая поэма Пушкина, заслужила всеобщее одобрение знатоков, и принадлежит теперь к числу

книг, наиболее читаемых в России. Главное лицо в этом стихотворении есть столь много воспетый Мазепа. Автор Полтавы изображает его, однако же, не такими льстивыми красками, как другие поэты, которым Мазепа казался героем свободы!.. Пушкин представляет Мазепу гордым, властолюбивым; смесь жестокости и вероломства, вот отличительная черта его характера.— Стихотворение сие исполнено красот несомненных; метода изложения и слог, истинно поэтический, снискали автору название Русского Бейрона... Осуждают однако же то, что Полтава, как и другие поэмы Пушкина имеет слишком отрывчатый вид... и не созрела в целом».

Около 20 января

Пушкин получает от Хитрово письмо от 10-х чисел января с упреками за задержку в Москве и с политическими европейскими новостями. Письмо не сохранилось.

Письмо Пушкина к Хитрово 21 января 1831 г.

5 декабря — 20 января

Пушкин читает в рукописи эпиграмму Баратынского на Булгарина (которая затем была напечатана в «Деннице» за 1831 г.) и поправляет последнюю строчку. Издатель «Денницы» Максимович позднее так рассказывал об этом:

«...Ее <эпиграмму> сочинил Баратынский еще до приезда Пушкина в Москву и написал ее мне своеручно в таком виде:

«Поверьте мне — Фиглярин-моралист
Нам говорит преумиленным слогом:
«Не должно красть; кто на руку нечист,
Перед людьми грешит и перед богом;
Не надобно в суде кривить душой;
Не хорошо живиться клеветой,
Временщику прислуживаться — низко,
Честь, братцы, честь дороже нам всего!»
Ну что ж? бог с ним! Все это к правде близко...»

Последний же стих читался так:

«А *может быть*, и ново для него».

Пушкин по приезде в Москву, любовался этою эпиграммою; рукою властною он зачеркнул в последнем стихе: *может быть*, и написал: *кажется*. С этою переменой и напечатан в «Деннице» последний стих:

«А *кажется*, и ново для него».

Вот все, что принадлежит Пушкину в эпиграмме Баратынского!»

Цявловский. Книга, с. 305—307.

Основание датировки: цензурное разрешение на выход в свет «Денницы» было дано 20 января. В первой половине января Максимович продолжал активно собирать материал для альманаха (см. январскую переписку Вяземского с Максимовичем).

15—20 января

Петербург. М. Л. Яковлев, В. Н. Щастный (поэт, сотрудник «Северных цветов» и «Литературной газеты») и некоторые другие в присутствии А. И. Дельвига, двоюродного брата А. А. Дельвига, в продолжение нескольких вечеров после смерти поэта уничтожают письма к Дельвигу, боясь прихода жандармов. Вероятно, при этом погибли автографы Пушкина.

«Время было тогда трудное, очень опасались, что жандармы заберут бумаги Дельвига и во множестве сохранившихся писем найдут такие вещи, которые могут скомпрометировать писавших. Читать эти письма считали неприличным. К тому же читать было некогда, боялись каждую минуту прихода жандармов. Поэтому брали письма и другие бумаги целыми пачками и... бросали их в большие корзины, и десятки этих корзин побросали в печь... Они были уничтожены Яковлевым, Щастным и некоторыми другими лицами в моем присутствии, чем они занимались беспрерывно

в продолжение нескольких вечеров, и это делано было без согласия Пушкина и Баратынского, бывших в это время в Москве».

Дельвиг, с. 179—180.

Основание датировки: это было сразу после того, как на следующий день после смерти Дельвига обнаружилась пропажа денежных билетов из его квартиры. «Пропажа билетов дала повод рассмотреть все бумаги Дельвига...» (там же).

20 января (вторник)

Пушкин видится с Нащокиным. Говорят о Дельвиге.
Едет к Салтыкову, чтобы сказать о смерти Дельвига.

Письмо Пушкина к Плетневу 21 января 1831 г.

Вечером получает письмо из Петербурга от Плетнева, написанное в ночь с 14 на 15 января (см.), с сообщением о смерти Дельвига (письмо Пушкина к Плетневу 21 января 1831 г.).

«Ночью. Половина 1-го часа.
Середа. 14 января, 1831. С. п. бург.

Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувствую, что должен перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, нам всем как-то было легче чувствовать всю тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе все, как это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш? Еще в нынешнее воскресенье он говорил мне, что теперь он по крайней мере совсем спокоен. Начало его болезни случилось во вторник, за неделю, т. е. 6-го числа. Но эта болезнь, простуда, очень казалась обыкновенною. 9-го числа он говорил со мною обо всем, нисколько не подозревая себя опасным. В воскресенье показались на нем пятна. Его успокоили, уверив, что это лихорадочная сыпь, и потому-то он принял меня так весело, сказав, что теперь он спокоен. Понедельник и вторник, т. е. 12 и 13 он

был в беспамятстве горячки. В середу в 7-ом часу вечера Петр Степанович[1], приехав ко мне, сказал, что он, по признанию докторов, в опасности. За ним вскоре приехал Гнедич с Лобановым, которые заезжали туда и слышали, что он близок к разрушению. В 9-ом часу я отправил туда человека, который возвратился с ужасною вестию, что ровно в 8-мь часов его не стало. И так в три дни явная болезнь его уничтожила. Милый мой, что ж такое жизнь?»

---

[1] Молчанов.

Погодин записывает в «Дневнике»:

«Все бранят Годунова».

П. в восп., II, с. 22.

20-е числа января

Пушкин получает письмо из Бухареста от Алексеева от 14 января — ответ на свое письмо от 26 декабря (см.). Алексеев поздравляет его с женитьбой, вспоминает о жизни в Кишиневе, пишет новости об общих кишиневских знакомых: И. Н. Инзове, И. П. Липранди, А. М. Худобашеве, Е. З. Стамо, Пульхерице Варфоломей и др.

«И письмо твое, любезный Пушкин, и твое милое воспоминание, все оживило закатившуюся мою молодость — и обратило меня к временам протекшим, в кои так сладко текла наша жизнь и утекала... Ты переменяешь свое положение! — поздравляю тебя! — Не вхожу в расчеты, заставляющие тебя откинуть беспечную холостую жизнь; желаю тебе только счастия и с переменою жизни неизменных чувств к своим друзьям. Судьба может еще соединить нас — и, может быть, весьма скоро, тогда я потребую от тебя прежнего расположения и искренности... Я прошу тебя, старый друг, пришли мне Годунова, Онегина и еще кое-что питательное для души моей... Ты можешь все, мной

требуемое, передать Киселеву[1], который, зная мою к тебе привязанность и жадность к твоим произведениям, поспешит ко мне отправить».

[1] См. 26 декабря.

Около 21 января

Выходит № 3 журнала «Молва» за 1831 г. (ц. р. 20 января 1831 г.). В статье Надеждина (без подписи) «Новое положение русских журналов» говорится:

«Славянин <петербургский журнал> — сей суровый и грозный Рогдай нашей журналистики...»

См.: Московские ведомости, 1831, № 6.

21 января (среда)

Пушкин пишет письмо Плетневу (ответ на его письмо, написанное в ночь с 14 на 15 января (см. 20 января).

«Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресение. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему все — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все.

Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертию,— говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы».

Пишет письмо Хитрово — ответ на ее письмо (несохранившееся) от 10-х чисел января (см. около 20 января).

«Вы совершенно правы, сударыня, упрекая меня за то, что я задержался в Москве. Не поглупеть в ней невозможно. Вы знаете эпиграмму на общество скучного человека:

Я не один, и нас не двое[1].

Это эпиграф к моему существованию. Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы.

Помните ли вы то хорошее время, когда газеты были скучны? Мы жаловались на это. Право же, если мы и теперь недовольны, то на нас трудно угодить.

Вопрос о Польше решается легко. Ее может спасти лишь чудо, а чудес не бывает. Ее спасение в отчаянии, una solus nullam sperare salutem <единственное спасение в том, чтобы перестать надеяться на спасение (*лат.*)>[2], а это бессмыслица. Только судорожный и всеобщий подъем мог бы дать полякам какую-либо надежду. Стало быть, молодежь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. R начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества.

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, не приличествующий могуществу. Все хорошее в них, то есть чистосердечие, исходит от государя, все плохое, то есть самохвальство и вызывающий тон,— от его секретаря. Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад[3].

Французы почти перестали меня интересовать. Революция должна бы уже быть окончена, а ежедневно бросаются новые ее семена. Их король с зонтиком под мышкой чересчур уж мещанин[4]. Они хотят республики и добьются ее — но что скажет Европа и где найдут они Наполеона?

Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас. Наши ряды начинают редеть.

Грустно кланяюсь вам, сударыня» (подлинник по-французски).

---

[1] Эпиграмма принадлежит французскому поэту Экушару Лебрену.

[2] Из «Энеиды» Вергилия.

[3] То есть во время войны 1812 г.

[4] Луи-Филипп, занявший престол после июльской революции 1 августа 1830 г. О его «демократизме» много говорили современные французские газеты. Например, 12 августа в «Gournal des Dèbats» написано: «Сегодня утром король вышел пешком с зонтиком в руке. Он был узнан и окружен толпой; теснимый рукопожатиями и приветствиями, он принужден был вернуться при единодушных криках: «Да здравствует король Филипп!» (Письма, III, с. 186).

Обедает в Английском клубе.

«Вчера обедали, как хотели, в клобе; славный был стол. К нам подсел поэт Пушкин и все время обеда проболтал, однакоже прозою, а не в стихах. Стол был очень хорош, покурили, посмотрели мастеров в биллиард, молодого Нарышкина[1] и Рахманова[2], и разъехались».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 22 января 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 48.

---

[1] К. П. Нарышкин — москвич, «до старости славный биллиардный игрок» (РА, 1902, № 1, с. 48).

[2] А. Ф. Рахманов — чиновник московского генерал-губернатора Голицына, камер-юнкер, знакомый Пушкина.

Петербург. Выходит № 6 газеты «Le Furet» за 1831 г. В нем напечатана статья за подписью W. B. (В. П. Бурнашев, литератор, журналист, много печатавшийся в «Le Furet»): «Boris Godounoff, poëme dialogué d' A. Pouschkine». Рецензия пренебрежительная.

«...Мы ожидали встретить в новой драме автора Руслана и Людмилы колоссальные размеры, но мы открыли лишь рост обыкновенный» (подлинник по-французски).

Ответ на рецензию — см. в № 7 «Le Furet» от 25 января.

Шульц В. К. А. С. Пушкин в переводе русских писателей. Спб., 1880, с. 99.

Петербург. Выходит № 17 газеты «Санктпетербургские ведомости» за 1831 г. Сообщение об издании «Музыкального альбома на 1831 год, содержащего в себе 24 № избранных русских песен и романсов, аранжированных для фортепьяно К. Гертумом» (см. 5 декабря), где помещено несколько романсов на стихи Пушкина.

Около 22 января

Пушкин знакомится с поэтом Л. А. Якубовичем.

«Я познакомился с... Пушкиным, который на днях женится. Напрасно говорят, что в нем не видно поэта,— решительно скажу вам: весь гений, все пламя жреца муз горит в его прекрасных глазах. Я читал «Годунова» раз 30 сряду,— превосходно. Я без ума восхищен им — вот поэзия, вот жизнь, вот сила!»

Л. А. Якубович — П. И. Вонлярлярской 22 января 1831 г. Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972, с. 258.

22 января (четверг)

Максимович пишет Вяземскому в Остафьево:

«...В кабацком Меркурии[1], издаваемом Рюмкиным[2], бранят «Годунова» и даже куплеты напечатаны».

Ст. и нов., IV, с. 191.

---

[1] В «Северном Меркурии» № 1 (см. 2 января).
[2] М. А. Бестужевым-Рюминым.

Петербург. Энгельгардт пишет Матюшкину о Дельвиге в связи с закрытием «Литературной газеты»:

«Не понимаю, как могло ему прийти в голову эти archi — французские вирши[1] напечатать, ни к селу ни к городу, в русскую литературную газету. Кажется, это его Пушкин впросак посадил».

Вестник всемирной истории, 1899, № 1, с. 97.

---

[1] Стихи Делавиня о французской революции.

23 января (пятница)

Пушкин нанимает второй этаж дома на Арбате, принадлежавшего Никанору Никаноровичу Хитрово, губернскому секретарю, карачевскому предводителю дворянства, и его жене Екатерине Николаевне, урожд. Лопухиной (о них см.: «Род Хитровых». Спб., 1866, с. 226—227). Хозяев в это время в Москве не было, они жили в своем имении Дроново Орловской губернии (см. рукописную «Памятную книгу» семьи Хитрово. Рукописный фонд ГМП). В доме жила экономка. Все дела по найму дома Пушкин вел с поверенным Н. Н. Хитрово Семеном Петровичем Семеновым, служителем г-жи Сафоновой, сестры Е. Н. Хитрово (см. «Памятную книгу»). Пушкин присмотрел этот дом и начал вести переговоры, несомненно, раньше — в течение января, а, может быть, и в декабре, так как он предполагал, что свадьба будет в самом скором времени. (См. в письме Плетневу от 13 января: «...Я женюсь в сем месяце...»). Переехал Пушкин из гостиницы «Англия» на Арбат, по-видимому, незадолго до свадьбы (см. первая половина февраля).

«Книга, данная из Московской Городской Шестигласной думы Маклеру Анисиму Хлебникову, для записки в оную в сем 1831 году условий с тем, чтобы таких актов в коих заключается о продаже или уступке от одного лица другому недвижимого имения... к записке отнюдь не принимать, генваря 8 дня 1831 года». «№ 10». «1831-го Года Генваря 23-го

дня я ниже подписавшийся Г-н Десятого класса Александр Сергеев сын Пушкин, заключил сие условие с служителем Г-жи Сафоновой Семеном Петровым сыном Семеновым по данной Ему Доверенности от Г-на Губернского Секретаря Никанора Никанорова сына Хитрово в том что, 1-е нанял я Пушкин Собственный Г-на Хитрово Дом, Состоящий в Пречистенской части второго квартала под № 204-м в приходе Троицы что на Арбате, каменный Двух этажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухнею, прачешной, конюшней, каретным сараем, под домом подвал, и там же запасной амбар, в доме с мебелью по прилагаемой описи сроком от выше писанного числа впредь на шесть месяцев, а срок сщитать с 22-го Генваря и по 22-е ж Июля сего 1831-го Года по Договору между нами за Две тысячи рублей государственными ассигнациями, из коей суммы при заключении сего условия должен я Пушкин, внести Ему Семенову половинную часть то есть тысячу рублей ассиг., а последнюю половину по истечении трех месяцев от заключения условия 2-е принять мне, Г-ну Пушкину Дом со всеми принадлежностями и мебелью по описи за общим нашим подписанием, во время моего Пушкина в том доме жительства содержать во всей чистоте и целости как мебель так равно и службы, 3-е Если же чего Боже сохрани нанимаемый мною Пушкиным Дом от небрежения моего или людей моих сгорит то по общему нашему Договору заплатить мне Г-ну Пушкину ему Семенову пятьдесят тысяч рублей государственными ассигнациями. Если же пожар последует от молнии, соседей, или от людей Г-на Хитрово то мне Пушкину не отвечать и Ему Семенову никакой платы с меня не требовать, 4-е по истечении срока и выезду из дому должен я Пушкин сдать оный по описи в совершенной исправности. Буде чего не явится или будет разбито, или изломано или замарано то за поврежденное заплатить то чего будет стоить или привести в исправность как принято Было, 5-е, чистка труб все по дому нечистоты и в случае приезду и отъезду

иногородных господ уведомлять об оном частный дом оное будет зависеть от меня Г-на Пушкина, 6-е в строениях занимаемых мною Пушкиным выключаются комнаты нижнего этажа дома для жительства Економки и приезду Г-на Хитрово, а в мезонине людском что над кухнею остаются покои для людей Г-на Хитрово, 7-е подлинный договор и опись вручить от меня Ему Семенову за моим подписанием а от него мне получить копию и договор сей я Г-н Пушкин и он Семенов должны сохранять свято и ненарушимо для чего записать в книгу маклерских дел: — к сему условию 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил: К сей записки 10-го класса Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ[1]. Так же к сей записке по доверенности вышеозначенного Г-на Хитрово Г-жи Сафоновой служитель ея Семен Петров Семенов руку приложил, а подлинное условие к себе взял тогож числа. Маклер Анисим Хлебников; добросовестный Григорий Кузьмин; добросовестный Силиверст Крюков».

Центральный государственный исторический архив города Москвы, ф. 14, оп. 7, д. 4190, л. 3.

Частично опубликовано в статье С. Романюка «Пиши мне на Арбат, в дом Хитровой».
Наука и жизнь, 1979, № 6, с. 113.

---

[1] Эта фраза написана рукою Пушкина.

«...Это большой дом на Арбате, бывший Хитровых, против домов Головина».

Бартенев со слов Нащокина.
Девятнадцатый век, I, с. 384.

«Молодые Пушкины, до переезда весною в Царское Село, жили со дня свадьбы во втором ярусе большого дома на Арбате, между церквами Николы в Плотниках и Св. Троицы».

Бартенев со слов Нащокина.
РА, 1902, № 1, с. 56.

24 января (суббота)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 4 «Литературной газеты» за 1831 г. Номер выпущен с опозданием (должен был выйти 16 января) из-за смерти Дельвига.

В номере помещена «Некрология» Дельвигу, написанная Плетневым.

«...Поэтический талант барона Дельвига раскрылся, можно сказать, вдруг и довольно рано. Некоторые из своих стихотворений написал он, бывши пятнадцати лет. Но это не были в истинном значении детские опыты, обыкновенно забываемые в последствии времени... Постоянство в занятиях, драгоценных для души образованной, жажда совершенства в искусстве своем и сближение с людьми, постигнувшими таинства этого искусства, приметным образом действовали на успехи барона Дельвига, уже как ревностного литератора. Во множестве молодых сочинителей невозможно было не отличить его по разнообразию и оригинальности вымыслов, по верному поэтическому чувству и по прекрасному употреблению почти всех стихотворных форм... издание Стихотворений барона Дельвига останется одним из замечательнейших памятников русской поэзии текущего столетия. Они дышат свежестью картин; в них кипят чувства; от них раздается музыка величественной простоты; они, как времена года, блестят собственными каждое красотами: кто, прочитав их, не почувствует наслаждения, тот или отжил, или не начинал еще жить для восторгов к изящному».

В этом же номере напечатаны статья В. И. Туманского «К гробу барона Дельвига», стихотворение М. Д. Деларю «Полет души», навеянное этой кончиной, и стихотворение Гнедича «На смерть барона А. А. Дельвига» (см. письмо Пушкина к Плетневу от 31 января 1831 г.):

Милый, младый наш Певец! на могиле, уже мне грозившей,
Ты обещался воспеть Дружбы прощальную песнь:

Так не исполнилось! Я над твоею могилою ранней
Слышу надгробный плач Дружбы и Муз и Любви!

Бросил ты смертные песни, оставил ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное светлой душе!
В мир неземной ты унесся, небесно-прекрасного алчный;
И, как над прахом твоим слезы льем на земле,
Ты, во вратах уже неба, с фиалом бессмертия в длани,
Песнь несловесную там с звездами утра поешь!

О. М. Сомов, друг Дельвига и его соредактор по «Литературной газете» и «Северным цветам», печатает объявление о том, что статья о «Борисе Годунове» в № 1 и 2 «Литературной газеты» принадлежит Дельвигу:

«Жестокая, мучительная болезнь помешала окончить оную. Пусть же она остается недоконченною, как прекрасное здание, недостроенное по смерти искусного зодчего...»

Около 25 января

Пушкин получает от Погодина стихотворение С. П. Шевырева «Послание А. С. Пушкину», присланное автором из Рима, где он в это время жил. «Послание» вышло в альманахе «Денница» за 1831 год (см. около 25 февраля).

«Послание Пушкину отдал; очень, очень благодарен и хотел отвечать тебе стихами же; разве только свадьба теперь помешает: на днях женится».

Погодин — Шевыреву 25 января 1831 г.
РА, 1882, № 6, с. 180.

Из гроба древности тебе привет!
Тебе сей глас, глас неокреплый, юный,—
Тебе звучат, наш Камертон-поэт,
На лад твои настроенные струны.
Простишь меня великодушно в том,
Когда твой слух взыскательный и нежный
Я оскорблю неслаженным стихом

Иль рифмою нестройной и мятежной.
Но, может быть, порадуешь себя
В моем стихе своим же ты успехом,—
Что в Древний Рим отозвалась твоя
Гармония, хотя и слабым эхом.
Из Рима мой к тебе несется стих,
Весь трепетный, но полный чувством тайным,
Пророчеством, невнятным для других,
Но для тебя не темным, не случайным...
Ты — русских дум на все лады орган,
Помазанный Державиным предтечей,
Ты — колокол во славу россиян!

и т. д.

Каллаш, с. 49, 50 и далее.

В Москву из Остафьева на время приезжает Вяземский с женой.

«Вяземский здесь на несколько дней».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 26 января 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 49.

Основание датировки: 22 января Максимович еще пишет Вяземскому в Остафьево.

Пушкин у Вяземского вместе с Давыдовым и Булгаковым. Обсуждают обращения к полякам главнокомандующего И. И. Дибича, опубликованные в приложениях к «Journal de S-t Pétersbourg».

«В supplêment du Journal de S-t Pétersbourg есть Дибичевы прокламации к полякам; мне особенно понравилась та, что адресована армии Польской. У Вяземского собрались Денис Давыдов, поэт Пушкин, ну и все хвалили пьесы сии».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 25 января 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 49.

25 января (воскресенье)

Погодин пишет Шевыреву в Рим:

«Пушкин и Киреевские (оба) здесь».

РА, 1882, № 6, с. 180.

В этом же письме Погодин сообщает, что передал Пушкину послание Шевырева (см. около 25 января).

Петербург. Выходит № 7 газеты «Le Furet» за 1831 г. Здесь помещено письмо от 24 января за подписью El...; автор письма просит редакцию безотлагательно напечатать перевод стихотворения Пушкина «Поэту» («Поэт, не дорожи любовию народной...»), только что опубликованного в «Северных цветах на 1831 г.». Затем напечатан прозаический перевод стихотворения. Редакция предпослала письму объяснение, в котором заявила, что по беспристрастию она печатает письмо и перевод стихов, хотя хорошо понимает, что это — ответ на отрицательную рецензию о «Борисе Годунове», помещенную в № 6 (см. 21 января).

Шульц В. К. А. С. Пушкин в переводе русских писателей. Спб., 1880, с. 98.

27 января (вторник)

Пушкин с друзьями собираются в ресторане «Яр» помянуть Дельвига.

«Вчера совершилась тризна по Дельвигу. Вяземский, Баратынский, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у Яра, и дело обошлось без сильного пьянства».

Н. М. Языков — А. М. Языкову 28 января 1831 г.
ИВ, 1883, № 12, с. 531.

Петербург. Запрос санктпетербургского правления в московское губернское правление об объявлении Пушкину указа сената по делу о стихотворении «Андрей Шенье» (см. 15 января).

Ответ Московского губернского правления — 17 февраля.

Выходит № 17—20 журнала «Московский вестник» за 1830 г. (ц. р. 3 января 1831 г.). В статье Я. И. Сабурова «Царскосельский сад» есть упоминания о Пушкине.

Описывая Чесменскую колонну, автор приводит строки из «Воспоминаний в Царском Селе» (измененные):

Шумя вокруг валы седые
В блестящей пене улеглись, А. П

«Лебеди пользовались у всех народов особенным почтением; им греки и римляне приписывали сверхъестественные свойства. Здешние не отстали вдохновением от почтенных предков своих: недавно один, завидев на берегу толпу лицейских учеников, отделился с криком и воплем, как будто объятый духом пророчества, от стаи плывшей по озеру, и трепещущий, безмолвный, пал к ногам Пушкина».

В статье Погодина «Взгляд на кабинет журналов» (за подписью NN) говорится о той травле, которую поднимал журнал «Вестник Европы» против всех выдающихся талантов.

«...Разверните летописи, и вы увидите, прав ли я: Дмитриев, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Строев, Калайдович, Венелин... на всех поднимал он свой голос... Пушкин пришел, увидел, победил... как оставить его в покое, рассчитал Вестник Европы, одно нападение на такого витязя стоит победы. Но с другой стороны, как и подступиться к нему; он весь в оружии: и меч, и кинжал, и копье, и ружье, а стрел-то, стрел-то, напитанных ядом-эпиграммой,— счету нет. Однако как-то изловчился Вестник Европы, подкрался к сонному, и хвать с него черную шаль, и тут же в клочки...» Далее в таком же роде описывается сражение между «Вестником Европы» и Пушкиным.

См.: Московские ведомости, 1831, № 8.

29 января (четверг)

Пушкин закладывает село Кистеневку Сергачевского уезда в Московском опекунском совете воспитательного дома за 40 000 ассигнациями и получает деньги в Московской сохранной казне, членом которой он становится. Как член, он вносит в кассу казны тысячу рублей. Еще одной тысячей он, по-видимому, гасит один из своих срочных долгов. Так что в результате залога он получает 38 тысяч.

«...Заложил я моих 200 душ, взял 38 000...»

Пушкин — Плетневу около (не позднее) 16 февраля 1831 г.

«10 класса чиновнику Александру Сергеевичу Пушкину под деревню выдано января 29 дня 40 000 рублей».

Запись в журнале
Московской сохранной казны
Вечерняя Москва, 1974, 30 нояб.

«1831 г. февраль. 10 класса Пушкин Александр Сергеевич № 41862».

Запись в алфавите вкладчиков
Московской сохранной казны
Вечерняя Москва, 1974, 30 нояб.

Об этом же см.: Письма, III, с. 205.

П. Е. Щеголев. Пушкин и мужики. М., 1928, с. 74.

Знакомится в Опекунском совете с Н. В. Лазаревым, экзекутором канцелярии совета, коллежским асессором.

«Завтра Пушкина свадьба за городом или в домовой церкви; наконец, свободный поэт свяжется узами супружества. Зала Опекунского Совета доставила мне с ним знакомство, и он был приветлив и мил во всей силе слова».

Лазарев — И. В. Великопольскому 14 февраля 1831 г.
П. и совр., XXXVIII—XXXIX, с. 276.

Петербург. Из канцелярии петербургского генерал-губернатора сообщают московскому генерал-губернатору Голицыну «Об учинении распоряжения к отысканию Пушкина

и объявлении ему мнения государственного совета по делу о найденных у кандидата словесных наук Московского университета Леопольдова возмутительных стихах его, Пушкина сочинения» (см. 15 января).

Неделя, 1976, № 35, с. 5.

Вскоре после 29 января

Пушкин дает взаймы Н. И. Гончаровой 11 000 на приданое невесте и на другие расходы к свадьбе.

Письмо Пушкина к Плетневу около (не позднее) 16 февраля 1831 г.

«Отец позволил Пушкину заложить для свадьбы Нижегородское имение. Получено было до 40 тысяч. Из них Пушкин дал теще на изготовление приданого...»

РА, 1882, № 2, с. 232.

«Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны».

Е. А. Долгорукова. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

П. в восп., II, 138.

«Дело в том, что он на приданое жены дал ее семейству своих 11 000...»

Запись П. В. Анненкова на копии письма Пушкина к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г.

Письма, III, с. 310.

«Пушкин отдал своих 25 тысяч на приданое».

П. А. и В. Ф. Вяземские. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

П. в восп., II, с. 160.

Впоследствии Пушкин так и не получил от Гончаровой этих денег (см. письма к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г. и к Нащокину от 22 октября 1831 г.).

20—30 января

Польша, д. Антоновка. Ал. Н. Вульф пишет сестре Ан. Н. Вульф в ответ на ее письма (несохранившиеся) от 20 декабря и 11 января (см.):

«На твое письмо от 20-го декабря не удалось мне так скоро отвечать, как я желал... Верно жизнь Пушкина в Нижегородской деревне была очень похожа на Михайловскую, когда она ему так живо напомнила последнюю, что он вздумал писать к вам[1]. Как может Ушакова[2] знать твое мнение о его женитьбе? Не хотел ли он сказать только, может быть, что Ушакова одного мнения с тобою об этом предмете, а не то, чтобы она повторяла твои слова: до такой степени я не думаю, чтобы вас друг с другом заочно Пушкин познакомил: точно это бы не было лестно ни тебе, ни ей. Теперь, когда холера прекратилась в Москве, вероятно и он оставил свое убежище и возвратился к своей прелестнице; к тому же, теперь и самое свободное время года до великого поста[3]... Между тем, получил я твое <письмо> от 11-го января... По твоим словам Пушкин должен быть теперь уже женат; но я не столько нетерпелив видеть Госпожу Пушкину, потому что я себя изведал — и смиряюсь. Не знаю, время-ли, или образ жизни причиною, но я заметно хладею...»

П. и совр., I, с. 91, 92, 94.

---

[1] Б. Л. Модзалевский в статье «Поездка в село Тригорское» (П. и совр., I, с. 91) считает, что речь идет о письме Пушкина из Болдина в Опочку П. А. Осиповой (сейчас оно датируется 5 ноября (?) 1830 г.). Однако там нет ничего об Ушаковой, так что это, по-видимому, другое, не дошедшее до нас письмо.

[2] Речь идет о соседях Вульфов по Тверской губернии; это — не семейство московских знакомых Пушкина.

[3] Для венчания.

Ал. Н. Вульф начинает письмо 20 января, затем прерывает на несколько дней и в это время получает письмо от сестры от 11 января. Заканчивает он письмо 30 января.

Пушкин получает от Плетнева письмо от 20-х чисел января, 2000 руб. за издание «Бориса Годунова» и, вероятно, № 4 «Литературной газеты». Письмо не сохранилось. По-видимому, в нем Плетнев писал о Дельвиге, о «Северных цветах», которые надо издать в его память; упоминал о В. И. Туманском. По всей вероятности, Плетнев, посылая № 4 «Литературной газеты» со своим некрологом Дельвигу и стихами Гнедича «На смерть барона А. А. Дельвига» (см. 24 января), рассказал Пушкину о том, что Гнедич сначала передал это стихотворение в «Северную пчелу». Содержание письма Плетнева выясняется из ответа Пушкина (см.). *Пишет ответ Плетневу.*

«Сейчас получил 2000 р., мой благодетель[1]. Satis est, domine, satis est. <довольно, господи, довольно *(лат.)*>. На сей год денег мне больше не нужно. Отдай Софии Михайловне остальные 4000[2] — и я тебя более беспокоить не буду.

Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову[3] — он был искренно к нему привязан — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжеле: чувства души слабеют и меняются, нужды жизненные не дремлют.

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями[4]. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит[5]. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это.

Вижу по письму твоему, что Туманский в Петербурге — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного, несмотря на некоторые мелочи характера малороссийского.

Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в «Северную пчелу»?[6] — Радуюсь, что Греч отказался — как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и ...... чистом полицейским Фаддеем?[7]

Милый мой, еще просьба, съезди к S-t Florent[8] (т. е. к его преемнику) и расплатись с ним за меня. Я, помнится, должен ему около 1000 руб. Извини меня перед ним — я было совсем о нем забыл.

Что вдова?»[9]

---

[1] За «Бориса Годунова». См. начало января (до 7-го) и 26—27 февраля (письмо Плетнева от 22 февраля).

[2] Долг Пушкина Дельвигу. См. начало января (до 7-го) и 26—27 февраля (письмо Плетнева от 22 февраля). Пушкин поспешил вернуть его С. М. Дельвиг, оставшейся после смерти мужа в трудном материальном положении.

[3] «Северные цветы на 1832 г.», выпущенные в память Дельвига и в пользу его семейства, вышли в свет в конце 1831 года. Пушкин беспокоился о материальных делах Сомова, соредактора Дельвига по «Северным цветам» и «Литературной газете», живущего только на свои литературные заработки.

[4] Замысел коллективной биографии Дельвига не был осуществлен. Сохранились наброски неоконченной статьи Пушкина о Дельвиге, написанной несколько позднее.

[5] Измененный стих из баллады Шиллера «Граф Габсбургский» в переводе Жуковского.

[6] Стихотворение Гнедича «На смерть барона А. А. Дельвига» Н. И. Греч, один из редакторов «Северной пчелы», не принял, так как при жизни Дельвига между ним и этой газетой были враждебные отношения. Стихи были напечатаны в № 4 «Литературной газеты» (см. 24 января).

[7] Булгариным, редактором «Северной пчелы».

[8] Петербургский книгопродавец. Его преемник — Ф. Беллизар, книгопродавец, с которым Пушкин вел дела по приобретению книг (см. 26—27 февраля — в письме Плетнева от 22 февраля и 24 февраля — 26 марта).

[9] С. М. Дельвиг.

Вяземский пишет Плетневу:

«Вот, любезнейший Петр Александрович, мои приложения к моему Адольфу»[1].

Изв. ОРЯС, т. II, кн. 1, с. 94.

---

[1] Посвящение перевода Пушкину и несколько слов от переводчика (см. 12 января и 18—19 января).

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 5 «Литературной газеты» за 1831 г. В статье Сомова «Новые русские журналы» (окончание) говорится о газете «Колокольчик», в которой писали, что «Борис Годунов» «есть совершенное ребячество, или, говоря другими словами, школьная шалость, достойная исправления».

Январь

Пушкин видится с актрисой Е. С. Семеновой и дарит ей экземпляр «Бориса Годунова» с надписью на обложке:

«Княгине Екатерине Семеновне Гагариной от Пушкина. Семеновой — от сочинителя».

Рукою П., с. 716—717.

Декабрь 1830 — январь 1831 г.

Пушкин посещает И. Н. Римского-Корсакова, престарелого вельможу, фаворита Екатерины II.

«Незадолго до его смерти, последовавшей в 1831 году[1], А. С. Пушкин часто посещал Корсакова в Москве, допытываясь от него о временах Екатерины».

РС, 1887, № 3, с. 600.

---

[1] 16 февраля 1831 г.

Римский-Корсаков — «...тщеславный богач, не одаренный ничем от природы и обязанный одной слепой Фортуне, пригожему лицу и юности минутным блеском своим у Трона».

Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1874, с. 150.

Конец января — 3 февраля

Кн. Вяземская по просьбе Пушкина просит Н. И. Гончарову поторопиться со свадьбой.

«Когда Пушкин был женихом, свадьба долго откладывалась; княгиня Вяземская по его просьбе ездила к Н. И. Гончаровой и просила скорее кончать».

П. А. и В. Ф. Вяземские. «Рассказы о Пушкине записанные П. И. Бартеневым».

П. в восп., II, с. 160.

Основание границ датировки — приезд Вяземских в Москву из Остафьева около 25 января (см.) и болезнь Вяземской 3 февраля (см.).

Конец января — начало февраля

Д. Шаево Костромской губернии. П. А. Катенин пишет из своего имения неустановленному лицу и посылает ему «Бориса Годунова».

«Меня здесь совсем с толку сбили. Не знаю, что думать не только о «Годунове», но даже об самом себе. Или в моем организме какой-нибудь недостаток скрывает от меня красоты «Годунова», или же вся, стихами и прозою пишущая, братия ошибается.— Вот в чем дело: Вяземский, Давыдов, Баратынский etc., etc. (коих мнения мне известны от Муханова) восхищены и решают, что Пушкин себя превзошел и мир изумил. Мое же мнение совершенно этому противоположное».

Катенин упрекает трагедию в недостатках стихосложения, в анахронизмах и смешении слогов «высокого и пло-

щадного», а также в «отсутствии всякого действия, и, следовательно, того интереса, которое <sic> от него происходило бы в сих исторических сценах. Сцены между собою ничем не связываются. Говорят, характеры выдержаны; да им некогда держаться. Так легки, неполны абрисы...»

ЛН, 58, с. 101—102.

Основания для датировки письма: Катенин говорит о «Борисе Годунове» как о «новости», упоминает о холерных карантинах 1830—1831 гг.; мысли и формулировки этого письма — те же, что в его письме к неизвестному лицу от 1 февраля (см.).

Февраль

1 февраля (воскресенье)

Д. Шаево. Катенин пишет неизвестному лицу, спрашивавшему у него разбора «Бориса Годунова».

«Самое лучшее в нем слог.... Во многих подробностях есть ум без сомненья, но целое не обнято; я уж не говорю — в драматическом смысле: оно не драма отнюдь, а кусок истории, разбитый на мелкие куски в разговорах; и в этом отношении слишком многого недостает...»

Катенин осуждает развитие действия, невыдержанность и бледность характеров. «Словом, все не достаточно, многого нет, а что и есть, так esquissé <эскизно *(фр.)*>,— что надобно наперед историю прочесть, а кто давно не читал и позабыл,— драмою сыт не будет...»

«Возвращаясь к «Борису», желаю спросить: что от него пользы белому свету?.. На театр он нейдет, поэмой его назвать нельзя, ни романом, ни историей в лицах, ничем; для которого из чувств человеческих он имеет цену или достоинство? Кому будет охота его читать, когда пройдет пер-

вое любопытство? Я его сегодня перечел в третий раз — и уже многое пропускал, а кончил, да подумал: 0 (т. е. нуль)».

Письма, III, с. 152—154.

Начало февраля

Пушкин получает письмо от Хитрово (несохранившееся), по-видимому, являющееся ответом на его письмо от 21 января (судя по тому, что она пишет о Дельвиге, как бы отвечая на пушкинские строчки о нем в письме 21 января) и написанное, скорее всего, в самом конце января, по крайней мере, не раньше 27-го, так как французский посланник Мортемар, о приезде которого, видимо, сообщала поэту Хитрово, прибыл в Петербург 27 января. Содержание письма — предложение помощи семейству Дельвига, польские дела, приезд Мортемара, успех «Бориса Годунова» в Петербурге — определяется по ответному письму Пушкина Хитрово около (не позднее) 9 февраля.

Вяземский передает Пушкину письмо Н. И. Кривцова (не сохранилось).

Письмо Пушкина к Кривцову 10 февраля 1831 г.

Около 3 февраля

Петербург. Выходит «Невский альманах на 1831 г.». Здесь напечатана повесть «Брак по смерти» (за подписью — НЪ), в которой одно из действующих лиц говорит, что в альманахе «Северные цветы» всего прекраснее «будет милый, полный цветок из роскошной оранжереи богача — Онегина».

См.: Северная пчела, 1831, № 26.

3 февраля (вторник)

С. П. Жихарев пишет А. И. Тургеневу:

«Вяземский возвратился из деревни[1] и собирается в Пбург; но когда именно поедет, не знаю. Не дождется ли

свадьбы Пушкина? Княгиня[2] брюхата: в 43 года честно быть молодою матерью».

Жихарев. Записки современника, т. II. М.—Л., 1934, с. 447.

---

[1] См. около 25 января.
[2] Вяземская.

Тяжело заболевает Вяземская, которая должна была быть посаженой матерью Пушкина.

«Княгиня В. Ф. Вяземская, прибивая образ (велика нужда была самой это делать!), упала, ушиблась, была долго без чувств и выкинула. Поеду ее навестить и узнаю правду. Она все отнекивалась, что брюхата, а ежели была брюхата, то не простительно лазить с таким дорогим грузом».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 4 февраля 1831 г. РА, 1902, № 1, с. 50, 51.

«Я был вчера у Вяземских, княгиня очень была дурна третьего дня, стала ногами на детскую постель, которая провалилась; она не ушиблась так, как испугалась. Тотчас бы ей взять предосторожности, вместо того оделась, зашнуровалась, после чего выкинула и изошла было кровию, лежит в постели. Я нашел мужа очень встревоженного».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 5 февраля 1831 г. РА, 1902, № 1, с. 51.

«Вчера заезжал я к Вяземскому. Больная княгиня захотела меня видеть. Я испугался перемене, которую в ней нашел: точно мертвец лежит на кровати, худа, желта, бледна, глаз не видать, едва говорит; страшная перемена в ней последовала. Понимаю, что надобно по крайней мере шесть недель ей, чтобы оправиться».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 14 февраля 1831 г. РА, 1902, № 1, с. 51.

Около 4 февраля

Выходит № 2 журнала «Телескоп» за 1831 г. (ц. р. 1 февраля 1831 г.). В разделе «Библиография» помещена рецензия (без подписи) на «Северные цветы на 1831 г.» (см. 24 декабря). Больше всего критикуется отдел поэзии, в частности — Пушкин.

«Пушкин как будто хотел подшутить над самим собой, или, может быть, из снисходительности, не хотел собой затмевать общество, в которое приглашен по приязни. Стихотворения, скрепленные его именем, все так посредственны... чуть чуть не ничтожны».

См.: Московские ведомости, 1831, № 10.

Около 7 февраля

Выходит № 6 «Дамского журнала» за 1831 г. (ц. р. 1 февраля 1831 г.). Здесь помещена краткая хвалебная рецензия П. И. Шаликова «Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. Санкт-Петербург 1831 г.»:

«Прочитавши Бориса Годунова в другой раз, уразумеешь и почувствуешь достоинство сего необыкновенного творения. Оно не подходит под обыкновенные вопросы о роде, о форме и проч. и проч. Нет! на нем лежит особенная, или, лучше сказать, собственная печать, подобная Микель-Анджеловой печати на бессмертном куполе знаменитого римского храма — печать таланта неустрашимого, всемогущего».

См.: Московские ведомости, 1831, № 11.

Выходит книга «Собрание русских простонародных песен». (М., В типографии Лазаревых института восточных языков. 1831 г.) (ц. р. 7 марта 1830 г.). В книге напечатаны два пушкинских стихотворения (перепечатка): № 4 — «В реке бежит гремучий вал» («Черкесская песня» из «Кавказского пленника») и № 5 — «Гляжу я безумно на черную шаль».

См.: Московские ведомости, 1831, № 11.

7 февраля (суббота)

Выходит № 11 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о выходе в свет № 6 «Дамского журнала» со статьей Шаликова о «Борисе Годунове».

Около (не позднее) 9 февраля

Пушкин пишет Хитрово — ответ на ее несохранившееся письмо от конца января (см. начало февраля).

«Как вы счастливы, сударыня, что обладаете душой, способной все понять и всем интересоваться. Волнение, проявляемое вами по поводу смерти поэта в то время, как вся Европа содрогается, есть лучшее доказательство этой всеобъемлемости чувства. Будь вдова моего друга в бедственном положении, поверьте, сударыня, я обратился бы за помощью только к вам. Но Дельвиг оставил двух братьев[1], для которых он был единственной опорой: нельзя ли определить их в Пажеский корпус?..

Мы ждем решения судьбы — последний манифест государя превосходен[2]. По-видимому, Европа предоставит нам свободу действий[3]. Из недр революций 1830 г. возник великий принцип — принцип невмешательства, который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого. Не такова была система Каннинга[4].

Итак, г-н Мортемар[5] в Петербурге, и в вашем обществе одним приятным и историческим лицом стало больше. Как мне не терпится очутиться среди вас — я по горло сыт Москвой и ее татарским убожеством!

Вы говорите об успехе «Бориса Годунова»: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет. Впрочем, все хорошее в ней до такой степени мало пригод-

но для того, чтобы поразить почтенную публику (то есть ту чернь, которая нас судит), и так легко осмысленно критиковать меня, что я думал доставить удовольствие лишь дуракам, которые могли бы поострить на мой счет. Но на этом свете все зависит от случая и delenda est Varsovia <Варшава должна быть разрушена (лат.)>»[6] (подлинник по-французски).

---

[1] Младшие братья Дельвига Александр и Иван «жили у него и учились на его счет» (Дельвиг, с. 109). Пушкин их часто видел и, по воспоминаниям Керн, «нежно ласкал».

[2] От 25 января 1831 года. В ответ на постановление Варшавского сейма 13 января об отстранении Романовых от польского престола в манифесте говорится: «Сие наглое забвение всех прав и клятв, сие упорство в зломыслии исполнили меру преступлений; настало время употребить силу против незнающего раскаяния, и мы, призвав в помощь всевышнего, судию дел и намерений, повелели нашим верным войскам идти на мятежников» (Письма, III, с. 196).

[3] Европейские, в первую очередь французские либеральные, круги горячо поддерживали дело поляков. Однако французское правительство, не желая осложнять отношений с Россией, провозгласило принцип невмешательства.

[4] Каннинг — английский государственный деятель 1-й трети XIX в. Признавал независимость многих стран, отделившихся от государств, к которым они ранее принадлежали.

[5] Мортемар — герцог, французский дипломат. 27 января прибыл в Петербург в качестве чрезвычайного посланника от правительства Луи-Филиппа. С Мортемаром были хорошо знакомы Вяземский и А. И. Тургенев (Письма, III, с. 201).

[6] Перефразировка фразы Катона «Карфаген должен быть разрушен».

9 февраля (понедельник)

Вероятно, Пушкин посещает Вейера; по крайней мере в этот день он уплатил ему долг Нащокина — 7000 рублей по заемным письмам от 8 декабря и от 10 января (см.) и Вейер передал Пушкину оба заемных письма, с тем чтобы тот требовал долг с Нащокина. На обороте каждого векселя Вейер сделал надпись: «Право сего заемного письма передаю 10-го класса Александру Сергеевичу Пушкину 1831-го года

февраля 9-го дня. Московский 2 гильдии купец Никита Андреев сын Веиер».

Рукою П., с. 800—802.

Об этой своей уплате долга за Нащокина Пушкин упоминает в письме к Плетневу, написанном около 16 февраля (см.): «10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные».

Нащокин отдал Пушкину деньги по обоим векселям 22 декабря 1831 г.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 10 (от 23 января) газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. Здесь напечатано произведение А. Гл-ва «Новый провинциал в столице или XIX столетие»; в качестве эпиграфа к нему взяты строки из «Демона» Пушкина:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

10 февраля (вторник)

Вечером Пушкин посещает своих московских знакомых — коллежского советника А. М. Устинова и его жену А. К. Устинову и оставляет им свой новый московский адрес:

«На Арбате дом Хитровой А. П.».

На листе с адресом много лет спустя Устинов сделал запись: «Рука поэта Пушкина. Адрес, набросанный им самим в нашем большом доме на Вздвиженке, однажды вечером, в большой зале, во время моего отъезда в Саратов. Пушкин был тогда женихом» (подлинник по-французски). Пушкин записал адрес до 18 февраля — дня свадьбы («был тогда женихом»). Устиновы выехали из Москвы в Саратов, а затем в свое саратовское имение Беково между 12 и 16 февраля; причем сначала они предполагали ехать 10 февраля. Возможно, Пушкин знал об этом дне, написал 10 февраля письмо своему давнему приятелю Н. И. Кривцову, живущему постоянно в имении Любичи Тамбовской

губернии, и принес письмо Устинову для передачи Кривцову: Устинов был дружен с Кривцовым, часто посещал Любичи, находившиеся на границе Саратовской и Тамбовской губерний, следовательно, сравнительно недалеко от устиновского Бекова (кстати: на письме Кривцову нет почтового штемпеля и адреса). Тогда же Пушкин записал для Кривцова свой новый адрес и оставил записку у Устинова. Возможно, впрочем, что Пушкин написал письмо Кривцову здесь же, в доме Устиновых.

Прометей, X, с. 85—99.

Пишет Кривцову письмо в Любичи и посылает ему «Бориса Годунова» (возможно — с отъезжающим из Москвы Устиновым — см. выше).

«Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты[1] — будь благосклонен и к произведениям более зрелым. Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя[2]. Мне брюхом хотелось с тобою увидеться и поболтать о старине — карантины мне помешали. Таким образом, бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги[3], а я женат.— Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes <счастье можно найти лишь на проторенных дорогах *(фр.)*>. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию,

У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно. Пиши мне на Арбат в дом Хитровой[5]. На днях получил я чрез Вяземского твое письмо, писанное в 1824[6]. Благодарю, но не отвечаю».

---

[1] Пушкин был близок с Кривцовым в юности, с июня 1817 по март 1818 г. (время отъезда Кривцова в Англию для службы в посольстве), посвящал ему стихи.

[2] В с. Болдино Нижегородской губернии.

[3] Кривцов лишился ноги в сражении под Кульмом.

[4] Цитата из романа Шатобриана «Рене».

[5] См. 23 января.

[6] См. начало февраля.

11 февраля (среда)

У Пушкина — Погодин и Давыдов.

«Февраль. 11. К Пушкину по вызову. Отдал деньги Надеждину[1]. Спорили до хрипу о «Борисе» перед Д. Давыдовым, которому нравится мое разыскание»[2].

Погодин. «Дневник». 11 февраля 1831 г.
П. в восп., II., с. 22.

---

[1] Погодин принимал участие в издаваемом Надеждиным журнале «Телескоп».

[2] Исторические исследования Погодина относительно «Бориса Годунова», в частности, отразившиеся в его статье «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» («Московский вестник», 1829, ч. III).

Выходит приложение к № 12 «Московских ведомостей» за 1831 г. «Книжная лавка» № 1, 2. Объявление о продаже в книжных лавках Глазунова книг русских изданий, в том числе «Бориса Годунова» и альманаха «Роза граций» (М., 1830), где собраны стихотворения Карамзина, Жуковского, А. Пушкина, Баратынского, Рылеева, Дельвига и мн. др. (см. около 17 декабря).

Н. М. Языков пишет А. М. Языкову:

«Годунов раскупается слабо. Пушкин точно издал его слишком и слишком поздно. Добро бы хоть в эти пять лет поправлял его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать следовало».

ВЕ, 1897, № 12, с. 603.

Выходит № 20 журнала «Московский телеграф» за 1830 г. Объявление о печатании альманаха «Сиротка», где будут среди других произведений помещены «Пушкина стихи прекрасные» (см. около 25 февраля).

См.: Молва, 1831, № 7
и Московские ведомости, 1831, № 13.

12 февраля (четверг)

В Москву из путешествия в Персию в составе русской миссии приезжает Д. Н. Гончаров, старший брат Н. Н. Гончаровой, чиновник Министерства иностранных дел. В Персии он разбирал вещи погибшего Грибоедова. Уехал из Москвы 2 марта (см.).

Врем. ПК, 1966, с. 13.

Петербург. В. С. Печерин, студент Петербургского университета, будущий поэт и философ, пишет своей кузине В. Ф. Трегубовой:

«Как вам нравится «Борис Годунов»? Мне он совсем не нравится: это отрывки из русской истории, а вовсе не поэтическое произведение, достойное этого имени» (подлинник по-французски).

Гершензон М. Жизнь Печерина.
М., 1910, с. 19.

13 февраля (пятница)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 7 «Литературной газеты» за 1831 г. В статье за подписью «Изд.» (по-видимому — Сомов) «О литературе русской. Речь, произнесенная в Атенее Марсельском, в заседание

26-го июля 1830-го года, князем Елимом Мещерским...» излагаются мысли этой речи:

«Жуковский заставил нас полюбить сей новый род поэзии[1]. Юный поэт, Александр Пушкин, гений необыкновенный, заставил ему удивляться и докончил романтическое преобразование... Русский язык, выходящий из-под пера Жуковского или Александра Пушкина, весьма приблизился к совершенству языка богов... Александр Пушкин, довершивший романтическое преобразование нашей литературы, живо почувствовал, подобно Жуковскому, необходимость искать новых соков для поэзии в сказках и поверьях народных. Первая поэма, которою он возвестил России пробуд своего гения, взята им из древнего русского предания, украшенного всею прелестью чудных вымыслов и чародейства».

Мещерский в своей речи упоминает о «Борисе Годунове», тогда еще не изданном, «как о первой русской драме, написанной в правилах романтических...»

---

[1] Романтизм.

Около 14 февраля

Выходит № 7 «Дамского журнала» за 1831 г. (ц. р. 7 февраля 1831 г.). Здесь за подписью Н. И. П. (Н. Д. Иванчин-Писарев) напечатано стихотворение «На посвящение Пушкиным новейшего своего творения «Годунов» памяти Карамзина»:

Прямого гения все свойства таковы:
Он чтить великое в великом не страшится.
Несносно солнце для совы —
Орел к нему стремится!

2 февраля 1831 г.

См.: Московские ведомости, 1831, № 13.

14 февраля (суббота)

Выходит № 13 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в книжной лавке В. В. Логинова

«Бориса Годунова» и о выходе в свет №7 «Дамского журнала» за 1831 г., где напечатано стихотворение «На посвящение Пушкиным своего творения: Годунов, памяти Карамзина».

Первая половина февраля

Пушкин переезжает в дом на Арбате (см. 23 января).

Письмо Пушкина к Кривцову 10 февраля 1831 г.

Перед переездом на арбатскую квартиру нанимает слуг, вероятно, при помощи Нащокина: экономку Марию Ивановну, дворецкого Александра Григорьева, Ивана Григорьева, повара, имя которого неизвестно, и, конечно, несколько других, чьи имена также не сохранились. Марию Ивановну Пушкин после отъезда в Петербург оставил при своей арбатской квартире, ликвидацию которой он поручил Нащокину. В письме к Нащокину от второй половины мая 1831 г. он спрашивает: «...Что Марья Ивановна? спровадил ли ты ее?» Нащокин (письмо около 25 мая) сообщает Пушкину: «Марья Ивановна была на меня в неудовольствии, жаловалась на меня куда следует — и долженствовало бы быть процессу — но я подавил его, силою красной ассигнации, все кончилось, уложены твои вещи и завтра будут отправлены...» Пушкин отвечает ему 1 июня: «Очень благодарю тебя за дружеские хлопоты с Марьей Ивановной и поздравляю с прекращением домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза <с вещами> и письма твоего». 9 июня Нащокин пишет: «Обоз я думаю к тебе пришел. Будут просить прибавки не давай. Александре Григорьеву дал я за месяц в перед, т. е. 50 руб. асс. Просил он у меня за три но я не мог дать столько; с обозом твоим хлопот ни мало было, но не для чего описывать, интересного мало... для всякой предосторожности советую поверять изредко счеты и нынешнего твоего дворецкого». В начале июня обоз с вещами в сопровождении Александра Григорьева пришел в Царское Село, о чем Пушкин сообщает Нащокину

11 июня. В начале сентября Пушкин, недовольный мошенничеством Александра Григорьева, рассчитал его (письмо Пушкина к Нащокину от 3 сентября 1831 г. Там же Пушкин упоминает об Иване Григорьеве и о поваре).

Об этих слугах Пушкина см.: Рассказы о П., с. 60; Щеголев. Пушкин и мужики. М., 1928, с. 167—168; Письма, III, с. 269, 279, 397.

Камердинером к Пушкину поступает Н. Е. Федоров. Служит у него примерно до 1833 года.

Н. А. Лейкин в статье «Из Москвы», напечатанной в «Петербургской газете» № 111 за 1880 г., писал об отыскавшемся в Москве камердинере Пушкина, старике 85 лет, Никифоре Емельяновиче Федорове, который рассказывал о Пушкине, в частности, следующее: «Почти 2 года я у него выжил. Поступил к нему в 31-м г. к холостому в Москве, при мне он и сватался к Гончаровой, при мне и женился».

Цявловский. Книга, с. 289.

Середина февраля

Пушкин на балу в доме кн. Долгоруковой. Бал этот давали молодые: сын Долгоруковой А. С. Долгоруков и его жена — дочь А. Я. Булгакова Ольга (их свадьба была 28 января — незадолго до свадьбы Пушкина).

По Москве ходит слух, что свадьба Пушкина не состоится. Слухи о болезни Н. Н. Гончаровой.

«В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходится; это скоро должно открыться: середа последний день, в который можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на бале у наших, отличался, танцовал, после ужина скрылся. Где Пушкин? я спросил, а Гриша Корсаков[1] серьезно отвечал: Il a été donc ici toute la soirée, et maintenent il est allé trouver sa promise <Он ведь был здесь весь вечер, а теперь он отправился навестить свою невесту *(фр.)*>. Хорош визит в 5 часов утра и к боль-

ной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 16 февраля 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 52.

---

[1] Г. А. Римский-Корсаков — полковник в отставке, сын знаменитой московской барыни М. И. Римской-Корсаковой, московский лев и фрондер, приятель Пушкина и Вяземского.

«До сих пор еще толкуют о славном бале наших молодых, хваля особенно ласку и ловкость Ольги. Старик Юсупов[1] спрашивал: a-t-elle jamais été demoiselle <была ли она когда-нибудь барышней (фр.)>? Поэт Пушкин также в восхищении от нее; говорит, что не возможно лучше Ольги соединять вместе роль девушки только что поступившей в барыню и хозяйки. Он мне говорил на бале: Я глаз не спускаю с княгини О. А.; не понятно, как она всюду поспевает, не только занимается всеми, кои тут, но даже отсутствующим посылает корнеты <пакетики> с конфектами; я бы ее воспел, да не стихи на уме теперь... Он жене моей[2] говорил на бале: Пора мне остепениться: ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 19 февраля 1831 г.
РА, 1902, I, с. 53—54.

---

[1] Кн. Н. Б. Юсупов.
[2] Н. В. Булгаковой.

Получает письмо из Смоленска от губернатора, своего давнего знакомого, драматурга и переводчика Н. И. Хмельницкого от 11 февраля.

«... Будучи уверен в вашем благосклонном ко мне, милостивый государь, расположении, я решился покорнейше просить вас украсить Смоленскую Публичную Библиотеку

подарком ваших сочинений, что без сомнения почту за особенно оказанное мне одолжение».

С аналогичным официальным письмом Хмельницкий обращался ко всем известным петербургским и московским литераторам, со многими из которых он был знаком. Смоленская публичная библиотека составилась почти исключительно из таких авторских пожертвований.

В воспоминаниях знакомого Пушкина А. А. Кононова («Из записок») рассказывается: «Хмельницкий думал завести в Смоленске библиотеку; начиная приводить мысль свою в исполнение, он отнесся ко всем литераторам, с просьбою прислать изданные ими сочинения. Такое же отношение было послано и к Пушкину. Нумер на письме и официальный тон не понравились поэту; ему приятнее была бы простая приятельская записка...» (Цявловский. Книга, с. 298). Ответ Пушкина см. 6 марта.

Январь (?) — первая половина февраля (?)

К Пушкину приезжает Дмитриев и оставляет записку:

«Старик Дмитриев свидетельствует свое искреннее почтение Александру Сергеевичу, и не имев удовольствия застать его дома, отходит в приятной надежде увидеться с ним завтре. Не лучше ли пожаловать к нему откушать в два часа с половиную. В таком случае Дмитриев просит сегодня почтить его уведомлением.

Четверг».

15 февраля (воскресенье)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 8 «Литературной газеты» за 1831 г. В разделе «Смесь» говорится о № 6 и 7 газеты «Le Furet» (см. 21 и 25 января), где напечатаны статьи о «Борисе Годунове» и перевод на французский язык сонета «Поэту». Указывается на неточность перевода 12-го стиха.

Около (не позднее) 16 февраля

Пушкин пишет письмо Плетневу.

«Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38 000[1] — и вот им распределение: 11 000 теще[2], которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину[3], для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у вас и начну жить en bourgeois <по-мещански>, а здесь с тетками справиться невозможно[4] — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести[5]. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем.

Что баронесса?[6] я писал Хитровой о братьях Дельвига[7]. Спроси у нее, каковы ее дела, и отец мой заплатил ли долг Дельвигу?[8] Не продаст ли она мне мой портрет?[9] Мне пишут, что ее здоровье плохо, а она пишет Михайлу Александровичу[10], что она здорова. Кто прав? Что же ты мне не отвечал про «Жизнь Дельвига»?[11] Баратынский не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна[12]. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc. ...»

---

[1] См. 29 января.

[2] См. вскоре после 29 января.

[3] См. 9 февраля.

[4] Пушкин имеет в виду женскую родню невесты.

[5] «Повести Белкина» вышли в свет в конце 1831 года. По-видимому, Пушкин их не выслал из Москвы Плетневу, как обещает в письме. 3 июля, уже из Царского Села, он пишет Плетневу: «Я переписал мои пять повестей и предисловие, т. е. сочинения покойника Белкина, слав-

ного малого. Что прикажешь с ними делать? печатать ли нам самим...?»

[6] С. М. Дельвиг.

[7] См. письмо Пушкина к Хитрово около (не позднее) 9 февраля.

[8] С. Л. Пушкин в июле 1831 г. послал С. М. Дельвиг 500 рублей своего долга Дельвигу (Письма, III, с. 205).

[9] Портрет Пушкина работы О. А. Кипренского, заказанный живописцу Дельвигом. Баронесса продала его Пушкину за 1000 рублей. Об этом Плетнев пишет Пушкину 22 февраля (см. 26—27 февраля) и 25 июля 1831 г.

[10] М. А. Салтыков, отец С. М. Дельвиг.

[11] См. письмо Пушкина Плетневу 31 января.

[12] «Некрология» Плетнева Дельвигу в № 4 «Литературной газеты» за 1831 г. (см. 24 и 31 января). О ней см. еще 26—27 февраля — в письме Плетнева к Пушкину от 22 февраля.

15—16 февраля

Пушкин встречается в доме Нащокина с цыганкой Таней (о ней см. ночь с 31 декабря 1830 г. на 1 января 1831 г.).

«Только раз, вечерком,— аккурат два дня до его свадьбы оставалось,— зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжко, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастие; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слыхать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!..» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому у меня был свой предмет,— женатый был он человек, и жена увезла его от меня, в деревне заставила на всю зиму с собой жить,— и очень тосковала я от того. И, думаючи об этом, запела я Пушкину песню,— она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю, и уж как быть, не знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Воинович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, говорит, эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И не долго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился».

Т. Д. Демьянова. «О Пушкине и Языкове».
П. в восп., II, с. 212.

16 февраля (понедельник)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 11 (от 26 января) газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. В рецензии А. Заветного на сборник «Роза граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола» говорится: «Некоторые из сих поэтов <опубликованных в сборнике>, вероятно, не предполагали, что их произведения будут поднесены грациям — вместо розы. Думал ли, например, г. Ардалион Иванов, что его песенка: Глазки, глазки голубые! напечатается когда-нибудь в серединке между стихотворениями А. Пушкина и барона Дельвига?.. Вероятно, нет!..»

17 февраля (вторник)

Пушкин устраивает у себя (по-видимому, на арбатской квартире) холостяцкий обед — «мальчишник», на котором присутствуют человек десять его ближайших друзей: Вяземский, Нащокин, Баратынский, Языков, Давыдов, И. В. Киреевский, Л. С. Пушкин, А. А. Елагин (отчим

И. В. Киреевского), А. Е. Варламов (композитор; впрочем, М. А. Цявловский считает, что это ошибка мемуаристов и что на «мальчишнике» был не Варламов, о знакомстве которого с Пушкиным нет свидетельств, а другой композитор — А. Н. Верстовский, с которым поэт был дружен. См.: Рассказы о П., с. 130).

«Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на мальчишник, приглашал <особыми> записочками. Собралось обедать человек 10, в том числе были Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется, Елагин (Алексей Андреевич) и пасынок его Иван Васильевич Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям его даже было неловко. Он читал свои стихи прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати».

Рассказы о П., с. 53.

«Накануне свадьбы был очень грустен, и говорил стихи прощаясь с молодостью (был Варламов), ненапечатанное. Мальчишник. А закуска (?) из свежей (?) семьги (?). Обедало у него человек 12, Нащокин, Вяземский, Баратынский, В. (Варламов?), Языков... И вот Пушкин уехал к невесте; кажется, Елагин (А. А.). На другой день он был... очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями...»

Рассказы о П., с. 129.

«Необходимо разыскать стихи... Прощание с молодостью и покаяние в грехах ее, которое Пушкин читал накануне своей свадьбы, на так называемом мальчишнике, и про которые живо вспоминал один из слушателей, И. В. Киреевский».

Рассказы о П., с. 130.

«Накануне <свадьбы> у Пушкина был девишник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство — прощальное с холостой жизнью».

Н. М. Языков — А. М. Языкову около 28 февраля 1831 г.
ВЕ, 1897, № 12, с. 604.

«Я пьяный на девишнике Пушкина говорил вам о том <о стихах Языкова>, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните...»

Давыдов — Н. М. Языкову 23 апреля 1833 г.
РС, 1884, № 7, с. 134.

«17... У Пушкина, верно, ныне холостой... обед, а он не позвал меня. Досадно.— Заезжал и пожелал добра.— Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе».

Погодин. «Дневник», 17 февраля 1831 г.
П. в восп., II. с. 22.

Пушкин! завтра ты женат!
Холостая жизнь прощай-ка!
Об-земь холостая шайка
Но завтра не задай ты холостой заряд...
...лезть собором целым
Не совестно. К чему содом?
Вам отвечай . . . . . .
. . . . ты . . . .

Шляпкин, 1903, с. 136—137.

Стихи Вяземского, сохранившиеся в бумагах Пушкина и написанные, по всей вероятности, на «мальчишнике». Второй куплет густо зачеркнут, так что понятны лишь отдельные слова.

После «мальчишника» уезжает к невесте.

«Пушкин уехал <перед> вечером к невесте».

Рассказы о П., с. 53.

Запрос московского генерал-губернатора Голицына Московскому губернскому правлению за № 1150:

«Московская Управа благочиния доносит мне, что... Пушкину... мнение Государственного совета по делу о... Леопольдове объявлено и взятая в том от него подписка представлена в сие правление при рапорте Управы от 15

прошедшего января за № 2538[1]. Вследствие чего я предлагаю Губернскому правлению немедленно уведомить меня, отослано ли оным означенная подписка в таково сие С.-Петербург и когда именно».

Неделя, 1976, № 35, с. 5.

---

[1] См. 15 января.

Московское губернское правление уведомляет Санкт-петербургское в том, что указ сената по делу об элегии «Андрей Шенье» Пушкину объявлен.

«На бланке: М. В. Д. Московское Губернское Правление.— 1-й Экспедиции, 1-го Отделения, 2-го Стола.— № 9660.— Февраля 17 дня 1831 года.

В С.-Петербургское Губернское Правление.

Благоволит оное Правление на сообщение свое от 27 Генваря сего года за № 2214 быть известно, что указ Правительствующего Сената Чиновнику Пушкину объявлен; о чем от сего Правления донесено Правительствующему Сенату и уведомлено Новгородское Губернское Правление.— Советник Новиков.— За Секретаря Селецкий».

РС, 1882, 2, с. 469.

Около 18 февраля

Пушкин собирается венчаться в домовой церкви князя С. М. Голицына, но митрополит московский Филарет не дает на это разрешения.

«Хотели венчать их в домовой церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать; видно, в домовых нельзя...»

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 18 февраля 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 53.

Пишет письмо неизвестному лицу. Письмо не сохранилось.

«Нам случилось видеть еще одно французское письмо Пушкина, писанное также почти накануне свадьбы и еще

более поразительное по удивительному самосознанию или вещему предведению судьбы своей: там Пушкин прямо говорит, что ему вероятно придется погибнуть на поединке».

Бартенев.

РА, 1864, с. 1077.

Выходит № 2 журнала «Московский телеграф» за 1831 г. (ц. р. 28 января 1831 г.). Здесь в разделе «Современная библиография» помещена статья Полевого «Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. Спб., 1831 г.».

«...Борис Годунов есть великое явление нашей словесности, шаг к настоящей романтической драме, шаг смелый, дело дарования необыкновенного. Нужно ли прибавлять, что Пушкин становится им, уже решительно и бесспорно, выше всех современных русских поэтов; имя его делается после сего причастно небольшому числу великих поэтов, доныне бывших в России, и между ими горит оно яркою звездою.

Но, бывши русским, бывши современным, Пушкин принадлежит в то же время векам и Европе... Здесь получает он, без сомнения, почетное место, но только как надежда на будущее, более совершенное. Первый опыт Пушкина в сем отношении не удовлетворяет нас; первый шаг его смел, отважен, велик для русского поэта, но не полон, не верен для поэта нашего века и Европы... Язык русский доведен в Борисе Годунове до последней, по крайней мере в наше время, степени совершенства; сущность творения, напротив, запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть такою даже по исторической основе творения, когда Пушкин рабски влекся по следам Карамзина в обзоре событий, и когда, посвящением своего творения Карамзину, он невольно заставляет улыбнуться, в детском каком-то раболепстве называя Карамзина — бог знает чем! Это делает честь памяти и сердцу, но не философии поэта!»

В разделе «Современная библиография» помещена так-

же рецензия на «Северные цветы на 1831 г.» (см. 24 декабря):

«Есть стихи Пушкина (пять пьес)[1]; но, как произведение Пушкина, они не важны». «...Для чего Пушкину давать пьески пустые, наскоро написанные, едва-ли замечаемые читателями?»

В рецензии говорится также о подражаниях Пушкину у современных поэтов и приводятся текстуальные совпадения стихов Деларю и Карлгофа с пушкинскими стихами.

См.: Московские ведомости, 1831, № 14.

---

[1] «Монастырь на Казбеке», «Обвал», «Ответ анониму», «На холмах Грузии...», «Поэту».

5 декабря — 18 февраля

Пушкин изредка ездит в цыганский хор Ильи Соколова (см. ночь с 31 декабря 1830 г. на 1 января 1831 г.), видится там (и в доме Нащокина) с цыганкой Таней.

«К зиме... опять Пушкин в Москву приехал,— только реже стал езжать к нам в хор. Однако нередко я видела его по-прежнему у Павла Войновича и Ольги. Стал он будто скучноватый, а все же по-прежнему вдруг оскалит свои большие белые зубы да как примется вдруг хохотать. Иной раз даже испугает просто, право!

Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, сказывали, на Гончаровой. Ну, и хорошо, подумала, господин он добрый, ласковый, дай ему бог совет да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видеть, потому, говорили, все он у невесты сидит, очень в нее влюблен».

Демьянова. «О Пушкине и Языкове».
П. в восп., II, с. 211.

18 февраля (среда)

Утром Пушкин улаживает денежные недоразумения с Н. И. Гончаровой.

«В самый день свадьбы она <Н. И. Гончарова> посла-

ла сказать ему, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег».

Долгорукова. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым».
П. в восп., II, с. 138.

Обряду венчания предшествует «Брачный обыск»:

«1831-го года февраля 18 дня по Указу Его Императорского Величества Никитскаго Сорока Церкви Вознесения Господня, что на Царицыной улице Протоиерей Иосиф Михайлов с причтом о желающих вступить в брак женихе 10-го класса Александре Сергеевиче Пушкине, и невесте Г-на Николая Афонасьевича Гончарове дочери Его девице Наталии Николаевной Гончаровой обыскивали и по троекратной публикации оказалось: 1-е что они православную веру исповедуют так как святая, соборная и Апостольская Церковь содержит; 2-е между ими плотскаго кровнаго и духовнаго родства т. е. кумовства, сватовства и крестнаго братства по установлению Св. Церкви не имеется; 3-е состоят они в целом уме, и к сочетанию браком согласие имеют вольное, и от родителей дозволенное, жених и невеста первым браком; 4-е лета их правильны, жених имеет от роду 31 год, а невеста 18 лет. И в том сказали самую сущую правду. Естли же что из объявленнаго показания окажется что ложное, или что скрытое, за то повинны суду, как духовному, так и гражданскому. Во уверение всего выше писаннаго как сами жених и невеста, так и знающие состояние их поручители своеручно подписуются.

К сему обыску во всем выше писанным вышеозначенный 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил.

К сему обыску Наталья Николаевна дочь Гончарова руку приложила.

К сему обыску Мать ея Калежская Ассесорша Наталья Иванова Дочь Гончарова руку приложила.

К сему обыску по женихе брат его Поручик Лев Сергеев сын Пушкин руку приложил.

К сему обыску по женихе 9-го Класса Алексей Семенов сын Передельский[1] руку приложил.

К сему обыску по невесте Коллегский Советник и Кавалер Павел Матвеев сын, Азанчевский[2] руку приложил.

К сему обыску по невесте Отец ея, Коллегский Асессор, Николай Афанасьев сын Гончаров, руку приложил.

К сему обыску по женихе Коллежский Советник и Кавалер

Князь Петр Андреев сын Вяземский руку приложил».

Рукою П., с. 758—759.

---

[1] А. С. Передельский — титулярный советник.

[2] П. М. Азанчевский — библиотекарь Московского архива министерства иностранных дел.

Свадьба Пушкина и Н. Н. Гончаровой в церкви Большого Вознесения.

«Noces de ma soeur Nathalie <свадьба моей сестры Натальи *(фр.)*>».

Дневник путешествия Д. Н. Гончарова на Кавказ и в Персию в 1829—1831 гг. Запись от 18 февраля.
Врем. ПК, 1966, с. 13.

«Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посажеными Вяземский и гр. Потемкина[1], а со стороны невесты Ив. Ал. Нарышкин[2] и А. П. Малиновская»[3].

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 18 февраля 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 53.

---

[1] Е. П. Потемкина — сестра декабриста С. П. Трубецкого, жена графа С. П. Потемкина, старшины московского Английского клуба (см. 9 мая). Пушкин в 1830-х гг. посещал их московский дом на Пречистенке.

[2] И. А. Нарышкин — сенатор, тайный советник, дядя Н. Н. Гончаровой.

[3] А. П. Малиновская — жена начальника Московского архива министерства иностранных дел А. Ф. Малиновского, мать близкой подруги Н. Н. Гончаровой Е. А. Долгоруковой. Пушкин часто бывал в доме Малиновских, когда приезжал в Москву в конце 1820-х — 1830-е гг. В этот период Малиновский был в Москве. Погодин пишет Шевыреву в Рим 13 апреля: «Малиновский тебе кланяется» (РА, 1882, № 6, с. 184). Несомненно, Пушкин с ним встречался в эти месяцы.

«Филарет-таки поставил на своем: их обвенчали не у кн. Серг. Мих. <Голицына>, а у Старого Вознесения. Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет? И так свершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову быть ей milady Byron[1]. Он пересказал Пушкину, который смеялся только».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 19 февраля 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 54.

---

[1] Жена Байрона. Имеется в виду несчастливая семейная жизнь Байрона.

На свадьбе кн. Юсупов благословляет Пушкина и Гончарову.

Лейкин в статье «Из Москвы» (см. первая половина февраля) приводит рассказ камердинера Пушкина Федорова: «Я и на свадьбе у них был. Князь Юсупов их в посаженых-то отцах благословляли. Это от Гончаровой значит» (Цявловский. Книга, с. 289). Рассказ этот, впрочем, во многом недостоверен: Юсупов не был посаженым отцом ни Пушкина, ни Гончаровой. Что же касается благословения — это вполне возможно. Известно общение поэта с ним в этот период и покровительство Юсупова молодым Пушкиным: в частности, он был среди немногочисленных гостей на балу у Пушкиных 27 февраля (см.).

«Самая свадьба поэта была ознаменована многими дур-

ными приметами, которые, по народному поверью, не предвещают счастья и благоденствия молодым. Посещая дом невесты, Пушкин обратил внимание на вывеску гробовщика, жившего насупротив окон квартиры Гончаровых. Это неприятное memento mori заронило в ум Пушкина первую мысль написать «Гробовщика» — одну из повестей Белкина... Заметим еще, что в феврале 1831 года над Москвою тяготело всеобщее уныние, следствие недавней холеры; траурные платья встречались на каждом шагу; рассказы о недавних ужасах эпидемии еще ходили из уст в уста... Во время обряда, Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: «tous les mauvais augures <все плохие предзнаменования *(фр.)*>».

РС, 1880, № 1, с. 148.

«Венчались в приходе невесты у Большого Вознесения. Во время венчания нечаянно упали с налоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. «Tous les mauvais augures»,— сказал Пушкин».

Долгорукова. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым».
П. в восп., II, с. 138—139.

«...Мать мне рассказывала, как ее брат, во время обряда, неприятно был поражен, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на ковер, и когда из свидетелей первый устал, как ему поспешили сообщить после церемонии, не шафер невесты, а его шафер, передававший венец следующему по очереди. Александр Сергеевич счел и эти два обстоятельства недобрыми предвещаниями и произнес, выходя из церкви: «tous les mauvais augures*!..» О случае с кольцом и шафером говорили мне и посаженый отец дяди, князь Петр Андреевич Вяземский, и супруга его, Вера Феодоровна, хотя и не присутствовавшая тогда на свадьбе,

и наконец посаженая мать, тогда графиня Елизавета Петровна Потемкина (вышедшая вторично замуж за сенатора Ипполита Ивановича Подчаского). Иконофором при обряде был малолетний сын князя Вяземского, живой свидетель происходившего, многоуважаемый князь Павел Петрович...»

Павлищев, с. 241.

«Пушкин был обвенчан с Н. Н. Гончаровой февраля 18 дня 1831 года, в Москве, церкви Старого Вознесенья, в среду. День его рождения был тоже, как известно, в самый праздник Вознесенья Господня. Обстоятельство это он не приписывал одной случайности. Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем Вознесенья. Незадолго до своей смерти, он задумчиво рассказывал об этом одному из своих друзей и передал ему твердое свое намерение выстроить, со временем, в селе Михайловском, церковь во имя Вознесения Господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: «Ты понимаешь, что все это произошло недаром и не может быть делом одного случая».

Анненков. Материалы, с. 306—307.

«Родился я в Вознесение, женился у Вознесения и уверен, что мне суждено умереть в праздник Вознесения,— говорил он неоднократно моей матери».

Павлищев, с. 241.

«18 числа сего месяца совершилось бракосочетание. Говорят, совершенство красоты. Когда увижу ее, опишу тебе ее с ног до головы».

Н. М. Языков — А. М. Языкову около 28 февраля 1831 г.
ИВ, 1883, № 12, с. 531.

«Но на другой день, на свадьбе все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша».

Рассказы о П., с. 53.

«Перед свадьбою ему надо было сшить фрак. Не желая расходоваться, он не сшил его себе, а венчался и ходил во фраке Нащокина. В этом фраке, кажется, он и похоронен».

П. В. и В. А. Нащокины. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым».
П. в восп., II, с. 193.

«Между прочим, г-жа Нащокина исправила несколько ошибок, замеченных ею в «Воспоминаниях» о Пушкине: «Совсем неверно, что Пушкина похоронили во фраке моего мужа. Правда, в этом фраке Александр Сергеевич венчался, и фрак стал у него называться: Нащокинский фрак!»

Цявловский. Книга, с. 316.

Эта запись рассказа В. А. Нащокиной сделана почти через 50 лет после записи Бартенева, произведенной в 1850-х гг.

«Перед свадьбою ему надо было сшить новый фрак; но для сбережения денег, он не заказал себе фрака, а надевал нащокинский и даже венчался в нем».

Бартенев со слов Нащокина.
Девятнадцатый век, I, с. 386.

Позднее в письме к жене от 25 сентября 1832 г. Пушкин шутливо вспоминает день свадьбы: «Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февраля 18, была свадьба на Никитской, в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяземские[1] слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов[2]. А я так думаю, Петушков или Буянов[3] или паче Сорохтин[4]. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?»

---

[1] Дочери П. А. и В. Ф. Вяземских Мария и Прасковья, присутствовавшие при венчании.

[2] Вероятно, В. Давыдов, студент Московского университета, поклонник Н. Н Пушкиной в ее девические годы. Пушкин не раз иронически упоминает о нем в письмах к жене. О нем см. февраль, а также Письма, II, с 481, III, с. 157—159, 456.

[3] Фамилии персонажей «Евгения Онегина» (Буянов — еще и поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед»); приобрели нарицательный оттенок.

[4] Студент Московского университета, по всей вероятности, тоже влюбленный в Гончарову (Письма, III, с. 529).

После венчания — ужин на арбатской квартире молодых.

«В день свадьбы большой ужин у Пушкина в доме Хитровой, где распоряжался Левушка».

Долгорукова. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым».
П. в восп., II, с. 139.

Кн. Вяземский с десятилетним сыном Павлом и «Павел Воинович Нащокин, уехав прежде новобрачных, встретили Пушкиных с образом на новой квартире молодой четы».

Павлищев, с. 242.

«Я принимал участие в свадьбе и, по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною не виданное и неслыханное собрание стихотворений Кирши Данилова. Былины эти, напечатанные в важном формате и переданные на дивном языке, приковали мое внимание на весь вечер... С жадностью слушал я высказываемое Пушкиным своим друзьям мнение о прелести и значении богатырских сказок и звучности народного Русского стиха. Тут же я услыхал, что Пушкин обратил свое внимание на народное сокровище, коего только часть сохранилась в сборнике Кирши Данилова, что имеется много чудных, поэти-

ческих песен доселе неизданных и что дело это находится в надежных руках Киреевского»[1].

П. По док. ОА, с. 416.

[1] П. В. Киреевского, собирателя русских народных песен, брата И. В. Киреевского.

Поздно вечером в доме у Нащокина.

«...Познакомилась я с ним <с Языковым> в самый день свадьбы Пушкина. Сидела я в тот день у Ольги. Вечером вернулся Павел Войнович, и с ним этот самый Языков. Белокурый был он, толстенький и недурной. Они там на свадьбе много выпили, и он совсем как не в своем уме был. Как увидал меня, стал мне в любви объясняться. Я смеюсь, а он еще хуже пристает; в ноги мне повалился, голову на колени мне уронил, плачет: «Я, говорит, на тебе женюсь. Пушкин на красавице женился, и я ему не уступлю...» Однако очень он меня тут огорчил... Увидал он у меня на руке колечко с бирюзою. «Что это за колечко у тебя, спрашивает, заветное?» — «Заветное».— «Отдай мне его!» — «На что оно вам»,— говорю. А он опять пристал, сдернул его у меня с пальца и надел себе на мизинец. Я у него отнимать,— он ни за что не отдает. «До гроба не отдам!» — кричит. И как я ни плакала, со слезами молила, он не отдал. Павел Войнович говорит мне: «Оставь, отдаст, разве думаешь, он и в самом деле?»

Т. Д. Демьянова. «О Пушкине и Языкове».
П. в восп., II, с. 213.

Н. А. Мельгунов, литератор, переводчик Московского главного архива Министерства иностранных дел, знакомый Пушкина, пишет Шевыреву в Рим:

«Пушкина пора прошла, а черед Языкова никогда не придет... Не обвиняй меня в вандализме за смелость, с какою я говорю о Пушкине, и не забудь, что речь идет не о безусловном (intrinsèque) его достоинстве, а об относи-

тельном. Вчера еще спросили при мне у Ширяева, что, каково расходится «Борис Годунов» Пушкина.— «Ну, что о Пушкине!» — пробормотал он сквозь нос и отворотился с медвежьей неповоротливостью.— Худо, коли книгопродавцы начинают отворачиваться при имени Пушкина...» — «Спрашиваю, что нового открыл Пушкин после Карамзина в своем Борисе? Это — Карамзин в звучных, превосходнейших стихах, но с тем же неверным историческим взглядом, с теми же несообразностями в характерах, если еще не с большими, с тем же, если также не с большим недостатком единства в целом, и вдобавок с забавными анахронизмами (Борис говорит об утраченной молодости, Лжедмитрий о высоком сане поэта по случаю латинских стишонков какого-то рифмоплета). Погодин, один из твоих педантов-изыскателей, право лучше Пушкина-поэта понимает этот период нашей истории».

РС, 1898, № 11, с. 314—315.

Чиновник Московского губернского правления советник Новиков сообщает Голицыну в письме за № 10441:

«...Пушкину... мнение Государственного совета... по средствам здешней Управы с подпиской объявлено[1], о чем Санкт-Петербургское Губернское правление на требование его по сему предмету уведомлено»[2].

Неделя, 1976, № 35, с. 5.

---

[1] См. 15 января.
[2] См. 17 февраля.

Выходит № 14 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в книжной лавке Глазунова «Бориса Годунова».

19 февраля (четверг)

К Пушкину утром приходят друзья.

«Н. Н. Пушкина сама сказала княгине Вяземской, что муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и

не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами».

РА, 1888, кн. II, с. 307.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 9 «Литературной газеты» за 1831 г. В разделе «Библиография» среди авторов сборника «Роза граций» (см. около 17 декабря) упоминается Пушкин.

18—19 февраля

Вяземский, по-видимому, пишет Е. А. Карамзиной (своей единокровной сестре, внебрачной дочери А. И. Вяземского) и сообщает о свадьбе Пушкина. Письмо не сохранилось.

Основания для предположения и датировки: Карамзина «задолго до получения» письма от Пушкина (несохранившегося), написанного около 25 февраля (см.), «поручила Вяземскому поздравить» Пушкина с браком (см. 7—8 марта — в письме Карамзиной к Пушкину от 3 марта). Следовательно, она уже за несколько дней до получения пушкинского письма имела известие о свершившейся свадьбе — скорее всего от брата — Вяземского, которому она в ответном письме (см. 23—24 февраля) и поручает поздравить Пушкина. Но чтобы ее письмо к Вяземскому с этим поздравлением было отправлено «задолго до получения» письма от Пушкина (а это получение, скорее всего, было где-то около 1 марта), надо, чтобы Вяземский сообщил ей о свадьбе сразу же после этого события, т. е. вечером 18 или 19 февраля.

20 февраля (пятница)

Пушкин с женой на балу у А. М. Щербининой, знатной московской барыни, дочери кн. Е. Р. Дашковой, президента Академии наук при Екатерине II. Там беседует с А. И. Кошелевым, литератором, чиновником министерства иностранных дел.

«Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т. е. в прошедшую среду. Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша. Сегодня вечером еду к ним. Пушкин весьма доволен твоим Квартетом Бетговена[1]. Он говорит, что это не только лучшая из твоих печатных пьес (что бы немного значило), но что едва когда-либо читали на русском языке статью столь замечательную и по мыслям, и по слогу. Он бесится, что на нее обращают мало внимания. Он находил, что ты в этой пьесе доказал истину, весьма для России радостную; а именно, что возникают у нас писатели, которые обещают стать наряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века...»

А. И. Кошелев — В. Ф. Одоевскому 21 февраля 1831 г.
РС, 1904, № 4, с. 206.

---

[1] «Последний квартет Бетховена». Рассказ В. Ф. Одоевского, помещенный в «Северных цветах на 1831 г.».

21 февраля (суббота)

Пушкина вечером, по-видимому, посещает Кошелев.

Письмо Кошелева к Одоевскому 21 февраля 1831 г. (см.).

22 февраля (воскресенье)

Пушкин с женой — в Большом театре на маскараде в пользу бедных, пострадавших от холеры.

«Вчера был маскарад в Большом театре, для холерных. Князь и княгиня Голицыны[1] раздавали сами билеты всем... Мы ездили туда все вместе; но нельзя сказать, чтобы было весело. Маскарады как-то не клеятся у нас... Какой же это маскарад? Я первый пошел туда с Брусиловым[2] со шляпою на голове, и в одну минуту все надели. Был изрядный ужин;

так завелось, что, где бы ни было собрание или бал, всегда Лачинов[3] ordonnateur de soupe <распорядитель ужина *(фр.)*>, и тут также. За одним столом сидели мы и Пушкин-поэт; беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых. Хороша Гончарова бывшая, но Ольге[4] все дают преимущество. Князь Дм. Вл.[5] подходил к нам два раза и делал honneur du bal (*фр.*)>. Собрали однакоже только тысяч пять. Мы тотчас после ужина уехали. На Пушкина всклепали уже какие-то стишки на женитьбу; полагаю, что не мог он их написать, неделю после венца; не помню их твердо, но вот à peu près <приблизительно *(фр.)*> смысл:

Хочешь быть учтив — поклонись,
Хочешь поднять — нагнись,
Хочешь быть в раю — молись,
Хочешь быть в аду — женись![6]

Как-то эдак. Он, кажется, очень ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 23 февраля 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 54.

---

[1] Д. В. Голицын — московский военный генерал-губернатор и его жена Т. В. Голицына.

[2, 3] Брусилов, Лачинов — москвичи; по-видимому, были знакомы с Пушкиным.

[4] Кн. О. А. Долгоруковой, дочери А. Я. Булгакова (о ней см. середина февраля).

[5] Д. В. Голицын.

[6] Ср. черновой набросок Пушкина к отрывку «Несмотря на великие преимущества...»:

«Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то... четверостишие о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен, учись, а коль хочешь быть в аду, женись...»

«Маскерад в пользу пострадавших о т х о л е р ы, в Б о л ь ш о м т е а т р е, ф е в р. 22. Собрание многочислен-

ное, зал огромный, освещение прекрасное, цель бесподобная: чего б, кажется, не доставало? Именно самого маскерада!.. У нас еще не постигнуто истинное значение сего увеселения... у нас пока — маскерад есть не что иное, как большой съезд, на котором мужчинам позволено ходить в шляпах, а музыке гудеть без умолку. Скучно было смотреть на эти длинные ряды, тянувшиеся вдоль зала, какою-то строевою фалангою. Масок было очень немного; да и те по большей части сидели вокруг стен неподвижными барельефами, как будто для того, чтобы составить приличный фонд этой безжизненной картине. В костюмах не приметно было никакой затейливости, которая б могла обратить на себя внимание. Все было сухо».

«Маскерады».
Прибавление к № 8 «Молвы» за 1831 г.

23—24 февраля

Петербург. Карамзина, по-видимому, отвечает Вяземскому на его письмо от 18—19 февраля (см.) и поручает ему поздравить Пушкина с браком (см. 7—8 марта — письмо Карамзиной к Пушкину от 3 марта). Письмо не сохранилось.

24 февраля (вторник)

Пушкин пишет письмо А. Н. Гончарову, деду жены, в имение Гончаровых Полотняный завод Калужской губернии.

«Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастии моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей Натальи Николаевны. Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение. Дмитрий Николаевич[1] сказывал мне, что Вы все еще тревожитесь насчет приданого[2]; моя усильная просьба со-

стоит в том, чтоб Вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать. Что касается до памятника[3], то, будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу оного и предоставляю все это дело на Ваше благорасположение.

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностию имею счастие быть, милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугой
и внуком.

Александр Пушкин».

---

[1] Д. Н. Гончаров.

[2] См. 12—13 апреля — письмо А. Н. Гончарова к Пушкину от 9 апреля 1831 г. и 25 апреля — письмо Пушкина к А. Н. Гончарову.

[3] Колоссальная бронзовая статуя Екатерины II работы немецкого скульптора Мейера, купленная Н. А. Гончаровым, прадедом Н. Н. Пушкиной, в память о посещении Полотняного завода императрицей в 1775 г. и хранившаяся в подвалах этого имения. А. Н. Гончаров, чтобы поправить свое пошатнувшееся материальное положение, решил продать статую и потребовал, чтобы Пушкин хлопотал по этому делу (см. Письма, II, с. 439).

Н. Н. Пушкина делает приписку к этому письму:

«Любезный дедушка!

Имею счастие известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению. С моей же стороны чувства преданности, любви и почтения никогда не изменятся. Сердечно надеюсь, что вы попрежнему останетесь моим вернейшим благодетелем. При сем целую ручки ваши и честь имею пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина».

Пишет письмо Плетневу.

«Мой милый, я очень беспокоюсь о тебе. Говорят, в Петербурге грипп; боюсь за твою дочку[1]. На всякий случай жду от тебя письма.

Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Степаниде Александровне[2].

Прости, мой друг. Что баронесса?[3] память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования. Обнимаю тебя и Жуковского. Из газет узнал я новое назначение Гнедича[4]. Оно делает честь государю, которого искренно люблю и за которого всегда радуюсь, когда поступает он умно и по-царски. Addio.

Будьте же все здоровы».

---

[1] Дочери Плетнева Ольге было в это время восемь месяцев.

[2] Жена Плетнева.

[3] С. М. Дельвиг.

[4] Гнедич 31 января 1831 г. был уволен из библиотекарей Публичной библиотеки и вскоре был назначен членом Главного правления училищ (Письма, III, с. 217).

Около 25 февраля

Пушкин пишет письмо Карамзиной с сообщением о своей свадьбе. Н. Н. Пушкина делает приписку. Письмо не сохранилось.

«Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас... Я прошу вас выразить госпоже Пушкиной мою благодарность за любезную приписку...»

Карамзина—Пушкину 3 марта 1831 г.

Основания датировки: Карамзина написала Пушкину ответ 3 марта; значит, где-то 1—2 марта она уже получила письмо от Пушкина — следовательно, оно написано около 25 февраля. Предположить же, что между получением Карамзиной письма Пушкина и ее ответом прошло больше времени, нельзя: тогда она бы не успела передать через

Вяземского поздравления Пушкину «задолго» до получения его письма.

Необходимо отметить, что письмо Пушкина Карамзиной — одно из немногих писем, написанных поэтом в конце февраля — первой половине марта 1831 г., после свадьбы. В это время он пишет только одно короткое письмо ближайшему другу — Плетневу и два необходимых деловых — Гончарову и Хмельницкому. Даже своей постоянной корреспондентке Хитрово он пишет лишь 26 марта.

Выходит альманах «Сиротка на 1831 г.» (ц. р. 11 января 1831 г.) с первой публикацией стихотворений Пушкина «Мадонна» и «Новоселье» («Благословляю новоселье...»).

См.: Московские ведомости, 1831, № 16.

Выходит альманах «Денница на 1831 г.» (ц. р. 20 января 1831 г.) с первой публикацией произведений Пушкина «Песня» («Пью за здравие Мери», «Цыганы» («Над лесистыми брегами»), «Отрывок из рукописи Пушкина» («Полтава не имела успеха»), «Эпиграмма» («Не то беда, Авдей Флюгарин»). На двух ненумированных страницах в конце книги — стихотворение «Певец» («Слыхали ль вы») (перепечатка); на двух страницах, приложенных к книге,— ноты этого романса (музыка Верстовского).

В «Деннице на 1831 г.» напечатано стихотворение Шевырева «Послание к А. С. Пушкину» (см. около 25 января).

См.: Московские ведомости, 1831, № 14 и 17.

25—28 февраля

Протасьев пишет, по-видимому, из университетского благородного пансиона письмо к Sophie и Nicolas (сведений об авторе письма и адресатах нет):

«Скажу тебе новость —Пушкин, наконец, с неделю тому назад женился на Гончаровой и на другой день, как говорят, отпустил ей следующий экспромт:

Кто хочет быть учен
Учись
Кто хочет быть спасен
Молись
Кто хочет быть в аду
Женись.

Счастливое супружество!»

Щукинский сб., вып. 7. М., 1907, с. 512.

25 февраля (среда)

В. С. Голицын, отставной генерал-майор, член Английского клуба, меломан, пишет Пушкину письмо:

«Дон Жуана должен я отложить, почтеннейший Александр Сергеевич, до завтра[1]:

Кокошкин[2] вздумал дать сего дня маскерад
и хоры с музыкой назначены в парад;
— чтоб горю моему немного пособить
намерен вечер сей я в англинском[3] убить.

Проклятые музы ни на минуту не дают мне покоя и чтоб отомстить им хоть несколько, я решился в четверостишиях своих женских рифм не употреблять никогда, в чем Вы сегодня получаете ясное доказательство.

Завтра в восемь часов вечера жена моя[4] и я, нижайший, ожидаем Вашего посещения с нетерпением, равняющимся искренной преданности моей к Вам.

25-го среда. Покорный раб Владимир князь Голицын».

---

[1] Ю. Г. Оксман в комментариях к письму пишет: «Замечание о «Дон Жуане» не случайно — оно относилось или к предстоявшему исполнению каких-либо частей оперы Моцарта на одном из музыкальных вечеров у В. С. Голицына, или скорее к совместному обсуждению итальянского текста либретто «Дон Жуана», понадобившегося Пушкину в пору его работы над «Каменным гостем» (ЛН, 16—18, с. 570).

[2] Ф. Ф. Кокошкин — драматург, переводчик, директор московских императорских театров.

[3] Английский клуб.

[4] П. Н. Голицына.

Оксман в цитируемых комментариях, вслед за Л. Б. Модзалевским, помечает это письмо 25 июня 1830 г. Его возражение против датировки 25 февраля 1831 г.: «..Трудно было бы объяснить молчание в пригласительной светской записке о жене поэта». Однако в академическом семнадцатитомном издании оно датировано все же 25 февраля 1831 г. (без мотивировки). Тем не менее остаются сомнения в такой датировке и кроме тех, которые высказывает Оксман. По всему своему тону это письмо очень отличается от письма Голицына Пушкину от 12 апреля 1831 г. (см.). В апрельском письме сильно чувство печали о смерти маленького сына Голицыных Мити (умер в 1830 г.), в настоящем же, казалось бы, более раннем, более близком к горестному событию, об этом ни слова. Наоборот, упоминается о светских развлечениях, об опере «Дон Жуан», которая, по-видимому, должна была идти в доме Голицына, о маскараде и т. д. В апрельском о жене Голицына говорится, что она «никак не опомнится от удара», и есть фраза: «жена благодарит Вас за воспоминание», свидетельствующая, как кажется, о том, что Пушкин с ней давно не виделся. В февральском же в весьма светском и легком тоне Голицын пишет: «...жена моя и я, нижайший, ожидаем Вашего посещения...» И ни слова о потере, о горе и т. п. Строчка же «чтоб горю моему немного пособить», находящаяся в соседстве с упоминанием о «Дон Жуане», маскараде, «англинском» клубе, едва ли относится к смерти ребенка. Чудовищно предположить, что человек считает возможным «пособить» этому горю вечером, проведенным в Английском клубе. Вероятно, «горе» в данном случае заключалось в том, что исполнение моцартовского «Дон Жуана» в доме Голицыных откладывалось из-за устроенного Кокошкиным маскарада, где понадобились «хоры с музыкой», на которые рассчитывал и Голицын.

В апрельском письме Голицын сообщает, что после стихов на смерть сына он ничего не пишет, в письме же, от-

носимом к февралю, он приводит свое весьма развязное четверостишие о Кокошкине и пишет: «Проклятые музы ни на минуту не дают мне покоя...»

Все вышеизложенное позволяет, как нам кажется, серьезно сомневаться в датировке письма февралем 1831 г.

Выходит № 16 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продолжающейся подписке на газету «Северный Меркурий», издаваемую Бестужевым-Рюминым, где в одном из первых десяти номеров в отделе «Библиография» помещен разбор трагедии «Борис Годунов» (см. 2 января).

Объявление о поступившем на днях в продажу в университетской книжной лавке «Музыкальном альбоме на 1831 г.» (Спб., 1831), содержащем слова и ноты 24 песен и романсов, в том числе на слова Пушкина: «Талисман», «Буря», «Певец», музыка Н. С. Титова, «Черная шаль», музыка Верстовского и «Черкесская песня», музыка А. А. Алябьева (см. 5 декабря).

26 февраля (четверг)

Вечером Пушкин, по-видимому, у В. С. Голицына (если верна датировка письма Голицына к Пушкину — 25 февраля 1831 г.) (см.).

«Завтра в восемь часов вечера жена моя и я, нижайший, ожидаем Вашего посещения...»

Голицын—Пушкину 25 февраля 1831 г.

Погодин пишет Шевыреву в Рим:

«...Пушкин повенчался в прошедшую середу».

РА, 1882, № 6, с. 182.

26—27 февраля

Пушкин получает письмо от Плетнева от 22 февраля — ответ на свои письма от 31 января и около (не позднее) 16 февраля (см.).

«Поздравляю тебя, милый друг, с окончанием кочевой

жизни. Ты перешел в наше состояние истинно гражданское. Полно в пустыне жизни бродить без цели. Все, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: цалую ручку ее.

Написать историю и характеристику поэзии Дельвига[1] — дело столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынский не вызвался на это, я бы тебя стал просить о том же, или даже сам на то посягнул бы. Теперь займусь составлением материалов и перешлю их сперва к тебе в цензуру, а ты передай ему с своими зачерками и вставками. Уговорил я баронессу продать тебе портрет твой[2]. Высылать его в Москву не за чем. Оставлю до приезда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдам остальные от десяти тысяч Годунова[3], из которых четыре переслано тебе, а пять отдано долгу Дельвигу.

Здоровье баронессы ни хорошо, ни худо. В делах ее денежных вышла очень худая притча. Бог знает, кто и когда успел утянуть из их портфели ломбардных билетов на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже следов не видно. Это тем непонятнее, что все другие бумаги найдены по смерти Дельвига в чрезвычайном порядке, с удивительною отчетливостью: а пропавшие билеты находились между этими же бумагами[4].

Ты упоминал об издании Северных Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу. Сомова можно будет вознаградить из выручки такою же суммою, какая приходилась на его долю и прежде[5]. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будет поступить так и с Литературной Газетой. Он ей не придаст живости, без чего она решительно умрет. Не взяться ли тебе с Вяземским за нее? Будь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, то живых, и тем она уж поднимется над братиею своею. Вам двоим ничего это не будет стоить, а на будущее время она может сделаться верною арендою,

при которой Сомов останется на обыкновенном жалованье. Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Северных Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в Литературной Газете Мысли о преподавании географии, статью: Женщина и главу из малороссийской повести: Учитель. Их писал Гоголь-Яновский[6]. Он воспитывался в Нежинском Лицее Безбородки. Сперва он пошел-было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учители. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих, и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает. Я познакомился короче с Деларю[7]. Его привязанность к памяти Дельвига представляет также что-то священное. Это уже одно связывает меня с ним, не говоря о прекрасном его таланте. Все это я пересказываю тебе для того, чтобы ты передумал хорошенько о литературной своей деятельности в будущем и с божию помощию принялся бы за что-нибудь хорошенькое, где бы открылось поле для деятельности и других людей с чистою душою и благородным стремлением к нравственному совершенству.

Когда я собирался писать Некрологию Дельвига[8] (помещенную в Газете), сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищения своих гнусностей, так меня тягчило и мучило, что я решился перед публикою говорить языком человека постороннего в этом деле, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достижения своей цели самою святынею дружества. Они, как я предчувствовал, готовы были даже и то обратить в укоризну покойнику, что никто об нем ни слова не сказал языком беспристрастным. Вот почему я говорил без всякого энтузиазма, не вводя ни одного обстоятельства, которое бы выказывало меня как его домашнего человека: я ограничился только тем,

что должно было дойти до сведения всякого литератора, хотя бы он и не видывал Дельвига. Думаю, что меня весьма не многие поняли; больше осуждали. Ты совершенно утещил меня, особенно тем, что начал смотреть с хорошей стороны на пьесу после нескольких раз ее чтения. Мне только этого и хотелось.

Надеюсь, что Белизар доставил тебе известие о полученных им от меня деньгах за все книги, взятые тобою в разные эпохи из его магазина[9], а также и переслал тебе оставшиеся у него томы латинских классиков[10]. На уплату этого долга я употребил деньги из твоих доходов Смирдинских[11] (что за все старое пойдут на четыре года)».

---

[1] См. письмо Пушкина к Плетневу от 31 января.

[2] Работы Кипренского; см. письмо Пушкина к Плетневу около (не позднее) 16 февраля.

[3] О распределении денег, полученных за издание «Бориса Годунова», см. начало января (до 7-го).

[4] В связи со слухами о пропаже ломбардных билетов у С. М. Дельвиг приводим отрывок из письма О. С. Павлищевой мужу Н. И. Павлищеву от 9 мая 1831 г.: «...Что касается баронессы Дельвиг, то я хочу поделиться с вами небольшой сплетней на ее счет: утверждают, что потерянные деньги просто потрачены, и что она это прекрасно знает. Она пустила этот слух для того, чтобы навязать его отцу, но он не дал себя одурачить и вслед за тем написал ей» (подлинник по-французски). (П. и совр., XV, с. 62).

[5] См. письмо Пушкина к Плетневу от 31 января.

[6] Н. В. Гоголь познакомился с Дельвигом к концу 1830 г. В «Северных цветах на 1831 г.» Дельвиг напечатал его «Главу из исторического романа» (за подписью 0000). Затем Гоголь участвует и в «Литературной газете»: в № 1 (от 1 января) напечатаны «Учитель. Из малороссийской повести «Страшный кабан» (за подписью П. Глечик) и «Несколько мыслей о преподавании детям Географии» (за подписью Г. Янов); в № 4 (ц. р. 24 января) — «Женщина» (за подписью Н. Гоголь); в № 17 (ц. р. 24 марта) — «Успех посольства. Из малороссийской повести «Страшный кабан» (без подписи). После смерти Дельвига Гоголь сближается с его друзьями Сомовым и Плетневым. Последний достает Гоголю уроки в частных домах и способствует назначению его (10 марта 1831 г.) преподавателем истории в женском Патриотическом институте (Письма, III, с. 250—251).

[7] М. Д. Деларю — лицеист V выпуска, чиновник министерства внутренних дел, поэт. Начал печататься в «Литературной газете» и пользовался большими симпатиями Дельвига, покровительствовавшего стихам юного поэта. Был необыкновенно привязан к Дельвигу, в стихах подражал ему; помогал Пушкину и Плетневу в составлении «Северных цветов на 1832 г.» в память Дельвига (Письма, III, с. 248—249).

Плетнев пишет Пушкину о Гоголе и Деларю, чтобы указать на возможных сотрудников при дальнейшем издании «Литературной газеты», за которое он предлагает Пушкину взяться.

[8] Некрология помещена в № 4 «Литературной газеты» за 1831 г. (см. 24 и 31 января и письмо Пушкина к Плетневу около (не позднее) 16 февраля). Говоря о врагах Дельвига, Плетнев имеет в виду его литературных гонителей, главным образом Булгарина, обвинявшего Дельвига и литераторов его круга в аристократизме, дружеском пристрастии и доходившего до прямых политических доносов.

[9] См. письмо Пушкина к Плетневу от 31 января.

[10] См. 24 февраля — 26 марта.

[11] От книгопродавца Смирдина, издателя пушкинских произведений.

27 февраля (пятница)

У Пушкина на арбатской квартире — бал.

«У Хитровой[1] всегда бездна народу и очень жарко. Все к лучшему. Я там попотел, да ложась спать напился чаю с ромом, все и прошло. Хорошо, а то бы ужо нельзя ехать на вечеринку поэта Пушкина».

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 27 февраля 1831 г.
РА, 1902, №1, с. 55.

---

[1] Вероятно, имеется в виду А. Н. Хитрово, известная московская барыня, у которой был открытый дом. Булгаков был у нее накануне, 26 февраля.

«Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также потанцовал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупо-

ва: et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force <и я бы танцевал, если бы у меня были силы (*фр.*)>, говорил он. Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа. Куда рад я был, что это близехонько от нас[1], что можно было отослать карету домой часов на шесть. Была вьюга и холод, которая и теперь продолжается... Вчера, кроме Пушкина, был театр у Солданши[2], и вечер у Мельгунова[3] и еще где-то. Вот какова Москва наша!»

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 28 февраля 1831 г.
РА, 1902, №1, с. 56.

---

[1] Булгаков в это время жил также на Арбате.

[2] В. Я. Сольдейн — образованная московская дама, знакомая Пушкина.

[3] А. С. Мельгунов — коллежский асессор, знакомый Пушкина.

«Soirée chez elle <Вечер у нее (сестры) (*фр.*)>».

Дневник путешествия Д. Н. Гончарова на Кавказ и в Персию в 1829—1831 гг. Запись 27 февраля.
Врем. ПК, 1966, с. 13.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 15 от 4 февраля газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. Здесь напечатано окончание романа Л. Валина «Свадьба Агафьи Дмитриевны» с эпиграфом:

«...Брусничная вода.
Пушкин».

28 февраля (суббота)

В. Баранова пишет своему зятю П. С. Шишкину и дочери Прасковье (сведений об авторе письма и адресатах нет):

«Веселья у нас очень много, балы и театр всякий день у всех, Пушкина автора свадьба была, и у них бал, и у

Лазарева[1], и у общева жениха у Пашкова[2], катанья молодых».

Вересаев В. Пушкин в жизни. Изд. 5-е. Т. 2. М.—Л., 1932, с. 64.

---

[1] И. А. Лазарев — полковник, знакомый Пушкина (см. 1 марта).
[2] С. И. Пашков — поручик в отставке, знакомый Пушкина.

Последняя неделя февраля

Петербург. М. Д. Ралль, племянница М. И. Римской-Корсаковой, пишет мужу, Ф. Ф. Раллю:

«Теперь масленица, с завтрашнего дня начинаются катания кругом гор, дети с сестрою будут ездить и еще Пушкина, сочинителя мать, давнишняя моя приятельница».

Нева, 1978, № 1, с. 218.

Появляется третий номер рукописного журнала «Момус». Журнал этот выпускался кружком студентов Московского университета, членами которого были поклонники Н. Н. Пушкиной до ее замужества Давыдов и Сорохтин (см. 18 февраля). В этом номере помещены два произведения, намекающие на брак Гончаровой с Пушкиным, которые представлены под прозрачными именами Изразцовой и Фузеина (старинное название пушки — фузея): «Элегия» и «Два разговора об одном предмете». По-видимому, несчастный отвергнутый влюбленный — герой «Элегии» и Фарсин в «Двух разговорах» — Давыдов.

Элегия

Мне предпочла она другого;
Другой прижмет ее к груди!..
Былое, возвратися снова
И сердцу счастье возврати!
Нет! невозвратно... Боже! Боже!
Не мне судьба ее хранит:
Другой ей пояс в брачном ложе
От груди полной отрешит;

Она другого в час желанья
Рукой лилейной обовьет
И с стоном, с пламенным лобзаньем
Души любимцем назовет!..
А я? меня пожрет страданий пламень!..
Быть может, раннею весной
Гуляя с ним, она отыщет камень —
Друзья! могильный камень мой...

Эраст Фаев.
2 генваря 1831.
Гранатный переулок

Два разговора об одном предмете

(Лето. Бульвар. Фарсин подбегает к Иксину.)

Фарсин. Видел ли ты ее?

Иксин. Кого?

Фарсин. Профан! Ее: Надежду Изразцову?

Иксин. Видел. Что ж дальше?

Фарсин. Не правда ли, что она более нежели божественна?

Иксин. Неправда. Она хороша и только.

Фарсин. Вандал! Готтентот! Можно ли так относиться о лучшем произведении природы! О перле всего прекрасного, существующего на этой уродливой глыбе! Самый идеал красоты не может стоять выше Надежды. Ежели этот идеал чужд твоего воображения, обратись к творениям Тициана, которыми он стяжал себе бессмертие; смотри на них... Впрочем они так далеки от совершенства: портреты кухарок, прачек... А моя Надежда? О! какое сравнение!

Иксин. Фарсин! Фарсин! Ты ли это? Что за энтузиазм! растолкуй ради бога!

Фарсин. Ты просишь многого, но так и быть: я люблю Надежду — и она меня любит.

Иксин. А! теперь понимаю.

(Семейство Иразцовых приближается; к ним подходит поэт Фузеин.)

Иксин. Фузеин знаком с Изразцовыми?

Фарсин. Да, они его принимают. И есть за что: он вчера читал новую свою поэму — чудо! Все поэты от Музея и до Мицкевича включительно ничто перед Фузеиным.

Иксин. Ежели ты решил импровизировать панегирики всем и каждому, то не забудь о добром Увыхалкине, который так много страдал от тебя!

Фарсин. Теперь не до него: спешу к ней. Прощай. *(Уходя.)* Ах, как она прекрасна!

(Зима. Гулянье на набережной. Фарсин и Иксин.)

Иксин. Вот и семейство Изразцовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда ли, что он на ней женится?

Фарсин *(протяжно)*. Говорят... *(Со смехом.)* Поддели молодца!..

Иксин. Как хочешь, думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

Фарсин. Признаюсь тебе, я сам тоже думаю.

Иксин. Например, что за глаза, что за колорит?

Фарсин. О! что до глаз, так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.

Иксин. Ну, а Фузеин-то — каков?

Фарсин. Сатир! Обезьяна!

Иксин. Зато любимец Феба.

Фарсин. Прочти-ка его новую трагедию, посвященную Изразцовым,— не то заговоришь. Это — нелепость невиданная, неслыханная! Планы трагедий Сумарокова гораздо сноснее, версификация Тредьяковского благозвучнее.

(Налетевшая пара бешеных лошадей помешала разговаривать.)

Простодушный
Из жизни П., с. 307—309.

Благородное собрание. Литография

Большой театр. Литография А. Кадоля. 1825

Тверской бульвар. Литография А. Кадоля. 1825

Арбат. В. Н. Нечаев. Акварель. 1830—1840-е гг.

Запись в маклерской книге о найме дома на Арбате

Дом на Арбате, 53 (до реставрации), в котором жил А. С. Пушкин с женой

А. С. Пушкин
П. Ф. Соколов. Акварель. 1830—1836

Н. Н. Пушкина
А. П. Брюллов. Акварель. 1831—1832

Н. Н. Пушкина
И. К. Макаров. Масло. 1849

Портреты А. С. Пушкина
Вверху: Ж. Вивьен. Миниатюра. 1826; О. А. Кипренский. Масло. 1827
Внизу: В. А. Тропинин. Масло. 1827; Гравюра Т. Райта. 1836—1837

Вверху: **П. В. Нащокин. Л. Ваксель. Акварель. 1836; И. В. Киреевский. П. П. Соколов. Рисунок. 1840—1850-е гг.**
Внизу: **Е. А. Баратынский. Литография. 1828; М. П. Погодин. Литография. 1820-е гг.**

Вверху: **Д. В. Давыдов. В. П. Лангер. Акварель. 1819; Н. М. Языков. Литография. 1840-е гг.**
Внизу: **П. А. Вяземский. Литография. 1830-е гг.; Л. С. Пушкин. А. О. Орловский. Рисунок. 1820-е гг.**

Вверху: Н. И. Надеждин. Неизв. художник. Масло. 1830-е гг.; П. Я. Чаадаев. Литография. 1830-е гг.
Внизу: Н. А. Полевой. Гравюра. 1839; П. И. Шаликов. Неизв. художник. Миниатюра. 1810-е гг.

Вверху: Е. П. Ростопчина. Литография. 1840-е гг.; Д. В. Голицын. Неизв. художник. Масло. 1830-е гг.
Внизу: Е. С. Семенова. Гравюра Н. И. Уткина. 1816; М. А. Максимович. Фототипия с портрета 1830-х гг.

Вверху: А. Я. Булгаков. Гравюра А. А. Афанасьева. 1820-е гг.; П. П. Вяземская. Ф. Бруни. Акварель. 1835
Внизу: В. Ф. Вяземская. А. Молинари. Акварель. 1800-е гг.; С. Н. Глинка. В. П. Лангер. Акварель. 1820-е гг.

Вверху: И. И. Дмитриев. В. А. Тропинин. Масло. Ок. 1818; И. А. Нарышкин. Неизв. художник. Миниатюра. 1820—1830-е гг.
Внизу: Н. Б. Юсупов. Гравюра. Конец XVIII в.; А. Ф. Малиновский. Гравюра. 1820-е гг.

П. А. Гончаров
Миниатюра.
1800-е гг.

П. И. Гончарова
Неизв. художник. Акварель.
1820-е гг.

И. Н. Гончаров
Н. Ланской. Рисунок. 1852

Е. Н. Гончарова
Неизв. художник. Акварель
1820-е гг.

Д. Н. Гончаров
И. М. Алексеев. Гуашь. 1848

А. Н. Гончарова
Неизв. художник. Силуэт.
1840-е гг.

Вверху: **П. А. Плетнев. Рисунок с оригинала А. В. Тыранова. 1830-е гг.; Н. В. Гоголь. Автолитография А. Г. Венецианова. 1834**
Внизу: **А. А. Дельвиг. К. Шлезигер. Пастель. 1827; Е. М. Хитрово. П. Ф. Соколов. Акварель. 1837**

Март

1 марта (воскресенье)

Днем Пушкин принимает участие вместе с женой в санном масленичном катании, устроенном семейством Пашковых, родственников А. Я. Булгакова. Участники катанья разместились в трех больших санях. После катанья ели блины у Пашковых.

Вечером Пушкины, по-видимому, у А. С. и О. А. Долгоруковых.

«Завтра, pour la clôture <под конец *(фр.)*>, санное катанье, блины у Пашковых... а вечером сборище у наших молодых... а там и покой[1]. Москва тряхнула стариною, веселье за весельем...»

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 28 февраля 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 56.

---

[1] То есть великий пост, когда запрещены все увеселения.

«Гулянье последнего дня масленицы. 1 марта 1831 г.

Первые большие сани:

Княгиня Крапоткина,
ее дочь,
Александр Долгорукий[1],
Ольга Долгорукая[2],
месье и мадам Мельгунова, урожд. княжна Урусова[3],
графиня Потемкина[4],
месье Кикин и его дочь[5],
княжна Цицианова[6],
Григорий Корсаков[7],
Нидгэм, английский путешественник,
князь Алексей Голицын,

Свистунов, офицер Конной гвардии, и я Костя[8].

Вторые большие сани:

Александр Пушкин,
мадам Пушкина, урожд. Гончарова,
месье Сергей Пашков и его жена[9],
мадемуазель Лиза Нарышкина[10],
девица-полька княгини Долгорукой[11],
мадемуазель Сушкова Додо[12],
ее гувернантка, мад. Дювернуа,
Ломоносов[13],
князь Мещерский Платон[14],
Норов Сергей[15],
Свиньин[16].

Третьи большие сани:

Княгиня Щербатова[17],
княжны Наталья, Аннета, Полина — ее дочери,
Лазарев полковник[18],
Владимир Пфелер[19],
Василий Обресков[20],
граф Алексей Бобринский[21],
Скарятин улан[22]» (подлинник по-французски).

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову 1 марта 1831 г.
РА, 1902, № 1, с. 57—58.

---

[1] А. С. Долгоруков, муж. О. А. Долгоруковой.

[2] О. А. Долгорукова, дочь А. Я. Булгакова.

[3] А. С. Мельгунов — коллежский асессор, москвич; А. А. Мельгунова — его жена, дочь знакомых Пушкина А. М. и Е. П. Урусовых.

[4] Е. П. Потемкина, посаженая мать Пушкина.

[5] П. А. Кикин — участник Отечественной войны, один из основателей Общества поощрения художеств, сенатор; его дочь — М. П. Кикина.

[6] Е. Д. Цицианова, дочь кн. Д. Е. Цицианова, родственника А. О. Смирновой-Россет.

[7] Г. А. Римский-Корсаков.

[8] А. Н. Свистунов — корнет лейб-гвардии Конного полка; Костя — К. А. Булгаков, сын А. Я. Булгакова.

[9] С. И. Пашков — см. 28 февраля; его жена — Н. С. Пашкова, урожд. княжна Долгорукова, сестра А. С. Долгорукова.

[10] Е. И. Нарышкина, дочь И. А. Нарышкина, дяди и посаженого отца Н. Н. Пушкиной.

[11] По-видимому, компаньонка Е. А. Долгоруковой.

[12] Е. П. Сушкова, будущая поэтесса Ростопчина.

[13] Н. Г. Ломоносов, подпоручик, брат лицейского приятеля Пушкина С. Г. Ломоносова.

[14] П. А. Мещерский, чиновник Московского главного архива министерства иностранных дел.

[15] С. А. Норов, надворный советник.

[16] П. П. Свиньин, писатель, историк, журналист.

[17] П. С. Щербатова, жена статского советника А. А. Щербатова.

[18] И. А. Лазарев (см. 28 февраля).

[19] В. Ф. Пфелер, чиновник VI экспедиции Петербургского почтамта.

[20] В. А. Обресков, московский полицмейстер, полковник.

[21] А. А. Бобринский, камер-юнкер, петербургский знакомый Пушкина.

[22] Ф. Я. Скарятин, адъютант московского генерал-губернатора, один из основателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

2 марта (понедельник)

Отъезд в Петербург Д. Н. Гончарова.

Врем. ПК, 1966, с. 13.

3 марта (вторник)

Петербург. Я. И. Сабуров, литератор, знакомый Пушкина, пишет брату А. И. Сабурову:

«...Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо, которое — не что иное, как pool pure <ставка игрока (*англ.*)> и часто не слишком верная. Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни? Впрочем, мы ничего не теряем. Во всяком случае на худой конец, больше будет прекрасных строф; итог писателя — это его книга, а как он к ней приходит — его дело. Пусть брак, семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее...»

ЛН, 58, с. 102—103.

Около 4 марта

Выходит № 3 журнала «Московский телеграф» за 1831 г. (ц. р. 18 февраля). В статье о книге «Песни и романсы А. Мерзлякова» говорится: «Разумеется, теперь редкий из порядочных наших стихотворцев не напишет лучше <Мерзлякова> после Жуковского, Пушкина».

В разборе «Невского альманаха на 1831 г.» упоминается напечатанная там повесть «Брак по смерти», в которой встречаются подобные «тупые остроты»: «...один из беседующих говорит, что в С е в е р н ы х ц в е т а х будут ц в е т ы из оранжереи Онегина...»

См.: Московские ведомости, 1831, № 18.

5 марта (четверг)

Петербург. В. А. Каратыгин пишет Катенину в Шаево:

«Недавно вышел в свет Борис Годунов Пушкина; какого роду это сочинение — предоставляется судить каждому, он сам не назвал его ни трагедией, ни поэмой, по-моему, это галиматья в шекспировском роде. Брань у него с Булгариным продолжается хотя слабее чем прежде».

БЗ, 1861, № 19, с. 600.

Погодин пишет в «Дневнике»:

«Март. 5... К Надеждину за «Борисом». Нет еще. Дрянь...[1] Нет, я не стану писать о «Борисе» рецензию»[2].

П. в восп., II, с. 22.

---

[1] Запись не вполне понятна. По-видимому, речь идет о рецензии на «Бориса Годунова», которую в это время написал Надеждин. Она была напечатана в «Телескопе» № 4. Он вышел около 25 марта (см.), но должен был выйти раньше: в конце февраля, начале марта, вероятно, так как «Телескоп» выходил два раза в месяц. Так что, может быть, здесь речь идет о задержке номера с надеждинской рецензией, и досада — по этому поводу.

[2] Неясно, кто предлагал Погодину писать рецензию о «Борисе Годунове» и в какой журнал.

6 марта (пятница)

Пушкин пишет письмо Хмельницкому в Смоленск — ответ на его письмо от 11 февраля (см. середина февраля).

«Милостивый государь
Николай Иванович.

Спешу ответствовать на предложение Вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбия: я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

6 марта 1831.
Москва.

Дав официальный ответ на официальное письмо Ваше, позвольте поблагодарить Вас за ваше воспоминание и попросить у Вас прощения, не за себя, а за моих книгопродавцев, не высылающих Вам, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будет Вам доставлена непременно. Вам, любимому моему поэту; но не ссорьте меня с смоленским губернатором, которого, впрочем, я уважаю столь же, сколько Вас люблю.

Весь Ваш».

7—8 марта

Пушкин получает письмо от Карамзиной от 3 марта 1831 г.— ответ на свое письмо (несохранившееся) с припиской Н. Н. Пушкиной, написанное около 25 февраля (см.).

«Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас с вашим

счастьем[1] и выразить вам мои пожелания, чтобы оно оказалось столь прочным и полным, насколько это вообще возможно в нашем мире. Я очень признательна вам за то, что вы вспомнили обо мне в первые дни вашего счастья, это истинное доказательство дружбы[2]. Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги, словом, чтобы вас осенила и всегда охраняла милость господня. Мне не терпится увидеть собственными глазами ваше сладостное и добродетельное счастье. Не сомневайтесь в искренности этих пожеланий, как вы не сомневаетесь в дружбе, внушившей их той, которая на всю жизнь останется преданной вам Е. Карамзиной.

Я прошу вас выразить госпоже Пушкиной мою благодарность за любезную приписку и сказать ей, что я с чувством принимаю ее юную дружбу и заверяю ее в том, что, несмотря на мою холодную и строгую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно, если она упрочит счастье своего мужа.

Дочери мои[3], как вы легко можете себе представить, нетерпеливо ждут знакомства с прекрасной Натали» (подлинник по-французски).

---

[1] См. несохранившееся письмо Карамзиной к Вяземскому от 23—24 февраля.

[2] См. несохранившееся письмо Пушкина к Карамзиной около 25 февраля.

[3] С. Н. Карамзина и Е. Н. Мещерская.

10—14 марта

У Пушкина — В. И. Туманский, пробывший в Москве сутки проездом из Петербурга в Яссы на место службы (см. Письма, III, с. 191). Пушкин читает ему восьмую главу

«Евгения Онегина» (по первоначальной нумерации Пушкина — девятую).

«В Москве провел я весьма приятно целые сутки... Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня с своею пригожею женою. Не воображайте однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна; а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебелей и посуды.

Ах! любезные девы мои, что за прелестная вещь девятая песнь Онегина. Как глубокомысленно означил Пушкин этикетное петербургское общество; как хороша Татьяна, увлеченная примером большого света на поприще притворства и приличия; как смешон и вместе жалок Онегин, гаснущий от ее холодности; как трогательно свидание их, где Татьяна, невольно разнеженная письмами Онегина, вспоминает с блаженством деревенскую свою жизнь, мечты и надежды любви и, наконец, восклицает: «Зачем, зачем тогда вы одним словом не упрочили этого блаженства!»

В. И. Туманский — С. Г. Туманской
16 марта 1831 г. из Орла.
Туманский В. И. Стихотворения и письма.
Спб., 1912, с. 310—311.

Основание датировки — весьма приблизительное: 16 марта Туманский в Орле, где он остановился по дороге из Москвы в Молдавию; можно предположить, что задержался он в Орле не очень долго (но дня два пробыл: он «видел здешнее общество на представлении какого-то штукаря» (Туманский В. И. «Стихотворения и письма», с. 311) и, следовательно, совсем незадолго до 16-го был в Москве. Л. Б.

Модзалевский датирует встречу Пушкина и Туманского так: «недели через три после женитьбы Пушкина» (Письма, III, с. 191).

12 марта (четверг)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 14 «Литературной газеты» за 1831 г. В разделе «Библиография» среди авторов альманаха «Сиротка» на 1831 г. (см. около 25 февраля) упоминается Пушкин.

14 марта (суббота)

Выходит № 21 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в книжном магазине А. Семена книги «La fontaine de Bakhtchesserai, poëme de m. A. Pouschkine, traduit du russe par L. Repey» (Бахчисарайский фонтан, поэма г. А. Пушкина, перевод с русского Л. Репе).

Первая половина марта

Выходит № 10 «Дамского журнала» за 1831 г. (ц. р. 26 февраля 1831 г.). Здесь напечатана статья С. Н. Глинки (за подписью «Мечтатель») «Разговор о Борисе Годунове А. С. Пушкина».

«К какому разряду, к какому роду словесности принадлежит Борис Годунов?.. Не знаю. Это тайна А. С. Пушкина. Он не назвал произведения своего ни трагедиею, ни драмою и никаким известным именем, относящимся к драматическим сочинениям. Но дело не об имени, а о том: видите ли вы старину; видите ли те лица, которые тогда действовали; слышите ли вы их речи? прошедшего нельзя переиначить. Следственно: если Пушкин силою очарования так увлек нас в прошедшем, что вы на время забыли настоящее, то он, как мне кажется, достиг цели своей».

В «Московских ведомостях» нет извещения о выходе в свет № 10 «Дамского журнала». Публикации о выходе

№ 9—в № 17 (от 28 февраля), а № 13—в № 25 (от 28 марта) «Московских ведомостей» за 1831 г.

Середина марта

Пушкин пишет письмо Бенкендорфу с просьбой о переводе брата в армию, действующую в Польше. Письмо не сохранилось.

«Письмо ваше, в коем Вы просите о переводе в действующую армию брата Вашего... я имел счастие докладывать государю императору...»

Бенкендорф — Пушкину 7 апреля 1831 г.

Основание датировки: 26 марта в письме к Хитрово Пушкин пишет: «Я с минуты на минуту жду решения Бенкендорфа...» Значит, к 26 марта Бенкендорф мог уже не только получить письмо от Пушкина, но и успеть принять решение и сообщить о нем Пушкину.

Февраль (?) — середина марта

Пушкин видится с С. Д. Киселевым (возможно, и с его женой Е. Н. Киселевой, урожд. Ушаковой, своей московской приятельницей) и берет у него книги (какие — неизвестно).

Письмо Пушкина к С. Д. Киселеву, конец <около> 28 марта 1831 г.

Март (до 17-го)

Петербург. Выходит № 4 сборника «Юный певец» (Спб., изд. Бернарда, 1831), где помещен романс «Я все любил», слова Пушкина, музыка г. Т...о (Феофила Толстого).

См.: Северная пчела, 1831, № 60.

17 марта (вторник)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 15 «Литературной газеты» за 1831 г. Здесь напечатано стихотворение Пушкина «Мадонна» (перепечатка из альманаха

«Сиротка», где была допущена ошибка в 7-м стихе: «Чтоб на меня с холста и л ь с облаков...»).

В разделе «Библиография» опубликован разбор (без подписи» «Денницы на 1831 г.» (см. около 25 февраля). Здесь широко цитируется помещенная в альманахе статья «Отрывок из рукописи Пушкина».

Петербург. Цензурное разрешение нот «Дуэт. Девицы-красавицы. Слова А. Пушкина. Муз. А. Анитовой» (Спб., 1831).

Памяти П., с. 74.

Около 18 марта

Выходит книга: Д. В. Веневитинов. Сочинения. Ч. 2 (М., 1831) (ц. р. 19 января 1831 г.) В нее включен разбор Веневитиновым статьи об «Евгении Онегине», помещенной в № 5 «Московского телеграфа» за 1825 г. В книге напечатан также разбор (на франц. языке) одной из сцен «Бориса Годунова».

См.: Московские ведомости, 1831, № 22.

Выходит № 21—22 журнала «Московский вестник» за 1830 г. (ц. р. 6 февраля 1831 г.). Окончание статьи Погодина «Взгляд на кабинеты журналов» (начало в № 17—20 за 1830 г., см. около 28 января). В ней в связи с рассказом о полемике русских журналов несколько раз упоминается имя Пушкина.

См.: Московские ведомости, 1831, № 22.

18 марта (среда)

Языков пишет в Петербург своему приятелю В. Д. Комовскому, брату лицейского товарища Пушкина С. Д. Комовского, правителю дел Главного цензурного управления:

«...Пушкин написал чрезвычайно много во время своего пребывания в нижегородской деревне, где задерживала его

холера. Скоро издает две последние главы Онегина: девятую[1] сильно хвалят слышавшие».

ЛН, 19—21, с. 40.

[1] Девятая глава по нынешней нумерации глав «Евгения Онегина» — восьмая.

Петербург. Энгельгардт пишет Матюшкину:

«Знаешь ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами. Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает; новейшие его произведения далеко отстали от прежних, напр., Борис Годунов его очень слаб. Он забавляется маленькими, эпиграмматическими стихами, в которых довольно пошлым образом ругает всех и все. Плохое ремесло».

Вестник Всемирной истории, 1899, № 1, с. 101.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 19 (от 13 февраля) газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. К следующей фразе в рассказе С-ча «Беседка у пруда»: «Каждое нежное слово Евгения, сказанное им Полине, было ударом для искреннелюбящей Ольги; и ее привязанность к вероломному еще более усиливалась» относится примечание:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей[1].

[1] У Пушкина — «Тем легче нравимся мы ей».

19 марта (четверг)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 23 (от 19 марта) газеты «Санктпетербургский вестник» за 1831 г. В статье об альманахе «Денница» (без подписи) упоминается «Отрывок из рукописи» Пушкина. Далее гово-

рится, что «г. Шевырев пожертвовал восьмистраничным посланием к А. С. Пушкину[1]. Самым приличным эпиграфом к этому стихотворению могут служить два стиха, взятые из онаго же:

«Что сделалось с Российским языком;
Что он творит безумные проказы».

[1] См. около 25 января.

20 марта (пятница)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 16 «Литературной газеты» за 1831 г. В статье, продолжающей разбор альманаха «Денница», сочувственно разбирается и цитируется помещенное там стихотворение Шевырева «Послание к А. С. Пушкину». Стихотворения Пушкина «Песня» и «Цыганы», также напечатанные в «Деннице», называются «прелестными игрушками».

Петровский Завод. М. Н. Волконская пишет З. А. Волконской:

«...Вера Вяземская перестала мне писать с тех пор, как я назвала стихи ее приемного сына[1], обращенные к его невесте, любовным вздором или же мадригалом, «что не любить оно не может»[2]. «Борис Годунов» вызывает наше общее восхищение; по нему видно, что талант нашего великого поэта достиг зрелости; характеры обрисованы с такой силой, энергией, сцена летописца великолепна, но, признаюсь, я не нахожу в этих стихах той поэзии, которая очаровывала меня прежде, той неподражаемой гармонии, как ни велика сила его нынешнего жанра...»[3] (подлинник по-французски).

П. Иссл. и матер., I, 266.

[1] Пушкина.

[2] Речь идет о стихотворении Пушкина «На холмах Грузии...», которое Вяземская послала Волконской в 1830 г., сообщая, по-видимому, что оно посвящено невесте поэта.

[3] Волконская, видимо, думала, что «Борис Годунов» написан недавно — в 1830 г.

20-е числа марта

Пушкин получает письмо от Хитрово (несохранившееся) от середины марта, где она пишет о своих хлопотах о переводе Л. С. Пушкина в армию, действующую в Польше, об аббате Ламенне и его газете (см. письмо Пушкина к Хитрово от 26 марта).

Основание датировки: Пушкин ответил Хитрово 26 марта; едва ли он стал бы слишком медлить с ответом на ее письмо, рассказывающее о ее хлопотах за брата.

Отъезд Л. С. Пушкина из Москвы в Тифлис в свой полк.

Основание датировки: Л. С. уехал после получения Пушкиным письма от Хитрово от середины марта (см. выше), рассказывающего о ее хлопотах, и до 26 марта: «Итак, брат мой будет обязан вам всей своей будущей карьерой; он уехал, исполненный признательности» (подлинник по-французски) (Пушкин — Хитрово, 26 марта 1831 г.).

21 марта (суббота)

А. Я. Булгаков пишет брату:

«Бедная Вяземская была на смертном одре[1] и не может оправиться, сокрушаясь о сестре[2]: все беда! Княгиня Вяземская очень слаба; боюсь я, чтобы болезнь ее не взяла дурной оборот, а мужу надобно ехать в Петербург[3]: другая беда!»

РА, 1902, № 1, с. 61.

---

[1] О болезни Вяземской см. 3 февраля. К концу мая она выздоровела. 30 мая А. Я. Булгаков пишет К. Я. Булгакову: «И наша княгиня Вера оправилась, намедни была на выставке... Все такая же хохотунья» (РА, 1902, № 1, с. 63).

[2] У сестры Вяземской Н. Ф. Святопулк-Четвертинской 1 или 2 марта умер сын. А. Я. Булгаков писал брату 2 марта 1831 г.: «Бедные Четвертинские в большом горе. У них умер сын прекрасный 17 лет, горячкою. Отец вне себя, а мать дня четыре как родила... От этого и княгине Вяземской стало хуже» (РА, 1902, № 1, с. 58).

[3] Отъезд Вяземского в Петербург к месту своей новой службы в министерстве финансов надолго задержался из-за болезни жены.

22 марта (воскресенье)

Тверь. Ф. Н. Глинка пишет Вяземскому:

«Если увидите А. С. Пушкина, прошу обнять его сладкими объятиями поэзии и дружбы, я всегда любил и люблю его от души».

Встречи с прошлым, 3, с. 335.

24 марта (вторник)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 25 (от 24 марта) газеты «Санктпетербургский вестник» за 1831 г. В разделе «Стихотворения» напечатана «Драматическая сцена» «Годунов» (за подписью Ф.). К названию относится следующая сноска: «Сею сценою Сочинитель предполагал начать трагедию Годунов. Несколько явлений сей трагедии были прежде написаны им в шестистопных ямбах с рифмами, но пятистопные стихи без рифм[1] ныне предпочитаются для трагедий, представляя более удобства к выражению мыслей».

[1] Размер «Бориса Годунова».

В разделе «Библиография» помещена рецензия (без подписи) на альманах «Сиротка» (см. около 25 февраля): «Из 32-х стихотворений, кроме нескольких небольших пьесок А. С. Пушкина, Баратынского, кн. Вяземского и Ф. Н. Глинки, все остальное не перешло за черту златой посредственности,— многое даже не дошло и до этой черты».

Около 25 марта

Выходит № 4 журнала «Телескоп» за 1831 г. (ц. р. 20 марта 1831 г.). В этом номере помещена статья Надеждина (за подписью Н. Надоумко) «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев».

«Я... Скажи мне ясно и определенно, за что несчастный Борис упал у вас так в курсе?..

Тленский. Да, помилуй? Что это за дребедень?.. Не сумеешь, как назвать ее... Ни то трагедия, ни то комедия, ни то — черт знает что!..

Я... Это — ряд исторических сцен... Эпизод истории в лицах!.. Дело все состоит в том, что ты не понимаешь надлежащим образом идеи поэта. Не Борис Годунов, в своей биографической неделимости, составляет предмет ее; а царствование Бориса Годунова — эпоха, им наполняемая — мир, им созданный и с ним разрушившийся — одним словом историческое бытие Бориса Годунова... Я хочу только обличить твою несправедливость к произведению, которое нисколько не унижает таланта, коему обязано бытием своим. Недостатки его, может быть, для меня гораздо более ощутительны, чем для тебя самого».

В разделе «Библиография» в связи с альманахом «Сиротка» (см. около 25 февраля) говорится: «Пушкин решительно заскупился для альманахов: швыряет в них такими безделушками, что и говорить не стоит». В рецензии на альманах «Денница» (см. около 25 февраля) разбираются помещенные там «Обозрение русской словесности» с упоминанием о седьмой главе «Евгения Онегина» и «Отрывок из рукописи Пушкина», замечательный «благородством мыслей».

В приложении к № 4 «Телескопа» напечатана «Песнь Девы» из поэмы «Руслан и Людмила А. С. Пушкина» («Ложится в поле мрак ночной») с нотами музыки Верстовского.

См.: Московские ведомости, 1831, № 24.

Выходит № 4 журнала «Московский телеграф» за 1831 г. В этом номере в разделе «Современная библиография» (без подписи) в заметке об альманахе «Сиротка» говорится:

«Из стихотворений Сиротки, можно назвать перлом сонет Пушкина: Мадона»...

В том же разделе в обозрении альманаха «Денница»

разбор «Отрывка из рукописи Пушкина» («Полтава не имела успеха...») и упоминание о музыке Верстовского на стихи Пушкина «Слыхали ль вы?»

См.: Московские ведомости, 1831, № 24.

25 марта (среда)

Выходит № 22 газеты «Листок» за 1831 г. В разделе «Смесь» напечатана заметка без подписи:

«В одну книжную лавку пришел молодой человек купить Бориса Годунова. В то время, когда он рассчитывался с книгопродавцем, к нему подошел какой-то старик, вероятно, ему знакомый, и протяжно начал с ним следующий разговор.

Старик. Что это за книжку вы купили?

Молод. чел. Пушкина Бориса Годунова.

Старик. Напрасно! (Обращаясь к книгопродавцу.) Ну, что это за сочинение? Инде прозою, инде стихами, инде по-французски, инде по-латине, да еще и без рифм.

Молодой человек покраснел, и, не сказав ничего в ответ, вышел. Быв свидетелем этого разговора, я почел не излишним довести об оном до сведения публики. Какова черта современного невежества!»

24 февраля — 26 марта

Пушкин получает книги («томы латинских классиков»), о которых пишет ему Плетнев в письме от 22 февраля 1831 г. (см. 26—27 февраля), *от петербургского книгопродавца Беллизара* (о нем см. письмо Пушкина Плетневу от 31 января).

Письмо Пушкина к Плетневу 26 марта 1831 г.

Основание датировки: в предыдущем письме Пушкина Плетневу от 24 февраля нет еще упоминания о получении этих книг.

Пушкин видится с Г. Я. Скарятиным, поручиком кавалергардского полка, говорит с ним о Хитрово.

Около 26 марта

Письмо Пушкина к Хитрово 26 марта 1831 г.

Л. Б. Модзалевский предполагает, что Пушкин пишет о Ф. Я. Скарятине, брате Г. Я. Однако вряд ли это справедливо: Ф. Я. Скарятин служил в уланском полку и жил в это время постоянно в Москве — был адъютантом московского генерал-губернатора; по-видимому, именно его («улан Скарятин») упоминает Булгаков среди лиц, участвовавших в санном катании 1 марта (см.). Скарятин же, о котором пишет Пушкин, судя по письму поэта, лишь совсем незадолго перед 26 марта приехал из Петербурга. Известно, что Г. Я. Скарятин 18 марта выехал из Петербурга и 2 мая вернулся туда из Москвы (Письма, III, с. 224—225). Так что, по-видимому, речь идет именно о нем.

26 марта (четверг)

Пушкин пишет письмо Хитрово — ответ на ее письмо (несохранившееся) от середины марта (см. 20-е числа марта).

«Суматоха и хлопоты этого месяца, который отнюдь не мог бы быть назван у нас медовым, до сих пор мешали мне вам написать. Мои письма к вам должны были бы быть полны извинений и выражения благодарности, но вы настолько выше того и другого, что я себе этого не позволю. Итак, брат мой[1] будет обязан вам всей своей будущей карьерой; он уехал, исполненный признательности. Я с минуты на минуту жду решения Бенкендорфа, чтобы сообщить о нем брату.

Надеюсь, сударыня, через месяц, самое большее через два, быть у ваших ног. Я живу этой надеждой. Москва — город ничтожества. На ее заставе написано: оставьте всякое разумение, о вы, входящие сюда[2]. Политические новости доходят до нас с опозданием или в искаженном виде.

Вот уже около двух недель, как мы ничего не знаем о Польше,— и никто не проявляет тревоги и нетерпения! Если бы еще мы были очень беспечны, легкомысленны, сумасбродны,— ничуть не бывало. Обнищавшие и унылые, мы тупо подсчитываем сокращение наших доходов.

Вы говорите о г-не де Ламене[3], я знаю, что это Боссюэт[4] журналистики. Но его газета до нас не доходит. Пусть пророчествует вволю; не знаю, является ли для него Ниневией Париж, но мы-то уж несомненно тыквы[5].

(Скарятин)[6] только что сообщил мне, что видел вас перед отъездом, и вы были так добры, что вновь вспомнили обо мне, хотели даже послать мне книги — я вынужден непременно благодарить вас, хотя бы должен был вас этим рассердить.

Благоволите принять уверение в моем почтительном уважении и засвидетельствовать его графиням, вашим дочерям[7].

26 марта.

Мой адрес: (дом Хитровой на Арбате)»[8] (подлинник по-французски. В скобках выделен русский текст).

---

[1] Л. С. Пушкин, поручик Нижегородского драгунского полка, жил в Москве с июля 1830 г. в отпуске сначала «по домашним обстоятельствам», потом якобы по болезни — «для пользования в Москве». В марте 1831 г. он вынужден был возвратиться в Тифлис, где ранее служил. О. С. Павлищева 27 марта пишет мужу из Петербурга: «Лев был вынужден вернуться в Тифлис, он совершенно не сумел написать свое прошение и он уверяет, что все из-за орфографических ошибок» (подлинник по-французски) (П. и совр., XV, с. 47). Пушкин хлопотал, чтобы Л. С. перевели в войска, действующие в Польше (см. несохранившееся письмо Пушкина к Бенкендорфу от середины марта). С этой же просьбой — употребить свое влияние при дворе для перевода его в Польшу — обращался к Хитрово, по-видимому, сам Л. С. (не А. С. Пушкин, так как после 9 февраля (см.) он к ней, как сам признается в настоящем письме, не писал: «Суматоха и хлопоты этого месяца... до сих пор мешали мне вам написать»). Хитрово принялась хлопотать, о чем, по-видимому, и сообщала Пушкину в не дошедшем до нас письме от середины марта. Л. С. был переведен в Финляндский

драгунский полк 20 мая 1831 г. О Л. С. Пушкине см.: Письма, III, с. 160—161, 222—224.

[2] Перефразированный стих из «Божественной комедии» Данте: «Оставьте всякую надежду, все входящие сюда».

[3] Ламенне — французский политический деятель и богослов, занимавший демократическую левую позицию во внутренних делах Франции 1830—1831 гг., с сочувствием относившийся к восставшей Польше. Его газета «L'Avenir» издавалась с октября 1830 по ноябрь 1831 г. О нем см.: Томашевский Б. В. Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово.— В кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927.

[4] Боссюэ — французский религиозный проповедник XVII в.

[5] Ниневия — Пушкин имеет в виду библейское сказание о пророке Ионе, проповедовавшем в городе Ниневии и предсказывавшем его гибель. Жители Ниневии вняли проповеди Ионы, раскаялись, и бог помиловал город. Тыквы, по библейскому сказанию, выросли в одну ночь и на следующий день погибли. Томашевский пишет: «Замечание Пушкина о Ниневии и тыквах, примененное к Ламенэ, не совсем ясно». («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», с. 348). По мнению Л. Б. Модзалевского, фразу о тыквах «надо понимать просто в смысле: «что касается нас, то мы — просто дураки» (Письма, III, с. 224).

[6] Г. Я. Скарятин. См. около 26 марта.

[7] См. письмо Пушкина Хитрово от 11 декабря.

[8] См. 23 января.

Пишет письмо Плетневу.

«Что это значит, душа моя? ты совершенно замолк. Вот уже месяц[1] как от тебя ни строчки не вижу. Уж не воспоследовало ли вновь тебе от генерал-губернатора милостивое запрещение со мною переписываться?[2] чего доброго? не болен ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто ленишься да понапрасну друзей своих пугаешь. Покамест вот тебе подробное донесение обо мне, о домашних моих обстоятельствах и о намерениях. В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают[3]. После святой отправляюсь в Петербург[4]. Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоми-

наний[5] и тому подобных удобностей. А дома, вероятно, ныне там недороги: гусаров нет, двора нет[6] — квартер пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жуковским также — Петербург под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Книги Белизара я получил и благодарен[7]. Прикажи ему переслать мне еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Schakespeare[8] в дом Хитровой на Арбате. (Дом сей нанял я в память моей Элизы[9]; скажи это Южной ласточке, смугло румяной красоте нашей[10].) Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, «Литературную газету» за прошедший год (за нынешний не нужно; сам за ним приеду)[11] да и «Северные цветы», последний памятник нашего Дельвига[12]. Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние «Северные цветы»[13]. Но я затеваю и другое, о котором также переговорим[14]. Мне сказывали, что Жуковский очень доволен «Марфой Посадницей», если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно позволение напечатать всю драму, произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения[15]. Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева[16], которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова[17], доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом[18].

О своих меркантильных обстоятельствах[19] скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38 000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей[20] надеяться плохо, частию оттого, что их дела расстроены, частию и оттого, что на слова надеяться не должно. По

крайней мере, с своей стороны, я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать. Итак, до свидания, мой милый».

---

[1] После письма Плетнева Пушкину от 22 февраля (см. 26—27 февраля).

[2] См. письмо Пушкина к Плетневу от 7 января.

[3] Пушкин имеет в виду нелады с Н. И. Гончаровой.

[4] Святая неделя (пасхальная) в 1831 г. приходилась на 19—25 апреля (Письма, III, с. 226). Пушкин уехал из Москвы 15 мая.

[5] О Царскосельском Лицее.

[6] 10 июля двор переехал в Царское Село (Письма, III, с. 336). Вместе с двором переехал Жуковский.

[7] См. 26—27 февраля — письмо Плетнева к Пушкину от 22 февраля и 24 февраля — 26 марта.

[8] Из книг, которые Пушкин просит ему прислать (Кребба, Вордсворта, Саути и Шекспира) в его библиотеке сохранились «The poetical works of George Crabbe, complete in one volume», Paris, 1829 и «The poetical works of Robert Southey. Complete in one volume», Paris, 1829 (Письма, III, с. 226).

[9] Е. М. Хитрово.

[10] А. О. Россет.

[11] Сомов после смерти Дельвига редактировал «Литературную газету».

[12] «Северные цветы на 1831 г.» (см. 24 декабря) — последний выпуск альманаха, вышедший при жизни Дельвига.

[13] «Северные цветы на 1832 г.», выпущенные в память Дельвига и в пользу его семейства, вышли в конце 1831 г. (см. письмо Пушкина Плетневу от 31 января).

[14] Пушкин имеет в виду организацию собственного периодического издания — «альманаха, журнала... газеты» (см. письмо Пушкина к Плетневу 11 апреля). О таком издании он мечтал давно — еще с 1825 г. После переезда в Царское Село летом 1831 г. он начал хлопотать о газете, которую хотел назвать «Дневник» (П. и совр., V, с. 30—74).

[15] «Марфа Посадница» — трагедия Погодина. О ней см. письмо Пушкина Погодину от 3 января, а также записи в «Дневнике» Погодина от 11 и 13 декабря. Пушкин хлопочет о ее выходе в свет, задерживаемом III Отделением.

[16] Шевырев с начала 1829 по конец 1832 г. жил в Италии. Вскоре после возвращения из-за границы он действительно начал чи-

тать лекции на кафедре словесности Московского университета. Пушкин способствовал этому назначению (см. письмо Погодина Шевыреву от 11 мая).

[17] А. Ф. Мерзляков, профессор красноречия и поэзии Московского университета, умер 26 июля 1830 г. По своим литературным взглядам он был убежденным приверженцем классицизма, не признавал всей новой русской литературы, начиная с Карамзина. Пушкин относился к его литературной деятельности отрицательно. Впрочем, человеком Мерзляков был добрым, веселым и остроумным.

[18] Пушкин имеет в виду консерватизм в университетском преподавании словесности.

[19] О закладе имения см. письмо Пушкина к Плетневу около (не позднее) 16 февраля.

[20] На А. Н. Гончарова (см. письма Пушкина к нему от 24 февраля и 25 апреля и письмо Гончарова к Пушкину от 9 апреля — 12—13 апреля).

Конец (около 28) марта

Пушкин пишет записку С. Д. Киселеву и отсылает ему вместе с возвращенными книгами (см февраль (?) — середина марта).

«Отсылаю тебе свои книги с благодарностию. Что? не поздравить ли тебя с наследником или наследницею?[1]

А. П.».

---

[1] Первенец Киселевых Павел родился 28 марта 1831 г.

Около 28 марта

Выходит № 4 журнала «Телескоп» за 1831 г. (ц. р. 15 марта 1831 г.).

В разделе «Библиография» в заметке об «Опыте словаря древних славянских слов и наречий» (М., 1831) в связи с дороговизной этой брошюры упоминание о том, что Пушкину, по слухам, книгопродавец заплатил по десяти рублей за каждый стих «Евгения Онегина».

См.: Московские ведомости, 1831, № 24.

28 марта (суббота)

Петербург. Энгельгардт пишет Матюшкину:

«Пушкин женился и на другой день свадьбы сочинил эпиграмму, в которой, между прочим, в заключении сказано: если хочешь попасть в рай — молись, а хочешь в ад — женись».

Кобеко, с. 315.

Польша. А. Н. Вульф записывает в «Дневнике»:

«28 марта. Около Дубно... Сегодня Ушакова[1] брат привез из Москвы известие, что Пушкин наконец женился...»

П. и совр., XXI—XXII, с. 162.

---

[1] А. С. Ушаков — товарищ Вульфа по службе.

29 марта (воскресенье)

В. А. Муханов, переводчик Московского главного архива министерства иностранных дел, знакомый Пушкина, пишет брату, вероятно, Н. А. Муханову:

«Если будет время, прочти в 4-й кн. Телескопа справедливое суждение о Б. Годунове, но болтовня при начале разбора и ненависть твоя к русским журналам останавливает меня».

Щукинский сб., вып. 5. М., 1906, с. 313—314.

Начало апреля

Пушкин пишет письмо в Полотняный завод А. Н. Гончарову относительно части его владений, причитающейся Н. Н. Пушкиной, о присылке своего поверенного для составления купчей крепости на эту часть, а также о сватов-

стве А. Ю. Поливанова к А. Н. Гончаровой, сестре Н. Н. Письмо не сохранилось. Содержание и датировка определяются по ответу Гончарова от 9 апреля 1831 г. (см. 12—13 апреля).

3 апреля (пятница)

Разрешение драматической цензуры на постановку инсценировки «Руслана и Людмилы» и «Черной шали».

«Позволить 3 апреля 1831 г.

№ 44

2. Героико-трагическая пантомима в одном акте, извлеченная из балета Руслан и Людмила или Низвержение Черномора, злаго волшебника[1].

Соч. Г. Глушковского, музыка Г. Шольца.

3. Черная шаль или наказанная неверность.

№ 45

Пантомимный балет в одном действии, взятый из известной песни А. С. Пушкина, поставленной на сцену Г. Глушковским (для императорского Московского театра)[2].

Содержание балета слишком известно.

Евстафий Ольдекоп»[3].

Лит. архив, I, с. 235.

---

[1] О постановке пантомимы «Руслан и Людмила» см. 15 мая.

[2] Балет «Черная шаль» был представлен позднее — 11 декабря 1831 г. в бенефис балерины Т. И. Глушковской.

[3] Е. И. Ольдекоп — писатель, переводчик, цензор драматических сочинений.

4 апреля (суббота)

Петербург. Выходит № 75 газеты «Северная пчела» за 1831 г. В рецензии Булгарина на книгу «Сочинения Д. В. Веневитинова. Часть вторая» говорится: «Об Онегине автор судит так, как судят все образованные, беспристрастные люди. Статья на французском языке, об отрывке из Бориса Годунова, есть плод приязни и угождения».

5 апреля (воскресенье)

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 23 (от 23 февраля) газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. А. Заветный в рецензии на альманах «Денница» (см. около 25 февраля) сетует, что опубликованный там «Отрывок из рукописи» Пушкина (заключающей в себе неудовлетворительные замечания его на критики, бывшие на поэму «Полтава») не остался навсегда в рукописи». В статье упоминается также «хорошее послание г. Шевырева... к А. С. Пушкину».

6 апреля (понедельник)

Пушкин пишет письмо Л. С. Пушкину в Чугуев.

«Все было решено[1]. Ждали только ответа от гр. Паскевича[2], как Бенкендорф получил о тебе из Москвы un rapport défavorable <неблагоприятный отзыв *(фр.)*[3]>. Нравоучительных примечаний делать я не намерен; но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно, ты мог бы уж быть на Висле. В Чугуеве[4] тебе мешкать невозможно. Немедленно поезжай в свой полк и жди там решения своей участи. Дай бог, чтоб эта шутка не стоила тебе вечного пребывания в Грузии».

---

[1] Относительно перевода Л. С. Пушкина в войска, действующие в Польше, см. несохранившееся письмо Пушкина к Бенкендорфу от середины марта и письмо к Хитрово от 26 марта.

[2] Гр. И. Ф. Паскевич — главнокомандующий отдельного Кавказского корпуса; Л. С. Пушкин был подчинен ему по службе на Кавказе, и Паскевич должен был дать согласие на перевод его в Польшу.

[3] О разгульном поведении Л. С. Пушкина в Москве. В письме к Нащокину от 21 июля 1831 г. Пушкин пишет: «Брат мой переведен в Польскую армию. Им были недовольны за его пьянство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого». См. об этом также в письме Пушкина к Хитрово от 8 мая.

[4] Город Харьковской губернии, в котором задержался Л. С. Пушкин по пути из Москвы на Кавказ.

Петербург. А. В. Веневитинов пишет Погодину:

«Ал. Пушкин говорят также скоро будет сюда с своею мадонною, которая здесь уже много прошумела».

7 апреля (вторник)

Цензурное разрешение на выход в свет № 14 журнала «Молва» за 1831 г. В этом номере напечатана статья «От издателя альманаха «Денница», в которой автор, Максимович, обрушивается на Полевого за «дезертирство»: в начале своей критической деятельности «г. Полевой героически нападал на своих неприятелей, особенно на г. Булгарина; доказывал, что они не умеют ни считать, ни писать, ни думать, преследовал их «за нападки на лучших литераторов отечественных Карамзина, Жуковского, к. Вяземского, Баратынского и Пушкина»... но г. Полевой совершенно извратил образ своей критики, восстал на именитых писателей и пристал к неутомимой фаланге своих прежних врагов... Телеграф теперь нападает на Карамзина, Пушкина, кн. Вяземского...»

Около 8 апреля

Выходит второе издание № 1 журналов «Телескоп» и «Молва» за 1831 г. (содержание — см. около 7 января и 7 января).

См.: Московские ведомости, 1831, № 28.

8 апреля (среда)

П. М. де Роберти, поэт, знакомый Ф. Н. Глинки и Дельвига, пишет Глинке:

«Пушкин что-то замолк, женясь. Постараюсь увидать здесь его супругу, чтобы посмотреть выбор его поэтического вкуса. Говорят, жена его красавица, и сумасброд так отзывается: я женился, что бы иметь дома свою Мадонну!»

П. и совр., XVII—XVIII, с. 265.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 24 (от 25 февраля) газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. В разделе «Смесь» в заметке об альманахе «Денница» (без подписи) говорится: «Чтобы получить для альманаха стихотворения Пушкина, кн. Вяземского, и чтобы поддержать некоторые другие литературные связи,— надлежало непременно напечатать упомянутое послание г. Шевырева»[1].

[1] «Послание к А. С. Пушкину» — см. около 25 января.

5—8 апреля

Пушкин видится с Погодиным.

«Апрель 5—8. Цензурные поправки статьи о польской истории[1]. Пушкин от нее в восторге. «Никто ныне,— сказал он,— не тревожит души моей, кроме вас». Читал он мне свои повести — прекрасные и оригинальные»[2].

Погодин. «Дневник», 5—8 апреля 1831 г.
П. в восп., II, с. 22.

[1] Статья Погодина «Исторические размышления об отношениях Польши к России» (напечатана в № 7 «Телескопа» за 1831 г.).

[2] «Повести Белкина».

10 апреля (пятница)

У Пушкина — С. Н. Глинка. Он сочиняет стихотворение «Пушкиной и Пушкину», напечатанное в № 17 «Дамского журнала» за 1831 г. (см. около 25 апреля).

10—12 апреля

Пушкин получает письмо от Бенкендорфа от 7 апреля 1831 г.— ответ на свое несохранившееся письмо от середины марта (см.).

«Милостивый государь
Александр Сергеевич.

Письмо ваше, в коем Вы просите о переводе в действующую армию брата Вашего, поручика Нижнегородского драгунского полка, я имел счастие докладывать государю им-

ператору, и его величество, приняв благосклонно просьбу Вашу, высочайше повелеть мне соизволил спросить графа Паскевича-Эриванского, может ли таковой перевод брата Вашего последовать[1]. Приятным долгом поставляя Вас, милостивый государь, о сем уведомить, пребываю с совершенным почтением и преданностью,

Ваш, милостивый государь,

покорнейший слуга

А. Бенкендорф».

---

[1] См. письмо Пушкина Л. С. Пушкину от 6 апреля. Не вполне ясно, почему в письме от 7 апреля Бенкендорф благосклонно говорит о переводе Л. С. Пушкина, не упоминая о неблагоприятных отзывах о его поведении в Москве, в то время как уже 6 апреля Пушкин знал о том, что эти отзывы Бенкендорф получил (см. письмо брату от 6 апреля).

26 марта — 11 апреля

Пушкин видится с Ф. Д. Жихаревой, женой С. П. Жихарева.

Письмо Пушкина к Плетневу 11 апреля 1831 г.

Основания датировки: в письме к Плетневу от 26 марта об этом факте Пушкин не пишет.

Получает от Сомова письмо, написанное в 20-х числах марта — начале апреля (не сохранилось), в котором тот просит его прислать обещанную статью о книге стихов французского поэта Сент-Бёва, изданных в Париже под вымышленным именем Делорма.

Письмо Пушкина к Плетневу 11 апреля 1831 г.

Основания датировки: в письме к Плетневу от 26 марта Пушкин ничего не пишет о письме Сомова — значит, по-видимому, он его еще не получил.

Пушкин действительно передал Сомову по приезде в Петербург статью «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme <Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма>. Les consolations, poésies par Sainte-Beuve <Утешения. Стихотворения Сент-Бёва>». Статья была напечатана в № 32 (от 5 июня) «Литературной газеты» за 1831 г. (Письма, III, с. 245).

Около 11 апреля

Выходит № 5 журнала «Московский телеграф» за 1831 г. (ц. р. 15 марта 1831 г.). В разделе «Современная библиография» помещен обзор (без подписи) 2-й части «Сочинений» Д. В. Веневитинова (М., 1831) (см. около 18 марта). Упоминается статья Веневитинова о «Борисе Годунове», помещенная в «Сочинениях».

См.: Московские ведомости, 1831, № 29.

11 апреля (суббота)

Пушкин пишет письмо Плетневу.

«Воля твоя, ты несносен: ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты жив, ради бога, отвечай на мои письма. Приезжать ли мне к вам, остановиться ли в Царском Селе, или мимо скакать в Петербург или Ревель?[1] Москва мне слишком надоела. Ты скажешь, что и Петербург малым чем лучше: но я как Артур Потоцкий[2], которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement <я предпочитаю скучать иным образом (*фр.*)>. Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты![3] Вяземский везет к вам «Жизнь Фонвизина», книгу едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги[4] (все-таки исключая Карамзина[5]). Петр Иваныч[6] приплыл и в Москву, где, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? неужто мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется — Булгарин так для нее создан, а она для него, что им вместе жить, вместе и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягал, а как, сказывают, обо мне в нем нет ни слова, то и не посягну. Разумею, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомов написал мне длинное письмо, на которое еще не отвечал. Скажи ему, что Делорма я сам

ему привезу, потому и не посылаю[7]. Что баронесса?[8] — О тебе говорила мне Жихарева[9]; анекдот о билетцах — прелесть![10]

Христос воскрес!»[11]

---

[1] Модный морской курорт.

[2] Гр. Артур Потоцкий — офицер польских войск, одесский знакомый Пушкина.

[3] О стремлении Пушкина издавать собственную газету — см. письмо Пушкина к Плетневу от 26 марта.

[4] См. 16—17 декабря, 20—21 декабря и письмо Пушкина к Вяземскому от 10—13 января. Отъезд Вяземского в Петербург к месту новой службы в министерстве финансов надолго задержался из-за тяжелой болезни жены.

[5] Пушкин имеет в виду «Историю государства Российского» Карамзина.

[6] Новый роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин» (Спб., 1831); ниже Пушкин называет его «Выжигиным II» — в отличие от первого булгаринского романа «Иван Выжигин».

[7] Письмо Сомова не сохранилось (см. между 26 марта и 11 апреля).

[8] С. М. Дельвиг.

[9] Ф. Д. Жихарева — жена С. П. Жихарева.

[10] Не выяснено, что Пушкин имеет в виду.

[11] Пасха в 1831 г. приходилась на 19 апреля.

Петербург. Павлищева пишет мужу:

«Мой брат переезжает сюда в мае — вот новые расходы, если не на экипаж, то на туалеты. Я не хочу быть кухаркой в сравнении с невесткой, которая, как говорят, элегантна до чрезвычайности» (подлинник по-французски).

П. и совр., XV, с. 50.

Выходит № 29 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. В рубрике «Среди недавно отпечатанных книг» назван альманах «Денница на 1831 г.» (см. около 28 февраля). Среди публикуемых в альманахе произведений упоминаются стихотворения Пушкина и «Послание к А. С. Пушкину» Шевырева.

12 апреля (воскресенье)

Пушкин получает от В. С. Голицына (см. 25 февраля) *книгу Бальзака «Физиология брака» (Париж, 1830), еще три книги, не известные нам, и письмо.*

«Посылаю Вам развратительную книгу (Physiologie du mariage), автора коей я желал бы видеть повешенным за... Вы также найдете здесь три книги, врученные мне моим племянником; весьма бы обязанным я счел себя, если б Вы меня ссудили прочими томами лорда Байрона, который в первых двух немного сух[1];— поправку сего недостатка я ожидаю в описании плавания его по стезям Леандра[2].

Жена благодарит Вас за воспоминание, она еще не опомнится от удара, нас постигшего, и вероятно не скоро придет в прежнюю тарелку[3].— Мы перешли с верху вниз, что друзьям, нас навещающим, сокращает путешествие несколькими ступеньками:— неужели Вас сие не заманит когда-нибудь от нечего делать?— Проклятая муза моя совершенно истощилась после куплетов, мне внушенных смертью моего Митиньки, и которые я себе предоставляю подвергнуть Вашему снисходительному разбору[4] —

«искусства нету в них
«и красноречья мало,
«мне сердце каждый стих
«и слово диктовало.

Прощайте, почтеннейший Александр Сергеевич; кланяюсь Вам от души.

Преданный навсегда

Влад. Г.».

---

[1] Очевидно, речь идет о «Мемуарах Байрона»; их французское издание 1830 г. в пяти томах было в библиотеке Пушкина.

[2] Байрон был прекрасным пловцом и переплыл однажды Дарданелльский пролив (Геллеспонт), который, по греческому преданию, каждую ночь переплывал Леандр, спешащий на свидание к своей возлюбленной Геро.

[3] Старший сын Голицыных Дмитрий (род. в 1828 г.) умер в 1830 г.

[4] В пушкинских бумагах вместе с письмом Голицына сохранился листок с написанным Голицыным переводом французского стихотворения об умершей дочери. Возможно, это и есть те стихи, о которых пишет Голицын Пушкину (ЛН, 16—18, с. 610—611).

12—13 апреля

Пушкин получает письмо от А. Н. Гончарова из Полотняного завода от 9 апреля — ответ на свое несохранившееся письмо от начала апреля (см.).

«Милостивый государь Александр Сергеевич! Сейчас получа письмо ваше, спешу вам на то моим ответом. Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю тоже[1].— Паче ваш поверенный может иметь способ совершить сию крепость — с большим моим удовольствием соглашаюсь на то, прося вас покорнейше дать случай мне (чем скорей, тем лучше) видеться с ним и устроить сие дело к окончанию.— Проезд его ко мне и возвращение есть мое дело, следовательно, сие и озабочивать его не должно.

Что ж вы пишете на счет Саши[2],— я Александра Юрьевича Поливанова[3] очень знаю (хотя не быв в коротком с ним знакомстве), но по частому с ним свиданью и почти по соседству.— Много об нем наслышан: разумею его весьма хорошим молодым человеком и заслуженным большого внимания от всего общества целой нашей губернии, и буде этого хочет сама Саша и мать ее на то согласна, я против сего никакого препятствия не могу сделать; а как вам известно, что я в силах сделать, то паче он на то согласен, с богом! и я готов.— Будьте уверены, что по желанию вашему от меня сие до поры и время никому объявлено не будет и даже и к матери ее о том не напишу, а буду ждать ее ко мне извещения о том.— Сверх же того, аще обстоятельства мои поправятся и дела примут лучший оборот, не откажусь сделать всем им трем прибавку и пособие.— Прося вас продолжения добрых ваших о мне мыслей и родст-

венной любви, с почтением моим пребыть честь имею ваш, милостивый государь, покорный слуга Афанасий Гончаров.

P. S. Отъезд ваш в Петербург может опять надолго не решенным оставить обстоятельства, мною вышеписанные. Прошу вас покорнейше известить меня, когда думаете оттуда возвратиться и могу ли я иметь удовольствие в мае или июне личное иметь с вами свидание, чего буду ожидать от вас из Москвы, прежде выезда вашего».

---

[1] Обещания свои относительно обеспечения Н. Н. Пушкиной Гончаров, под конец жизни (ум. в 1838 г.) совсем разорившийся, так и не выполнил. Не отдал он Пушкину и денег, которые тот дал взаймы на приданое Н. Н. (см. вскоре после 29 января). Пушкин писал Нащокину 22 октября 1831 г.: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000— и ничего своей внучке не дает».

[2] А. Н. Гончарова — сестра Н. Н. Гончаровой.

[3] А. Ю. Поливанов — помещик Малоярославецкого уезда Калужской губернии, уездный предводитель дворянства, сосед Гончаровых по Полотняному заводу. Пушкин принимал участие (по-видимому, вместе с Нащокиным) в сватовстве Поливанова к А. Н. Гончаровой и писал об этом А. Н. Гончарову в несохранившемся письме от начала апреля (см.). Причем Пушкин просил «дедушку» не писать об его участии в сватовстве Н. И. Гончаровой. «Сватовство не только расстроилось из-за несогласия Н. И. Гончаровой, но и поссорило поэта с его тещей; она была в ссоре с «дедушкой» и рассердилась на Пушкина за то, что он вступил с ним в переписку по этому поводу, минуя ее, и вообще вмешался в дело замужества ее дочери, что видно из резкого письма поэта к теще от 26 июня 1831 г. ...» (Письма, III, с. 267).

13 апреля (понедельник)

Погодин пишет Шевыреву в Рим:

«Пушкин написал <в Болдине> тьму. Он показывал и читал мне все по секрету, ибо многое хочет выдавать без имени: Онегина 8-я и 9-я главы, Сцены, Моцарт, Дон-Жуан, повесть пресмешная и большая октавами, то есть октавами Жуковского, несколько повестей в прозе, множество статей прозаических о критике, об Истории Русской литературы и

проч. ...Жена его премилая, и я познакомился с нею молча. Они едут скоро в Петербург».

РА, 1882, № 6, с. 184.

Тверь. Ф. Н. Глинка пишет Вяземскому:

«...А<лександра> Сергеев<ича> Пушкина прошу за меня обнять. Желаю ему много, много счастия — я всегда его очень любил; он уверен в этом».

Встречи с прошлым, 3, с. 335; ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 1731, л. 7 об.

11—14 апреля

Пушкин получает письмо от Плетнева, написанное между 7—10 апреля (не сохранилось) и содержащее, как видно из ответа Пушкина около 14 апреля (см.), переадресованные ему упреки в молчании. Действительно, Пушкин, упрекая Плетнева в том, что он «совершенно замолк» (в письмах от 26 марта и 11 апреля), сам почти полтора месяца не отвечал на его письмо от 22 февраля. Очевидно, Плетнев в связи с этим и напоминает Пушкину о необходимости «быть аккуратным» и просит ответа на сведения, сообщенные им в письме от 22 февраля. В этом письме Плетнев, вероятно (судя опять-таки по ответу Пушкина), передает Пушкину и его жене поздравления от Жуковского и сообщает о его новых, только что написанных балладах.

Около (не позднее) 14 апреля

Пушкин пишет письмо Плетневу — ответ отчасти на «запросы», заключенные в письме Плетнева к Пушкину от 22 февраля (см. 26—27 февраля), отчасти на только что полученное (несохранившееся) письмо Плетнева, написанное между 7—10 апреля (см. 11—14 апреля).

«Ты прав, любимец муз[1],— должно быть аккуратным[2], хотя это и немецкая добродетель; нехудо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами[3]. Итак, вот тебе пунктуальные ответы на твои запросы. Деларю[4]

слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй том Подолинского[5]. Впрочем, может быть, он и разовьется. О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом[6]. Отлагаю чтение до Царского Села, где, ради бога, найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем, разумеется, лучше — но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище. А нужна кухня да сарай, вот и все. Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что все-де готово и милости просим приезжать. А мы тебе как снег на голову.

Обними Жуковского за участие[7], в котором я никогда не сомневался. Не пишу ему, потому что не привык с ним переписываться. С нетерпением ожидаю новых его баллад[8]. Итак, былое с ним сбывается опять[9]. Слава богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочинения. Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему прездравый совет. Жуковский, говорил он, в своей деревне заставляет старух себе ноги гладить и рассказывать сказки и потом перекладывает их в стихи. Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если все еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею[10], особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу, что я неаккуратно отвечал тебе на вопросы: 1) где 2) на сколько времени и 3) во сколько комнат нужна мне квартира?[11] Ответы.

1) На какой бы то ни было улице царскосельской.

2) До января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Был бы особый кабинет — а прочее мне все равно.

За сим обнимаю тебя, благодаря заранее».

---

[1] Цитата из послания К. Н. Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу.

[2] Об упреках Плетнева в неаккуратности см. 11—14 апреля.

[3] «Горе от ума», 3-е явление III действия.

[4] См. 26—27 февраля, письмо Плетнева к Пушкину от 22 февраля. Пушкин в это время уже был знаком с Деларю; юный поэт относился к пушкинскому творчеству с благоговейным преклонением.

[5] А. И. Подолинский — второстепенный поэт кружка Дельвига, печатался в «Литературной газете» и «Северных цветах».

[6] См. 26—27 февраля — письмо Плетнева к Пушкину от 22 февраля.

[7] За поздравления с женитьбой, которые, вероятно, передавал Пушкину Плетнев в несохранившемся письме от 7—10 апреля (см. 11—14 апреля).

[8] В этом же письме Плетнев, по-видимому, сообщал Пушкину о новых балладах Жуковского. Действительно, после почти десятилетнего творческого молчания в марте — апреле 1831 г. Жуковский создал несколько переводов из Шиллера, Уланда, Соути, Бюргера и др. английских и немецких поэтов. Эти баллады — «Кубок», «Перчатка», «Поликратов перстень», «Ленора» — принадлежат к числу лучших творений Жуковского.

[9] Измененная цитата из стихотворения Жуковского «Я музу юную бывало...».

[10] Четьи-Минеи — древнерусское название сборников сказаний о жизни православных святых. Пушкин изучал их еще в 1825 г., работая над «Борисом Годуновым».

[11] Плетнев снял для Пушкина и его жены в Царском Селе на Колкинской улице помещение в доме А. К. Китаевой, жены придворного камердинера. Пушкин прожил там до середины октября 1831 г. (а не до января, как предполагал сначала).

14 апреля (вторник)

К Пушкину, по-видимому, приезжает Погодин и показывает присланное ему рассуждение Шевырева «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение» с образцами перевода 7-й песни «Освобожденного Иерусалима» Тассо.

«Завтра привезу к нему <Пушкину> твои октавы».

Погодин — Шевыреву 13 апреля 1831 г.
РА, 1882, кн. III, с. 184.

Отзыв Пушкина о рассуждении Шевырева см. 11 мая.

Цензурное разрешение на выход в свет № 15 журнала «Молва» за 1831 г. Здесь в продолжении статьи «Известия о концертах, данных нынешним постом» (начало в № 14) говорится о музыкальном вечере г. Шарпантье в зале Мосолова (число вечера не указано).

«Из арий была выбрана Черная шаль, соч. Верстовского, которая в концерте необходимо уже требует оркестра. Г. Бантышев пел оную с фортепьяно, на котором аккомпанировал г. Фильд. Сколько раз было говорено об этой прекрасной музыкальной пиесе, что считаем за лишнее повторять те похвалы, которые вполне заслуживает сие произведение. Сидевший подле меня музыкант, после многих похвал, упрекнул автора тем, что из Черной шали можно было бы, по богатству в ней мыслей, сделать целую оперу; но не лучше ли иметь возможность из арии написать оперу, нежели из целой оперы иных сочинителей не набрать довольно мыслей для одной арии?»

Упоминается также концерт певца Лаврова, который исполнил, в частности, новую арию «Узник», музыка Алябьева, «сочинение вообще монотонное и слишком уже в начале мрачное; конец же совершенно воинственный».

16 апреля (четверг)

Петербург. Выходит № 22 «Литературной газеты» за 1831 г. (ц. р. 15 апреля). В статье о «Сочинениях Д. В. Веневитинова» (ч. II. М., 1831 г.) Трилунный говорит о «прелестных поэмах Жуковского и Пушкина» как о результате влияния европейской литературы на русскую. Упомянут также разбор Веневитинова статьи о «Евгении Онегине», помещенной в № 5 «Московского телеграфа» за 1825 г.

Около 19 апреля

Выходит альманах «Утренняя звезда на 1831 г.» (ц. р. 31 марта 1831 г.), составленный из произведений Д. Сигова. В нем помещено следующее четверостишие:

Наш Пушкин молодец!
Для всех он образец:
Хоть пишет мало,
Но зато не вяло.

См. «Московские ведомости» № 27 за 1831 г., где говорится, что альманах выйдет «непременно к празднику Св. Пасхи»; пасха в 1831 г. приходилась на 19 апреля.

20 апреля (понедельник)

Петербург. Павлищева пишет мужу:

«Прежде чем говорить с вами о делах, надо сказать вам еще о вашем портрете. Я только и делаю, что смотрю на него и уже вставила его в раму вместо портрета Александра — маленького портрета, который находили так мало похожим[1]; это — чтобы сказать вам, что я предпочитаю ваш... Кстати: Александр на днях переедет сюда и проведет лето в Царском Селе» (подлинник по-французски).

П. и совр., XV, с. 51—53.

[1] Неизвестно, о каком портрете Пушкина идет речь.

Цензурное разрешение на выход в свет № 16 журнала «Молва» за 1831 г. В окончании статьи «Московские концерты» (см. № 15 «Молвы» — 14 апреля) говорится о концерте г. Карышева (число не указано). «Г. Лавров пел довольно хорошо Черную шаль; но за то какой сборный оркестр! Несостроенный, неполный — отвечающий во всех отношениях концерту!»

Погодин пишет в «Дневнике»:

«20... Первое действие[1] надо прочесть Пушкину до отъезда[2]. Пусть прозвонит в Петербурге».

П. в восп., II, с. 22.

[1] Своей трагедии «Петр I», над которой Погодин начал работать 28 января (см.: Барсуков, III, с. 252—254).

[2] До отъезда Пушкина в Петербург.

21 апреля (вторник)

Цензурное разрешение на выход в свет «Московского калейдоскопа» за 1831 г. (прибавления к журналу «Молва»). Здесь помещена статья М. Н. Макарова «Тверской бульвар» (за подписью «Тверской отшельник»), в которой для характеристики гуляний на бульваре приводятся строчки из «Братьев-разбойников»:

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!..

В статье напечатано стихотворение о бульваре:

Здесь и педант учено-важный,
И франт паркетный записной,
Член Клуба Англии вальяжный,
И член Немецкого простой!

Здесь много милого, смешного!
Сюда, запрятав свой галун,
От душной лекции Пустова,
Пришел спастись студент-шалун.

Здесь и романтик полупьяный;
И классицизма вождь седой,
Певцом ругавшийся Татьяны;
И сам певец с своей женой.

Здесь и торговка в душегрейке,
И дерзкий враль, и злой нахал!
И много пищи для статейки
В уютный К н я ж е с к и й журнал![1]

---

[1] «Дамский журнал», издаваемый князем Шаликовым.

Языков пишет В. Д. Комовскому:

«Что Булгарин до сих пор ничего не сказал о Борисе Годунове?»

ЛН, 19—21, с. 44.

Вяземский пишет Плетневу:

«Вы, я думаю, морочите нас, говоря о балладном разрешении Жуковского[1]. Не в 1-ый ли день апреля писали вы о том Пушкину?»

Изв. ОРЯС, т. II, кн. 1, с. 97.

---

[1] Плетнев написал Пушкину о новых балладах Жуковского в письме около 7—10 апреля (не сохранившемся; см. 11—14 апреля и письмо Пушкина Плетневу около 14 апреля).

Вяземский пишет Ф. Н. Глинке:

«...Пушкин, которому я передал Ваш поклон[1], собирается также в Петербург. Думаю ехать в конце будущей недели»[2].

ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 211, л. 3.

---

[1] См. письма Глинки Вяземскому от 22 марта и 13 апреля.
[2] См. сноску к письму А. Я. Булгакова брату от 21 марта.

Около 22 апреля

Выходит № 7 журнала «Телескоп» за 1831 г. В разделе «Библиография» в разборе книги «Сочинения Д. В. Веневитинова» (см. около 18 марта) упоминается рецензия Веневитинова на статью о «Евгении Онегине» в «Московском телеграфе». Имя Пушкина упоминается также в статье о книге Горация Гея «Изучение французского языка в сравнении с языком русским» (М., 1831).

См.: Московские ведомости, 1831, № 32.

22 апреля (среда)

Торжественное новоселье Английского клуба, переехавшего из прежнего помещения на Большой Дмитровке в новое — на Тверскую в дом графини Разумовской.

«Прошедшая среда, 22 апреля, была достопамятным днем в летописях московского Английского клуба. В продолжении 17 лет он помещался в доме г. Муравьева на

Большой Дмитровке... Ныне сей заслуженный ветеран наших общественных учреждений переселился в прекрасный дом графини М. Г. Разумовской, близ Тверских ворот; дом сей, по обширности, роскошному убранству и расположению, может почесться одним из лучших домов в Москве... 22 апреля праздновали новоселье клуба».

Молва, 1831, № 17.

24 апреля (пятница)

Петербург. Д. Н. Гончаров пишет А. Н. Гончарову в Полотняный завод:

«Что же касается до сердечных обстоятельств нашего дома, я с тех пор, как выехал из Москвы, ничего не знаю, ибо я получал раза три письма от маминьки, но особенного она мне ничего не пишет и что там у них делается ничего не знаю. Я даже не извещен и о предстоящем отъезде наших молодых из Москвы, о чем впрочем я уведомлен только с воскресения через отца Александра Сергеевича, с коим я иногда видаюсь. Впрочем что происходилось при мне в доме, о том я не полагал нужным утруждать Вас, ибо кроме свадебных обстоятельств интересного ничего у нас не случалось; все то же единообразие в жизни, коему я уже давно привык и которое Вам тоже известно».

Лет. ГЛМ, 1, с. 411.

14—25 апреля

Пушкин посылает в Полотняный завод к А. Н. Гончарову своего поверенного для улаживания имущественных дел Н. Н. Пушкиной с ее дедом. После возвращения поверенного (возможно, привезшего письмо от деда) обдумывает намерения Гончарова и о своих соображениях пишет в письме к нему от 25 апреля (см.).

Письма Гончарова к Пушкину 9 апреля 1831 г. и Пушкина к Гончарову 25 апреля 1831 г.

Основание датировки: от получения письма Гончарова от 9 апреля (см. 12—13 апреля) до письма Пушкина к нему от 25 апреля.

Около 25 апреля

Выходит № 17 «Дамского журнала» за 1831 г. (ц. р. 14 апреля 1831 г.). Здесь напечатано стихотворение С. Н. Глинки:

«Пушкиной и Пушкину

(Экспромт, написанный в присутствии поэта)

Того не должно отлагать,
Что сердцу сладостно сказать.
Поэт! Обнявшись с красотою,
С ней слившись навсегда душою,
Живи, твори, пари, летай!..
Орфей, природу оживляй
И Байрона перуном грозным
Над сердцем торжествуй морозным.
Теперь ты вдвое вдохновлен;
В тебе и в ней все вдохновенье.
Что ж будет новое творенье —
Покажешь: ты дивить рожден!

10 апреля 1831 года. В доме поэта».

(См. 10 апреля.)

Московские ведомости, 1831, № 33.

25 апреля (суббота)

Пушкин пишет письмо Гончарову в Полотняный завод.

«Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за прием моего поверенного[1] и за письмо[2], драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения. Будьте уверены в беспрекословном согласии моем на все, что будет удобнее для Вас. Мне нельзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться, и имение могло быть, наконец, совершенно потеряно. Если Вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покамест Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, с условием, что при жизни Вашей остава-

лось оное заемное письмо недействительным (дай бог, чтоб оно и долее оставалось таковым!). В таком случае вексель должен быть дан от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей, сколько вы желаете дать душ крестьянских, для того, чтобы при конкурсе кредиторов действительно достались бы 300 душ, а не вдесятеро менее. Таковые векселя с таковым же условием Вы безо всякого опасения могли бы дать и прочим Вашим внукам, а доверенность на управление в случае только их замужества.

Надеюсь, что Вы не будете гневаться на меня за мою откровенность. Во всяком случае ожидаю разрешения Вашего и имею счастие с чувством глубочайшего почтения и преданности остаться,

милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугою и внуком.

Александр Пушкин».

---

[1] См. 14—25 апреля.

[2] По-видимому, за письмо Гончарова от 9 апреля (см. 12—13 апреля). Так считает Л. Б. Модзалевский (см.: Письма, III, с. 253); но, может быть, речь идет о неизвестном нам письме, которое Гончаров переслал поэту вместе с поверенным: дело в том, что в письме Пушкина говорится о таких документах по оформлению наследства Н. Н. Пушкиной от деда, о которых не было речи в письме Гончарова от 9 апреля (доверенность, заемное письмо, вексель).

«В апреле 1831 г. дела Гончаровых окончательно расстроились. Пушкин, стараясь спасти имущество трех сестер, посоветовал Афанасию Николаевичу составить заемные письма, которые те могли бы предъявить после смерти Афанасия Николаевича» (Коган Г. Полотняный завод. М., 1951, с. 58). См. об этом 1—15 мая.

Е. Е. Кашкина, родственница П. А. Осиповой, пишет ей:

«...Москва лишилась молодых людей; все военные в армии, остались лишь штатские: Пушкин их называет «архивные юноши». Кстати об этом авторе: с тех пор, что он женился, это совсем другой человек,— положительный,— рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой

метаморфозы, так как утверждают, что она столь же умна, как и красива,— осанка богини, с прелестным лицом; и когда я его встречаю рядом с его прекрасной супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького очень умного и смышленого животного, которое ты угадаешь и без того, чтобы я тебе назвала его» (подлинник по-французски).

П. и совр., I, с. 65.
Письма, III, с. 222.

Выходит № 33 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о выходе в свет № 17 «Дамского журнала» за 1831 г. с публикацией стихотворения «Пушкиной и Пушкину».

27 апреля (понедельник)

Погодин пишет в «Дневнике»:

«27... Хочется прочесть мне первое действие[1] Пушкину».

П. в восп., II, с. 22.

[1] Своей трагедии «Петр I».

28 апреля (вторник)

Цензурное разрешение на выход в свет № 17 журнала «Молва» за 1831 г. Здесь в статье «Московские вести» сообщается о предстоящих спектаклях в пользу «благотворительных заведений, устроенных в Москве для призрения беспомощных сирот, лишившихся родителей во время холеры, и увечных, дряхлых стариков». В конце этого сообщения написано: «Кто не примет живейшего участия в столь прекрасном и высоком предприятии? Кто не уделит от своих избытков?.. О Москва...

Москва! как много в этом слове[1]
Для сердца Русского слилось,
Как много в нем отозвалось!»

[1] У Пушкина — «как много в этом звуке».

29 апреля (среда)

Петербург. В. Д. Комовский пишет Языкову в ответ на его письмо от 21 апреля (см.):

«Молчать о Годунове Булгарина заставляет, как говорят, обед, которым Смирдин заткнул рты Гречу и Булгарину на 2 лица, чтоб они бранью не помешали продаже. Может быть, по выдержании карантина Булгарин подаст голос, если не сочтет, что время уже ушло... Вызов сказать вам мое мнение о Наложнице[1] принимаю за светскую вежливость, вроде тех, которые книгопродавец говорит поэту в Онегине».

ЛН, № 19—21, с. 45.

---

[1] Поэма Баратынского, вышедшая в свет весной 1831 г.

30 апреля (четверг)

У Пушкина — Погодин.

«30... К Пушкину, и с ним четыре битых часа в споре о «Борисе»[1]. Он procureur du Roi <обвинитель короля *(фр.)*>, а я адвокат. Я не могу высыпать ему ответов, но упросил написать статью, на которую у меня готово возражение. И живо представлялась мне вся моя трилогия... Пушкин советует писать прозою Петра[2],— как-то странным кажется решиться.— Неужели я не овладею стихом!»

Погодин. «Дневник». 30 апреля 1831 г.
П. в восп., II, с. 22—23.

---

[1] Спор Пушкина и Погодина по поводу виновности Бориса в смерти царевича Димитрия отразился в более ранних замечаниях Пушкина, сделанных на полях статьи Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия», напечатанной в «Московском вестнике» (ч. III, 1829).

[2] Речь идет о трагедии «Петр I».

Пушкин встречается на улице с цыганкой Таней (см. ночь с 31 декабря 1830 г. на 1 января 1831 г. и 15—16 февраля).

«...Раз всего потом довелось мне его видеть. Месяц, а может, и больше, после его свадьбы, пошла я как-то утром к Иверской, а оттуда в город, по площади пробираюсь. Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-то мне из кареты кричит: «Радость моя, Таня, здорово!» Обернулась я, а это Пушкин, окно опустил, высунулся в него сам и оттуда мне ручкой поцелуй посылает... А подле него красавица писаная — жена сидит, голубая на ней шуба бархатная,— глядит на меня, улыбается. Уж и не знаю, право, что она об этом подумала, только очень конфузно показалось мне это в ту пору...»

Демьянова. «О Пушкине и Языкове».
П. в восп., II, с. 212—213.

Основание датировки: Таня говорит «месяц, а может, и больше, после его свадьбы...» Кроме того вряд ли в мае (а в том году он выдался теплый) Пушкина была в бархатной шубе.

Апрель

Париж. Выходит книга Leon Renoyard de Bussierre. «Voyage en Russie, lettres ècrites en 1829». Paris, 1831. (Леон Ренуар де Бюсьер. «Путешествие в Россию, письма, написанные в 1829 г.». Париж, 1831).

Автор книги пробыл в России с 4 августа по 8 октября 1829 г. В письме XVIII автор говорит об европейской известности Ломоносова, Дмитриева, Крылова и Карамзина и добавляет:

«В настоящее время таланты нескольких молодых поэтов предвещают блестящее будущее русской литературы. При этом ссылаются, главным образом, на поэмы и траге-

дии Александра Пушкина, который едва достигнув двадцатилетнего возраста, занимает на Московском Парнасе одно из наиболее значительных мест».

Апрель — начало мая

Пушкин получает письмо от Хитрово с просьбой прислать ей вышедшую в Москве в марте 1831 г. 1-ю часть романа А. Ф. Вельтмана «Странник». Письмо не сохранилось.

Письмо Пушкина к Хитрово 8 мая 1831 г.

Получает письмо от Хитрово для Л. С. Пушкина, по-видимому, с увещеваниями и рассказом о ее хлопотах за него в связи с его переводом в Польшу. Письмо не сохранилось.

Письмо Пушкина к Хитрово 8 мая 1831 г.

Май

1—15 мая

Полотняный завод. Гончаров составляет, вероятно, при участии поверенного Пушкина, проект заемного письма и «Реверс» от имени Н. Н. Пушкиной. На письме сделаны замечания каким-то юристом.

«Мы нижеподписавшиеся надворный советник и кавалер Афанасий Николаев сын Гончаров и из дворян 10-го класса Наталья Николаевна Пушкина заключили сие условие: 1-е. Я Афанасий Гончаров занял у нее Натальи Пушкиной денег государственными ассигнациями... рублей, в чем и дал ей от крепостных дел заемное письмо, писанное и совершенное сего Маия... дня в Медынском Уездном Суде сроком и т. д. 2-е. А я Пушкина, получа означенную доверенность во управление мое его, Гончарова, имение, обязываюсь вышеизъясненное письмо при жизни его, Гончарова, ко взысканию никуда не представлять и никому не переда-

вать, разве в таком токмо случае должна я представить, ежели какое государственное место вызывать будет его, Гончарова, кредиторов и т. д. 3-е. Естьли означенной Гончаров, который дед мой родной, кончит жизнь его (чего боже сохрани) прежде заплаты мне по описанному заемному письму денег, то я должна сие условие сохранить свято и ненарушимо с сыном его, а моим отцом, коллежским асессором Николаем Афанас. Гончаровым, который есть единственный после его наследник.— Вот тут преткновение, ибо он наследник, без него ничего,— ни вступает во владение, ни уничтожается опека, потому что дети его, при жизни его, не могут вступить во владение, чего я прежде не догадался».

Все приведенное, с самого начала до последних слов, перечеркнуто и внизу приписано: «Стало один конец — дать ей заемное письмо. А от ней подать в Суд просьбу, что она при выдаче ее в замужество получила полное награждение от Вас и уже из имения Вашего от наследников никакой части требовать не должна, а остается довольною Вашим награждением, а условие останется в двух только пунктах».

Письма, III, с. 253—254.

Об этом см. также «Известия Калужской ученой архивной комиссии», 1911, с. 41—42 и статью А. Средина «Полотняный завод» (Ст. годы, 1910, июль — сентябрь).

Именно это улаживание имущественных дел с родными жены и явилось причиной, по которой Пушкин несколько задержался с отъездом в Петербург. См. в письме к Хитрово от 8 мая: «Переезд мой задерживается на несколько дней из-за дел, которые меня мало касаются».

2 мая (суббота)

У Пушкина — Погодин.

«Май. 2. Из Университета (к Пушкину)».

Погодин. «Дневник». 2 мая 1831 г.
П. в восп., II, с. 23.

Рим. Шевырев пишет Соболевскому:

«Я заметил из этого письма[1], что литературные мнения в Москве подверглись большим переменам и что мы найдем большие перевороты. Борис не произвел никакого действия; Ширяев говорит об Пушкине, отворачиваясь».

ЛН, 16—18, с. 746.

---

[1] Из письма Н. А. Мельгунова из Москвы от 18 февраля (см.).

4 мая (понедельник)

Погодин пишет в «Дневнике»:

«4. «Петр» пишется. Сильные вещи попались в монологе Иакова... Захотелось прочесть Пушкину. Чтение постороннему человеку наводит меня на мысли новые».

П. в восп., II, с. 23.

Цензурное разрешение на выход в свет анонимной брошюры «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующего в оном учителя российской словесности» (М., 1831). Брошюра вышла в свет около 23 мая (см. «Московские ведомости» № 41 за 1831 г.), то есть когда Пушкина уже не было в Москве.

Отзыв о «Борисе Годунове» крайне отрицательный.

«**Учитель.** ...Бросаться и туда и сюда, без всякой связи, право, не простительно. А сверх всего, смею доложить, пишутся ли поэмы прозою? В сочинении же г. Пушкина есть много прозы...

Помещик. Ведь надобно же, братец, дать какое-нибудь название Борису Годунову. Ну, трагедия?

Учитель. Избави, господи! А что тут есть трагического? Не прикажете ли представить ее на театре? У кулисных-то мастеров заболели бы руки. Это, сударь, настоящие Китайские тени. Действие перескакивает из Москвы в Польшу, из Польши в Москву, из кельи в корчму... Есть

нечто подобное в драматических произведениях Шекспира, да все-таки посовестнее. К тому же Шекспир писал тогда еще, когда одноземцы его и понятия не имели об изящном вкусе... При слове тошнит, не может ли иному чувствительному читателю представиться последствие тошноты... словом сказать весьма отвратительно. Неужели автор Бориса не слыхивал об изящной природе?..

...Ух, тяжело!

Тяжело, почтеннейший Петр Алексеевич, как этот ух делает бух в наш слух! ...Такие выражения... черт с ними, а особенно мочи нет, при всякой романтической национальности — никуда не годятся. ...Можно ли было ожидать от Пушкина такой галиматьи? ...Теперь осталось только показать некоторые резкие мысли...

Басманов

Что на него смотреть?
Всегда народ к смятенью тайно склонен.

Помещик. Вот вздор какой! Всегда склонен! Пустое, с этим я совершенно не согласен... И русскому ли боярину так отзываться о православном русском народе?.. Ну, пора перестать. Что ж ты думаешь о первоклассности сочинителя?

Учитель. Не мое дело. Мне, сударь, ни жаловать, ни разжаловать невозможно.

Помещик. И подлинно: без суда никто не наказывается, а суд дает потомство.

Учитель. Только надобно желать, Петр Алексеевич, чтоб это потомство как можно скорее показалось, а до позднего, кажется, не дожить нынешнему Борису Годунову!»

РС, 1890, № 11, с. 448.

Пушкин узнал о «Разговоре» уже в Царском Селе из письма Нащокина:

«Пробежал я где-то Разговор о Борисе Годунове Учителя с Помещиком — очень хорошо — и кто написал ни как

сего не воображает, что лучше и похожее описать разговором — суждений наших... безмозглых грамотеев семинаристов ни как не льзя — это совершенный слепок с натуры; думая написать на тебя злую критику — написал — отрывок — достойный поместить в роман; прочти сделай одолжение...»

Нащокин — Пушкину 15 июня 1831 г.

«Ты пишешь мне о каком-то критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что все, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно».

Пушкин — Нащокину 21 июля 1831 г.

5 мая (вторник)

У Пушкина — Погодин.

«5... К Пушкину, прочел ему «Петра»[1]. Хвалит, но не так живо, как «Марфу». И меня пугает мысль выводить Петра. Это дух вызываемый!»

Погодин. «Дневник», 5 мая 1831 г.
П. в восп., II, с. 23.

---

[1] Погодин читал Пушкину I действие своей трагедии (см. 27 апреля: «Хочется прочесть мне первое действие Пушкину»; в письме к Пушкину от 3 июня Погодин пишет: «Первое действие Петра я устроил и кончил давно, но за второе не принимался...»). В позднейшем (1873 г.) послесловии к «Петру I» Погодин писал:

«Еще помню одну его поправку. Расстрига-протопоп Иаков в первом действии, осуждая действия Петровы, говорит о захваченных им церковных деньгах. Когда я прочел:

И всякая копейка горячим углем
На голову его падет в последний день...

«Каплей, каплей»,— воскликнул Пушкин, вскочив и потирая руки. Это была любимая его привычка — так выражал он свое удовольствие, когда находил выражение более точное для выражения той или другой своей или чужой мысли.

В первом монологе Петра Пушкин находил лишнюю риторику».

Погодин. Послесловие к трагедии «Петр I».
П. в восп., II, с. 35.

Пушкин получает от английского путешественника Фрэнкленда рекомендательное письмо, данное ему в Петербурге Хитрово. Письмо не сохранилось.

«Мая 6/18. Вчера я послал письмо госпожи Хитровой Александру Пушкину, русскому поэту, но не имел времени сегодня сделать ему визит» (подлинник по-английски).

«Описание посещения дворов русского и шведского, в 1830 и 1831 гг., составленное капитаном Кольвилем Фрэнклендом... в двух томах», т. 1. Лондон, 1832.

П. Врем., 2, с. 308.

Моряк Кольвиль Фрэнкленд пробыл в России с 27 сентября 1830 г. по 19 июня 1831 г. И в Петербурге и в Москве он был введен в высший свет, сделался постоянным посетителем самых видных политических и музыкальных (он был меломаном, певцом-любителем) салонов обеих столиц. В 1832 году в Лондоне Фрэнкленд выпустил книгу в двух томах: «Narrative of a visit to the courts of Russia and Sweden in the years 1830 and 1831» («Описание посещения дворов русского и шведского, в 1830 и 1831 гг.»), где рассказал о своем пребывании в России. Книга эта написана в форме дневника. Она была в библиотеке Пушкина.

В Петербурге в салоне гр. Д. Ф. Фикельмон Фрэнкленд познакомился с Хитрово, которая дала ему рекомендательное письмо к Пушкину, когда он собрался ехать в Москву. 4 мая он прибыл в Москву и на следующий же день послал Пушкину письмо Хитрово (П. Врем., 2, с. 302—314).

О встречах Фрэнкленда с Пушкиным см. также 7, 8, 9 и 12 мая.

7 мая (четверг)

Фрэнкленд приходит к Пушкину, но не застает его дома. Очевидно, оставляет визитную карточку или записку с адресом (он остановился в гостинице Коппа), так как на следующий день Пушкин посетил его.

«Мая 7/19. В полдень я явился с визитом к Александру Пушкину, но не застал его дома» (подлинник по-английски).

Фрэнкленд. «Описание посещения...»
П. Врем., 2, с. 308.

Петербург. Цензурное разрешение на выход в свет № 55 (от 8 мая) газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. В разделе «Смесь» сообщается, что имя Ратмир, упоминаемое «в повести А. С. Пушкина», сохранилось в названии селения, лежащего на Москве-реке: «Село Ратмир... замечательно по красивому своему местоположению».

8 мая (пятница)

Пушкин пишет письмо Хитрово — ответ на ее несохранившееся письмо, написанное, по-видимому, в апреле или самом начале мая (см.). Посылает ей 1-ю часть романа Вельтмана «Странник», вышедшую в Москве в марте 1831 г.

«Посылаю вам, сударыня, «Странника», которого вы у меня просили. В этой немного вычурной болтовне чувствуется настоящий талант. Самое замечательное то, что автору уже 35 лет[1], а это его первое произведение. Роман Загоскина еще не вышел[2]. Он был вынужден переделать несколько глав, где шла речь о поляках 1812 г. С поляками 1831 г. куда больше хлопот, и их роман еще не окончен. Здесь распространяют слухи о сражении, якобы имевшем место 20 апреля[3]. Они, должно быть, ложны, по крайней мере что касается числа.

Переезд мой задерживается на несколько дней из-за дел, которые меня мало касаются[4]. Надеюсь справиться с ними к концу месяца.

Брат мой ветрогон и лентяй. Вы слишком добры, слишком любезны, принимая в нем участие[5]. Я уже написал ему отеческое письмо[6], в котором, не знаю собственно за что,

намылил ему голову. В настоящее время он должен быть в Грузии. Не знаю, следует ли переслать ему ваше письмо[7]; я предпочел бы оставить его у себя.

Не прощаюсь с вами, сударыня, и не приписываю учтивых фраз» (подлинник по-французски).

---

[1] Пушкин ошибся: Вельтману в это время 31 год и «Странник» — не первое его произведение: в 1828 г. вышла его книга «Начертание древней истории Бессарабии»; в 1828 и 1831 гг. он печатал стихи в «Московском телеграфе» (Письма, III, с. 256—257). Об общении Пушкина с Вельтманом в Москве в 1831 г. см. 18 февраля — 15 мая.

[2] «Рославлев». Он вышел в свет в начале июня 1831 г. Говоря о переделке «польских» сцен романа, Пушкин имеет в виду, вероятно, какие-то не известные нам цензурные перипетии «Рославлева».

[3] В течение марта и части апреля серьезных сражений с поляками не было. Сведения о ходе польских дел (кроме слухов, распространявшихся в московском обществе) Пушкин узнавал из «Северной пчелы», где они регулярно печатались. «Пушкин, как и большинство его современников, все это время ждал решительных боев» (Письма, III. с. 260).

[4] Имеются в виду денежные дела с Н. И. Гончаровой и А. Н. Гончаровым (см. письмо Пушкина к Гончарову от 25 апреля и 1—15 мая).

[5] О Л. С. Пушкине, его переводе в Польшу и участии в этом Хитрово см. письма Пушкина к Хитрово от 26 марта, Л. С. Пушкину от 6 апреля и др.

[6] Письмо брату от 6 апреля 1831 г.

[7] См. апрель — начало мая.

Пушкин днем посещает Фрэнкленда в гостинице Коппа.

«Мая 8/20. Погода чудесно солнечная и ясная. В полдень Пушкин (русский Байрон) посетил меня и сидел со мною около часу. Его разговор занимателен и поучителен» (подлинник по-английски).

Фрэнкленд. «Описание посещения...»
П. Врем., 2, с. 308.

Взгляды Пушкина, в изложении весьма консервативно настроенного англичанина, носят умеренно-либеральный

характер; положение крестьян обрисовано значительно смягченными красками. Это объясняется, в частности, возможно, тем, что Пушкин не любил чернить Россию перед иностранцами (ср. в письме к Вяземскому от 27 мая 1826 г.: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство»).

Разговор с Фрэнклендом, несомненно, в какой-то мере отразился в «Разговоре с англичанином», представляющим вариант к 5-й главе («Русская изба») «Путешествия из Москвы в Петербург» (датируется 9 декабря 1833 г.).

Подробнее об этой беседе с Фрэнклендом см. в статье Б. Казанского «Разговор с англичанином» (П. Врем., 2, с. 302—314).

Фрэнкленд на Тверском бульваре встречает Н. Н. Пушкину. Вполне возможно, что с ней был и сам Пушкин, просто Фрэнкленд не упомянул об этом, так как только что много писал о своем разговоре с поэтом.

«Мая 8/20... После обеда я гулял по Тверскому бульвару... Я заметил много красивых женщин на прогулке; среди прочих заметно блистала жена поэта Пушкина» (подлинник по-английски).

Фрэнкленд. «Описание посещения...»
П. Врем., 2, с. 308, 312.

Петербург. Каратыгин пишет Катенину в Шаево. В письме он описывает полемику между Пушкиным и Булгариным, происходившую в 1830 году:

«Он <Булгарин>, узнав сочинителя неподписанной статьи[1] в Пушкине, пустил первую ракету в Пчеле анекдотом о Гофмане, которому делал молодой автор упрек в этом роде... Заметьте, что это были цветочки; вслед за сим появилась критика на VII гл. Онегина, в которой она разругана в пух. Пушкин не заставил себя дожидаться, поместил в

Литературной газете анекдот об Видоке, где списал портрет с Булгарина».

БЗ, 1861, № 19, с. 600.

---

[1] Статья Дельвига о романе Булгарина «Дмитрий Самозванец»; напечатана в «Литературной газете».

9 мая (суббота)

Пушкин обедает в Английском клубе вместе с Фрэнклендом.

«9/21 мая. Погода ясная и солнечная. В три часа я приехал в Английский клуб, названный так потому, что вряд ли хоть один англичанин принадлежит к нему. Здесь я был записан г. Пушкиным, с которым я обедал. Это великолепное заведение, поставленное на очень широкую ногу, и чистое, прохладное и удобное. Я был представлен графу Потемкину[1], князю Владимиру Голицыну[2], и молодому графу Алексею Бобринскому (внуку Екатерины II)[3]. По-видимому карты и билльярды имеют здесь пальму первенства перед гастрономической наукой. Я никогда не сидел столь короткого времени за обедом где бы то ни было. Русские — отчаянные игроки.

Никаких английских газет в Английском клубе не получается; и никаких наших «Обозрений». Я нашел статью в «La Revue Britannique» о силе и составе русской армии, искалеченную цензурой. Библиотека состоит почти исключительно из старых французских сочинений. Здесь имеется очень обширный и приятный сад позади дома клуба, где господа забавляются игрой в кегли и национальной игрой в свайку,— глупая игра школьнического типа, состоящая в том, чтобы вогнать железный стержень в медное кольцо, лежащее на земле.

Здесь мой приятель г. Пушкин покинул меня на произвол судьбы и тихонько ускользнул,— как я подозреваю, к своей хорошенькой жене,— он поступил совершенно правильно. Однако я был оставлен его внезапным дезертирст-

вом в несколько неловком затруднении, так как мне пришлось заплатить по моему счету, для чего я был вынужден прибегнуть к любезной помощи князя Владимира Голицына в качестве переводчика. <Но> я полагаю, что все поэты имеют право на эксцентричность или рассеянность» (подлинник по-английски).

Фрэнкленд. «Описание посещения...»
П. Врем., 2, с. 312—313.

---

[1] См. 18 февраля.
[2] См. 25 февраля и 12 апреля.
[3] См. 1 марта. Бобринский действительно был внуком Екатерины II: его отец — ее побочный сын.

Выходит № 37 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о спектакле 15 мая в Большом театре «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора — злого волшебника» — героико-трагическая пантомима, музыка Шольца.

11 мая (понедельник)

Погодин пишет Шевыреву в Рим:

«...Главные защитники в Петербурге — Блудов, Жуковский и Дашков. Пушкин едет туда, облеченный во всеоружие брани за тебя. Совесть и любовь к университету говорят мне, что это место должен занимать ты[1]... Пушкин очень доволен[2]: но решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данта. Мне надобно написать к нему умное и большое письмо, говорит он, но кочевой я так не привык еще к оседлой жизни, что не знаю, как и когда приниматься за дело».

Барсуков, III, с. 305—306.

---

[1] Речь идет о хлопотах Погодина о том, чтобы Шевырев занял место на кафедре словесности Московского университета. Погодин всячески привлекал к этим хлопотам Пушкина (см. письмо Пушкина к Плетневу от 26 марта).
[2] Рассуждением Шевырева «О возможности ввести Итальянскую октаву в Русское стихосложение» (см. 14 апреля).

12 мая (вторник)

У Пушкина обедают Фрэнкленд, И. В. Киреевский, Вяземский.

«Мая 12/24. Я обедал у г. Пушкина, и встретил у него несколько очень приятных и умных русских, между прочим г-на Киреевского и князя Вяземского. Прекрасная новобрачная не появилась.

Здесь в Москве существует вольность речи, мысли и действия, которой нет в Петербурге, что делает этот город приятным местом для англичанина, девизом которого должно быть — «гражданская и религиозная свобода повсюду на свете».

Факт тот, что Москва представляет род rendez-vous <встреч (*фр.*)> для всех отставных, недовольных и renvoyé <уволенных (*фр.*)> чинов империи, гражданских и военных. Это ядро русской оппозиции. Поэтому почти все люди либеральных убеждений и те, политические взгляды которых не подходят к политике этих дней, удаляются сюда, где они могут сколько угодно критиковать двор, правительство и т. д., не слишком опасаясь какого-либо вмешательства <властей>[1].

Я не сомневаюсь, что значительно больше можно узнать о действительном положении России в этом городе за один месяц, чем в Петербурге при крайних стараниях за шесть» (подлинник по-английски).

Фрэнкленд. «Описание посещения...»
П. Врем., 2, с. 313—314.

---

[1] Чрезвычайно характерно, что эти мысли об оппозиционности Москвы возникли у Фрэнкленда именно в связи с обедом у Пушкина.

Пушкин гуляет по Тверскому бульвару вместе с Фрэнклендом и другими участниками обеда.

«После обеда мы гуляли по Тверскому бульвару до

позднего часа. Я устал и отправился домой и в постель» (подлинник по-английски).

Фрэнкленд. «Описание посещения...»
П. Врем., 2, с. 314.

Петербург. Цензурное разрешение романса М. И. Глинки «Грузинская песня» («Не пой, красавица, при мне») (Спб., 1831).

Памяти П., с. 85.

Около 13 мая

Петербург. Выходит романс А. Н. Алябьева на слова Пушкина «Зимняя дорога» в издании «Северный певец 1831 г.».
См.: Московские ведомости, 1831, № 38.

13 мая (среда)

Выходит № 38 газеты «Московские ведомости» за 1831 г. Объявление о продаже в нотном магазине Ленгольда романса Алябьева «Зимняя дорога» (см. около 13 мая). Здесь же — объявление о спектакле «Керим-Гирей, Крымский хан», романтическая трилогия А. А. Шаховского (по поэме «Бахчисарайский фонтан») в Большом театре — 13 мая и в Малом театре — 14 мая (см.).

В Большом театре возобновлен спектакль «Керим-Гирей. Крымский хан» (см. выше).

14 мая (четверг)

Пушкин получает из Пречистенской части свидетельство на выезд из Москвы в Петербург.

«Секретно.

Исправляющему должность московского полицмейстера господину полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

РАПОРТ

Живущий в Пречистенской части отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа

получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею; а как он, по предписанию бывшего г. обер-полицмейстера от 7-го сентября за № 435 прошлого 1829 г., состоит под секретным надзором, то я долгом поставлю представить о сем вашему высокоблагородию.

Полицмейстер Миллер.
№ 117. Мая 15 дня 1831 г.»

На рапорте пометы:

«Пол. 15 мая 1831 г. № 6875.

Уведомить С.-петербургского обер-полицмейстера». Зачеркнуто: «Донести его сиятельству».

КА, 37, с. 242.

В Малом театре возобновлен спектакль «Керим-Гирей, Крымский хан» (см. 13 мая).

«Признаемся откровенно: обстановка... совсем не соответствует ее <трилогии> содержанию: начиная от главных персонажей до последнего аксессуара, в ней — все не на своем месте. В татарском стане совсем не дикие мусульмане — в них нет и тени азиатского раболепия и страха к своему шаху; в польском замке — это молодцы и красные девицы из русского хоровода, со всею их неподвижностью и флегматическими песнями. А Бахчисарайского фонтана мы вовсе и не видали — слышали только о нем от Заремы и Гирея. Декорации и костюмы распределены плохо и вообще эта пиеса не годится для малой сцены и теряет лучшие эффекты. Но нельзя умолчать о диковинке: г. Козловский, в роли Мулы, был, сверх чаяния и обыкновения — очень, очень недурен, а в сравнении с прочими лицами даже хорош».

Молва, 1831, № 21 (ц. р. 26 мая).

14—15 мая

Пушкин пытается завести разговор с Н. И. Гончаровой о денежных делах: о возврате ее долга (11 000 — см. вскоре

после 29 января) и об обещаниях А. Н. Гончарова (см. 9 и 25 апреля, 1—15 мая). Однако Наталья Ивановна разговор этот прерывает.

«Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали[1]; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность[2]. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною взаймы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать» (подлинник по-французски).

Пушкин — Н. И. Гончаровой 26 июня 1831 г.

[1] Имеются в виду обещания А. Н. Гончарова.

[2] Ср. в этом же письме: «...меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного...»

15 мая (пятница)

В бенефис балерины Т. И. Глушковской в Большом театре поставлена героико-трагическая пантомима в одном действии «Руслан и Людмила», сочинение Глушковского, музыка Шольца (см.: Московские ведомости, 1831, № 37, 9 мая).

«Кто не видал балета: Руслан и Людмила? Кто не глядел на него с удовольствием, в то время, когда в нем отзывались воспоминания дедовских обычаев и прекрасных стихов новой поэмы любимого поэта нашего? Но всему свое время: Руслан и Людмила нравился и перестал нравиться: им восхищались и он прискучил. Зачем же было теперь, когда публика не довольствуется уже фейерверками и чертовскими вечеринками, а требует от искусства более эстетических произведений, зачем теперь возобновлять эффекты старины с новыми переменами, обветшалыми превращениями и сокращениями, которые отнимают у ней последнюю занимательность целого и даже все права на

хороший вымысел простонародной сказки? И что ж из этого пользы? Копоть на сцене, жалобы дам на головную боль и порчу чепцов, плески райка при взгляде на ад и много хлопот и шуму из пустого».

Ф. Инок... «Бенефис г-жи Глушковской».— Молва, 1831, № 20 (ц. р. 19 мая).

Пушкин уезжает из Москвы в Петербург.

«Секретно

Г. Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру.

Находящийся в сей столице под секретным надзором полиции известный поэт, отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин выехал из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, за коим во время пребывания здесь в поведении ничего предосудительного не замечено.

О чем ваше превосходительство честь имею уведомить для надлежащего со стороны вашей об нем, Пушкине, распоряжения».

Отношение московского обер-полицмейстера на имя петербургского обер-полицмейстера от 29 июня 1831 г.[1] № 212. КА, 37, с. 242—243.

[1] Полицейское отношение об отъезде Пушкина написано с большим опозданием. Это обычная неточность полиции (см. 5 декабря — неверная дата приезда Пушкина в Москву: 9 декабря).

Основание датировки отъезда: 14 мая Пушкин еще в Москве, получает из полиции свидетельство на выезд (см.). 17 мая — его еще нет в Петербурге (Павлищева пишет мужу из Петербурга 17 мая: «Александр еще не приехал, ему наняли дом в Царском Селе» (подлинник по-французски) (П. и совр., XV, с. 64).

18 мая в № 17 газеты «Санкпетербургские ведомости» за 1831 г. среди приехавших в Петербург значится «из Москвы, отставной 7 класса Пушкин». Пушкин был отставным 10-го класса, но такие неточности в газетах были частыми.

21 мая Хитрово пишет из Петербурга Вяземскому в Москву о том, что она «была однако очень счастлива свидеться с нашим общим другом», то есть с Пушкиным,— значит, он уже в Петербурге (подлинник по-французски) (РА, 1884, № 4, с. 418).

Приложение

Конец марта — 15 мая (датировка приблизительна)

В этом разделе (а также в последующих) мы помещаем сведения двух родов: либо те, которые нельзя ограничить какой-то определенной датой внутри раздела, характерные для всего этого периода (например, взаимоотношения Пушкина и Н. И. Гончаровой), или же те, которые мы не имеем фактических оснований датировать более точно, а можем ограничить лишь временными рубежами (эпизод с посещением крестьянки Марии Федоровны и т. п.).

Н. И. Гончарова настраивает дочь против Пушкина, укоряя его тем, что он хотел получить обратно 11 000, данные им взаймы на свадьбу и на приданое жены (см. вскоре после 29 января), обвиняя его в жадности, в безбожии и т. д.

«Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д.» (подлинник по-французски).

Пушкин — Н. И. Гончаровой 26 июня 1831 г.

«Дело в том, что он на приданое жены дал ее семейству своих 11 000 и вместо благодарности получил название ростовщика за то, что, раздосадованный их оскорблениями, предъявил на них свои права».

Запись Анненкова на копии письма Пушкина к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г.
Письма, III, с. 310.

«В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают».

Пушкин — Плетневу 26 марта 1831 г.

«...В первые месяцы после свадьбы, как говорила мне мать, Наталья Ивановна постоянно огорчала Александра Сергеевича, наговаривая на него молодой жене. Наговоры эти в конце концов вывели Пушкина окончательно из терпенья, и, опасаясь их последствий, новобрачные сократили свое пребывание в Москве, в которой однако и без того засиделись довольно долго после свадьбы».

Павлищев, с. 213.

«Наталья Ивановна была очень довольна. Она полюбила Пушкина, слушалась его. Он с ней обращался, как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери. У Пушкиных она никогда не жила».

Долгорукова. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым».
П. в восп., II, с. 139.

Пушкин закладывает бриллианты Н. Н. Пушкиной Вейеру (в течение всей жизни потом не смог выкупить их), чтобы расплатиться с долгами. Ведет переговоры об уплате долга Л. И. Жемчужникову и В. С. Огонь-Догановскому[1].

О заложенных бриллиантах Н. Н. Пушкиной см. в кн.: Дн. Модз., с. 231—232 и Дн. Сав., с. 522.

«Пушкин получил из Опек. Совета до сорока тысяч, сыграл свадьбу и весною 1831 года, отъезжая в Петербург, уже нуждался в деньгах, так что... Нащокин помогал ему в переговорах с закладчиком Веером».

Бартенев со слов Нащокина.
Девятнадцатый век, I, с. 384.

«Заложенные бриллианты и изумруды, которые теща Пушкина предоставила ему с женой, разумеется, чтобы они их выкупили».

Там же, с. 392.

Пушкин для переезда в Петербург весною 1831 года «должен был под жидовские проценты заложить некоему Вееру женины бриллианты, которых так и не выкупил».

Бартенев со слов Нащокина.
РА, 1882, № 2, с. 232.

«Отец позволил Пушкину заложить в Опекунском Совете Нижегородскую деревню. Из полученных денег (до 40 т.) он заплатил долги свои и, живучи около трех месяцев в Москве, до того истратился, что пришлось ему заложить у еврея Веера женины бриллианты, которые потом и не были выкуплены...»

Бартенев со слов Нащокина.
РА, 1902, I, с. 56.

Вейер — «московский ростовщик у Никитских ворот. Пушкин заложил ему бриллианты, которые не имел возможности выкупить».

Бартенев
РА, 1904, № 11, с. 442.

«Заложенные бриллианты и изумруды, которые теща Пушкина, заложив, предоставила ему с женой с тем, чтобы они их выкупили, а г. Бартенев уверяет в «Русском архиве» 1902 г., будто их заложил сам Пушкин и истратил все деньги на свадебные празднества».

Пушкин А. С. Соч. Под ред. П. А. Ефремова. Т. VII.
Спб., 1903, с. 443.

«...бриллианты эти он получил от матери ее <жены> Наталии Ивановны, вместо денег, которые он ей дал в ссуду для снабжения дочери приданым».

«Из черновых заметок Анненкова для
биографии Пушкина».
Пушкин. Модз., с. 357.

«Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их переза-

ложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Ныне узнаю, что бриллианты опять возвысились».

Пушкин. «Дневник». 8 января 1835 г.

«В Москве он продал брильянты жены, чтобы расплатиться с Жемчужниковым и устроить денежное дело между Нащокиным и Догановским».

Запись Анненкова на копии письма Пушкина к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г.

Письма, III, с. 310.

[1] Л. И. Жемчужников и В. С. Огонь-Догановский — профессиональные карточные игроки, которым Пушкин был должен. О них и о денежных делах с ними Пушкина — см.: дальнейшую переписку Пушкина с Нащокиным, а также Письма, III, с. 304, 364, 420, 421, 446 и др. по именному указателю и Пушкин. Модз., с. 357. Л. Б. Модзалевский в комментариях к письму Пушкина к жене от 8 декабря 1831 г. пишет: «...Пушкин был должен по проигрышу в карты, компаньонам Л. И. Жемчужникову и В. С. Огонь-Догановскому двадцать тысяч рублей, а Нащокин, будучи в свою очередь должен Пушкину пятнадцать тысяч (десять тысяч Пушкин дал ему в начале февраля 1831 г., чтобы выручить его из плохих обстоятельств)*, взялся уплатить кредиторам Пушкина, но сделать этого тоже не смог...» (Письма, III, с. 446).

*См. 9 февраля и письмо Пушкина Плетневу около 16 февраля.

«Женитьба была его несчастье, и все близкие друзья его сожалели, что он женился. Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более что, не имея еще собственного имения, живя произведениями своего пера и женясь на девушке, не принесшей ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал нужду, и, хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо».

Н. М. Смирнов[1]. «Из памятных записок».

П. в восп., II, с. 237.

[1] Н. М. Смирнов — петербургский приятель Пушкина, муж А. О. Смирновой, урожд. Россет.

Вторая половина февраля — 15 мая

А. М. Языков пишет в Петербург В. Д. Комовскому о «Борисе Годунове», по-видимому, спрашивает его мнения о трагедии. Сам он, слышавший «Бориса Годунова» раньше в чтении (вероятно, самого Пушкина), называет трагедию «явлением совершенно необыкновенным».

Основание датировки: письмо А. М. Языкова было, очевидно, написано вскоре после получения из Москвы от Н. М. Языкова письма от 11 февраля (см.) с отрицательным отзывом о «Борисе Годунове».

ИВ, 1883, № 12, с. 531.

Комовский отвечает Языкову:

«Борис Годунов» бесспорно важнейшее явление нынешнего года и нынешней нашей литературы. Это первый шаг к исторической драме, составляющей вершину новейшей поэзии... В «Борисе Годунове» нет драматического или, лучше сказать, театрального интереса. Пушкин не проник в глубокое значение той исторической эпохи, которую предпринял изобразить, не постиг ее идею и не изобразил ее со всею живой очевидностью и стройным единством в многообразии, не раскрыл в полноте и с совершенством душу человека и характеры исторические, но набросал прекрасные очерки, провел перед нами беглые сцены, показал нам наскоро отрывки великого события, если можно так сказать, предоставил нам самим дополнить многое недостающее. Язык необыкновенно хорош».

ИВ, 1883, № 12, с. 531.

18 февраля — 15 мая

По-видимому, в доме Нащокина Пушкин заставляет Языкова вернуть перстень, который тот взял у цыганки Тани 18 февраля после свадьбы Пушкина (см.). Языков отдал его цыганке О. А. Солдатовой, возлюбленной Нащокина, живущей у него в доме.

«Павел Войнович Нащокин нажаловался ему <Пушкину> на Языкова, что вот он как нехорошо со мною сделал. Александр Сергеевич и заступился за меня,— заставил его перстенек мой Оле отдать. От нее я его назад и получила».

Демьянова. «О Пушкине и Языкове».
П. в восп., II, с. 213.

Мария Федоровна, дочь Арины Родионовны, крестьянка подмосковного села Захарова, приходит к Пушкину в его арбатскую квартиру.

«...Я... к нему ходила в Москву... Стояли тогда у Смоленской Божьей Матери, каменный двухэтажный дом... посмотри, говорит, Марья, вот моя жена! Вынесли мне это показать ее работу, шелком надо быть, мелко-мелко, четвероугольчатое, вот как это окно: хорошо, мол, батюшка, хорошо...»

Н. Берг. «Сельцо Захарово».
Москвитянин, 1851, № 9—10, с. 32.

«...Марья с особенным чувством вспоминает о Пушкине, рассказывает об его доброте, подарках ей, когда она прихаживала к нему в Москве...»

Шевырев. «Рассказы о Пушкине».
П. в восп., II, с. 38.

Пушкина посещает Вельтман.

Пушкин и Вельтман еще несколько раз видятся в течение этого периода.

Встреча с Вельтманом в Благородном собрании.

«Через несколько дней я отправился из Кишинева и не видел уже Пушкина до 1831 года. Он посетил странника уже в Москве. «Я непременно буду писать о «Страннике»,— сказал он мне[1]. В последующие свидания он всегда напоминал мне об этом намерении. Обстоятельства заставили его забыть об этом; но я дорого ценю это намерение. «Пора нам перестать говорить друг другу вы»,— сказал он мне,

когда я просил его в собрании показать жену свою. И я в первый раз сказал ему: «Пушкин, ты — поэт, а жена твоя — воплощенная поэзия». Это не была фраза обдуманная: этими словами невольно только высказалось сознание умственной и земной красоты».

Вельтман. «Воспоминания о Бессарабии».
П. в восп., I, с. 284.

---

[1] В Москве Вельтман поселился, выйдя в отставку в чине подполковника, с 22 января 1831 г. (см.: Вельтман. «Странник». М., 1977, с. 257). 1-я часть «Странника» вышла в марте 1831 г. (там же, с. 302). Однако Пушкин мог высказать свое намерение написать о нем (и, значит, увидеться с Вельтманом в первый раз за этот период) и до выхода романа в свет, познакомившись с ним по рассказу (или в чтении) автора. Пушкин вообще очень ценил ум и дарование Вельтмана. Положительный отзыв Пушкина о «Страннике» см. в письме к Хитрово от 8 мая. Пушкин был недоволен резкой недоброжелательной рецензией на роман, помещенной в № 30 (от 26 мая) «Литературной газеты». 1 июня 1831 г. он писал в Москву Нащокину: «Я сейчас увидел в «Литературной газете» разбор Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора; но и некогда было».

Петербург. Жуковский пишет Вяземскому:

«Когда ты возвратишься, матушка? Привози и Пушкина с женою».

М. И. Гиллельсон. «П. А. Вяземский.
Жизнь и творчество».
Л., 1969, с. 174.

23 декабря 1830 г. — 15 мая 1831 г.

Толки о «Борисе Годунове» среди московских и петербургских студентов.

«Некоторые из старших студентов, слушавшие теорию красноречия Мерзлякова... очень неблагосклонно отзывались о «Борисе Годунове» Пушкина, только что появившем-

ся в печати, с торжеством указывая на глумливые о нем[1] отзывы в «Вестнике Европы»[2]... Первогодичные студенты, воспитанные в школе Жуковского и Пушкина, мало сочувствовали его[3] переводам... Пушкин приводил нас[4] в восторг».

П. Прозоров. «Белинский и Московский университет в его время».
БдЧ., 1859, ноябрь, с. 5.

---

[1] О Пушкине.

[2] В «Вестнике Европы» за 1829 и 1830 гг. печаталось много резко отрицательных отзывов о произведениях Пушкина. Большая часть этих отзывов принадлежала Надеждину.

[3] Мерзлякова.

[4] Младших студентов.

«Борис Годунов Пушкина, явившийся в 1831 году, не оценен был на первых порах по достоинству. От этой драмы, из которой известны были ранее немногие сцены, ожидали чего-то другого».

Ф. Фортунатов. «Воспоминание о С.-Петербургском университете за 1830—1833 гг.»
РА, 1869, № 2, стб. 339.

5 декабря 1830 г. — 15 мая 1831 г.

Пушкин видится с Щербининой и кратко записывает ее рассказ о заговоре 1762 г. против Петра III, возведшем на престол Екатерину II.

«(Разумовский[1], Никита Панин[1]), заговорщики. Г. Дашков[2], посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой[3].

(г-жа Щербинина)» (подлинник по-французски. В скобках выделен русский текст).
Рукою П., с. 332.

О Щербининой см. 20 февраля. Определить время записи рассказа трудно; может быть, где-то ближе к 20 февраля,

когда Пушкин был у нее на балу (см.); но это предположение ничем не подтверждается. Однако это не могло произойти в более поздний приезд Пушкина в Москву, так как в июле 1831 г. Щербинина умерла.

О заговоре Щербинина рассказывала Пушкину, конечно, со слов матери, кн. Е. Р. Дашковой, которая была душой этого переворота. В своих «Записках» Дашкова подробно рассказывает о заговоре. В этом рассказе много сведений, совпадающих с кратким конспектом Пушкина.

---

[1] Гр. К. Г. Разумовский, гетман Малороссии, и Н. И. Панин, воспитатель сына Екатерины вел. кн. Павла Петровича, действительно участвовали в заговоре.

[2] М. И. Дашков — муж кн. Е. Р. Дашковой.

[3] Е. Р. Воронцова — сестра Дашковой, фаворитка Петра III.

Подробнее об этой записи см.: Рукою П., с. 332—333.

По-видимому, встречается с М. Н. Загоскиным.

Из письма Пушкина к Хитрово от 8 мая 1831 г. можно предположить вероятность личного общения Пушкина и Загоскина в этот период. Вообще трудно представить, чтобы они, давно и близко знакомые, не видались во время этого длительного пребывания Пушкина в Москве.

Встречается с В. П. Горчаковым. Занимает у него 2000 рублей.

В письмах к Нащокину летом из Царского Села Пушкин постоянно вспоминает и тревожится об этом долге: «На днях отправляю тебе 2000 рублей для Горчакова» (2-я половина мая); «Я бы переслал Горчакову тотчас мой долг с благодарностию, но принужден был в эти две недели истратить 2000 рублей и потому приостановился... Обнимаю Горчакова» (1 июня); «Вот тебе одна тысяча... Извини меня перед Горчаковым; он получит все прежде срока или в срок — но не позже» (9 (?) июня); «Не знаю, получу ли что мне следует к 1 августу, в таком случае перешлю тебе горчаков-

скую тысячу; не то, ради господа бога, займи хоть на мое имя и заплати в срок» (21 июля); «Я просил заплатить Горчакову остальную его тысячу. Вот сия тысяча; доставь ее с моей сердечной благодарностию моему любезному заимодавцу» (29 июля). 18 августа Горчаков написал Пушкину: «От Павла Войновича деньги две тысячи все с полна получил — спасибо за точность. Будь здоров и не забывай преданного Горчакова».

Встречается с А. П. Есауловым, музыкантом, композитором, пользовавшимся покровительством Нащокина, передает ему свое неопубликованное стихотворение «Прощание», на которое Есаулов написал музыку. О Есаулове см.: Письма, III, с. 307—310.

«Андрей Петрович <Есаулов> свидетельствует тебе почтение, он почти столько же тебя знает и любит как и я, что доказывает что он не дурак, тебя знать — не безделица.— Романс твой так хорош, что способу нет — переправлен—обдуман—чудо. Еслиб кто мог тебе его там разыграть я бы прислал».

Нащокин — Пушкину 20 июня 1831 г.

«Кланяюсь и Андрею Петровичу. Пришли мне его романс, исправленный во втором издании».

Пушкин — Нащокину 26 июня 1831 г.

«Что ж не присылаешь ты есауловского романса, исправленного во втором издании? Мы бы его в моду пустили между фрейлинами».

Пушкин — Нащокину 3 августа 1831 г.

«...Есаулова нет в Москве — и романса то же, получил место за 4 тыс. рубл.— Я очень рад. Он в Ярославле, и еще ко мне не писал».

Нащокин — Пушкину 18 августа 1831 г.

Выходит романс «Прощание». Слова А. С. Пушкина. Музыка А. П. Есаулова. Это — первая публикация стихотворения «Прощание».

Видится с Ф. Д. Шнейдером, московским врачом, приятелем Нащокина.

«... Покуда здесь Федор Данилович я на счет ее <холеры> совершенно безопасен».

Нащокин — Пушкину 20 июня 1831 г.

«Кланяюсь Шнейдеру...»

Пушкин — Нащокину 26 июня 1831 г.

...с Н. Ф. Павловым, писателем, азартным карточным игроком.

«С Павловым не играй...»

Пушкин — Нащокину 11 июня 1831 г.

..с П. В. Киреевским.

В это время он был в Москве (об этом пишет Шевыреву в Рим Погодин в письмах от 8 декабря 1830 г. (РА, 1882, кн. III, с. 180) и 25 января 1831 г. (см.). Поскольку Пушкин в этот период тесно общается с И. В. Киреевским, он едва ли мог не встречаться с его братом: это — один, причем довольно тесный круг московского общества. К тому же Пушкин, по свидетельству П. П. Вяземского, говорил о деятельности П. В. Киреевского по изучению народного творчества на ужине после свадьбы 18 февраля (см.).

...с Д. В. Коротким, служащим в ссудной палате Опекунского совета воспитательного дома, где Пушкин заложил имение 29 января (см.).

«...да еще покорнейшая просьба: узнай от Короткого, сколько должен я в ломбард процентов за 40 000 займа и когда срок к уплате?»

Пушкин — Нащокину 3 августа 1831 г.

...с М. М. Карниолином-Пинским, чиновником канцелярии Д. В. Голицына.

«...здоров ли Корнилион-Пинский?»

Пушкин — Нащокину 3 августа 1831 г.

Несомненно, посещает дома посаженых отцов и матерей своих и Натальи Николаевны: Е. П. Потемкиной, А. П. Малиновской, И. А. Нарышкина. О них см. 18 февраля. Свидетельства этих посещений не сохранились, однако в силу светских приличий Пушкин был обязан побывать у них.

Сентябрь 1826 — 15 мая 1831 г.

Вяземский пишет Пушкину записку:

«Сонцев[1] стерлядию страстный
Же-ву-зем ей отпускал.

Завтра за обедом будет у меня Астраханская стерлядь, которая приглашает племянника его в свои объятия.

Середа».

---

[1] М. М. Сонцов — муж тетки Пушкина Е. Л. Сонцовой, камергер, москвич, близкий к литературным кругам. Пушкин часто встречался с ним и его семьей во время своих приездов в Москву. К одному из этих приездов и относится записка Вяземского к Пушкину (точнее датировать трудно). Сонцов славился своим аппетитом и толщиной — отсюда остроты Вяземского: сравнение со стерлядью и пр. Если в эти месяцы Пушкин виделся с М. М. Сонцовым, то наверняка встречался и с Е. Л. Сонцовой.

Указатель имен

Условные сокращения

Анненков. Материалы — Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Спб., 1873.

Барсуков — Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I—XXII. Спб., 1888—1901.

БдЧ — Библиотека для чтения.

БЗ — Библиографические записки.

ВЕ — Вестник Европы.

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии. 1962—1972. М.—Л., 1963—1974.

Встречи с прошлым — Встречи с прошлым, вып. 3. М., 1978.

Вяземский — Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. I—XII. Спб., 1878—1896.

ГМП — Государственный музей А. С. Пушкина.

Девятнадцатый век — Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым, кн. I. М., 1872.

Дела III Отд.— Дела III Отделения собств. е. и. в. концелярии об А. С. Пушкине. Спб., 1906.

Дельвиг — Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания, т. I—II. М., 1928.

Дн. Модз.— А. С. Пушкин. Дневник. 1833—1835. Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского и со ст. П. Е. Щеголева. М.—Пг., 1923.

Дн. Сав.—А. С. Пушкин. Дневник (1833—1835 гг.). Под ред. В. Ф. Саводника. М.—Пг., 1923.

Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века, т. I—VI, VIII—IX. М., 1932—1951.

ИВ — Исторический вестник.

Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Из жизни П.— Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, испр. и доп. М.—Л., 1931.

КА — Красный архив.

Каллаш — Каллаш В. А. Русские поэты о Пушкине. Спб., 1899.

Кобеко — Кобеко Дмитрий. Имп. Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Спб., 1911.

Лет. ГЛМ — Летописи Государственного Литературного музея, кн. 1. Пушкин. М.—Л., 1936.

Лит. архив — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, т. III. М.—Л., 1938, 1951.

ЛН — Литературное наследство.

Моск. пушк.— Московский пушкинист. Статьи и материалы, т. I, II. М., «Никитские субботники» — «Федерация», 1927, 1930.

Павлищев — Павлищев Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890.

Памяти П.— Памяти Пушкина. Научно-литературный сборник, составленный профессорами и преподавателями университета св. Владимира. Киев, 1899.

П. в восп.— Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, II. М., 1974.

П. Врем.— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1—6. М.—Л., 1936—1941.

П. и совр.— Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. I—XXXIX. Спб.— Л., 1903—1930.

П. Иссл. и матер.— Пушкин. Исследования и материалы, т. I—VI. М.—Л., 1956—1969.

Письма — Пушкин. Письма. 1815—1833, т. I, II. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926—1928; т. III. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1935.

П. По док. ОА — А. С. Пушкин (1816—1837). По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. Ст. кн. П. П. Вяземского.— РА, 1884, № 4, с. 416.

Прометей — Прометей. Историко-биограф. альманах., вып. I—X. М., 1966—1974.

Пушкин. Модз.— Модзалевский Б. Л. Пушкин. <Л.>, 1929.

РА — Русский архив.

Рассказы о П.— Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. Вступ. статья и примеч. М. Цявловского. М., 1925.

PC — Русская старина.

Рукою П.— Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935.

Ст. годы — Старые годы.

Ст. и нов.— Старина и новизна.

Татевский сб.— Татевский сборник С. А. Рачинского. Спб., 1899.

Труды и дни — Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1910.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусств.

Цявловский. Книга — Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.

Шляпкин, 1903 — Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. Спб., 1903.

Овчинникова С. Т.

О-35 Пушкин в Москве.— М.: Сов. Россия, 1985.— 256 с., 1 л. портр., 8 л. ил.

5 декабря 1830 года А. С. Пушкин приехал в Москву с твердым намерением поскорее обвенчаться с Н. Н. Гончаровой. Из-за бесконечных откладываний, денежных забот свадьбу сыграли только 18 февраля 1831 года. Молодые прожили в квартире на Арбате три месяца и уехали в Петербург. Московскому периоду жизни поэта и посвящена книга.

Хроника, связанная непосредственно с женитьбой А. С. Пушкина, содержит вместе с тем обширный, никогда ранее не собиравшийся воедино материал, касающийся всех сторон жизни и творчества поэта за эти месяцы: его литературных и политических интересов, участия в литературной борьбе, дружеских, семейных и официальных связей. Значительную часть книги составляет переписка и дневниковые записи современников.

О $\frac{4702010200-062}{М-105(03)85}$ 158—84 8Р1

Светлана Тихоновна
ОВЧИННИКОВА

Редактор
М. Г. ПОЖИДАЕВА
Художественный редактор
И. И. РЫБЧЕНКО
Технический редактор
В. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ
Корректор Т. А. ЛЕБЕДЕВА

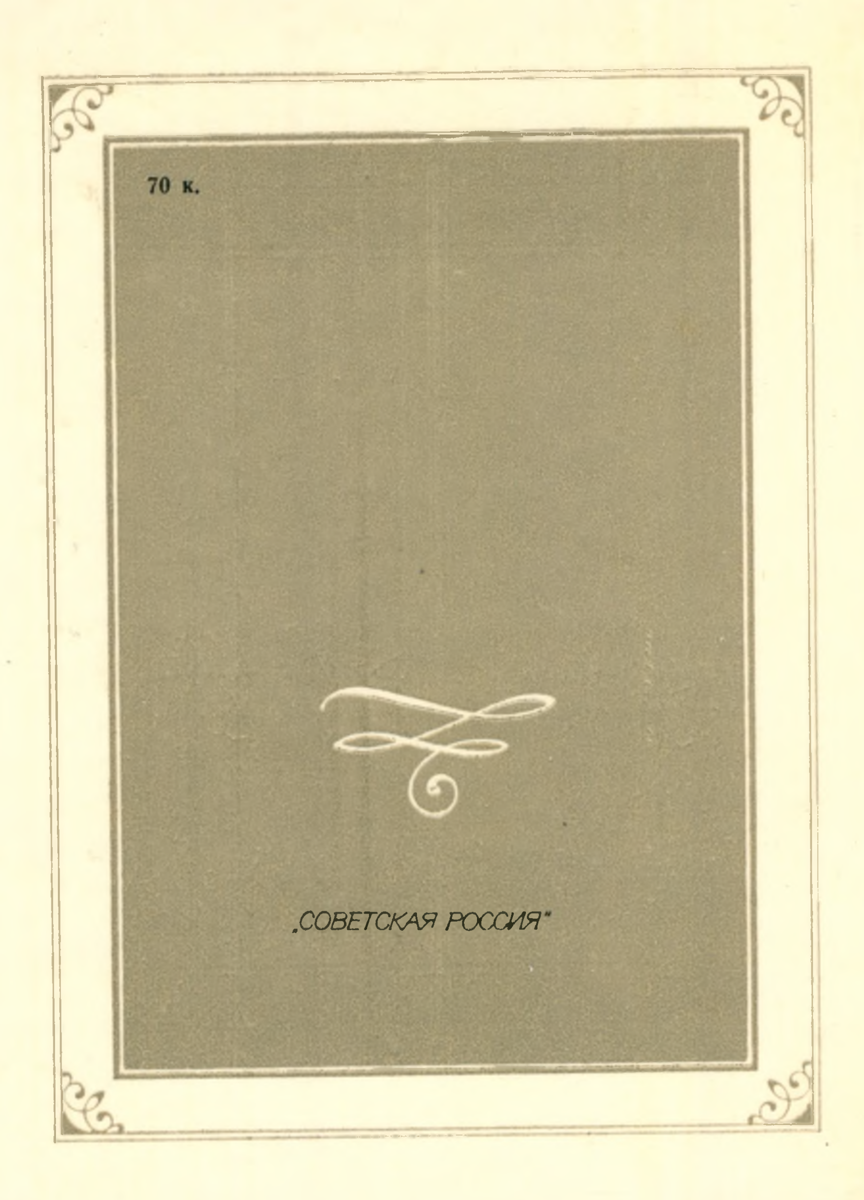
ИБ № 2923
С готовых матриц. Подп. в печать 11.06.85. А12499. Формат 70×108/32. Бумага типографская № 1 (на вкл. мелов.). Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,90 (в т. ч. вкл. 0,70). Усл. кр.-отт. 12,51. Уч.-изд. л. 12,25 (в т. ч. вкл. 0,68). Тираж 50 000 экз. Заказ 232. Цена 70 к.
Изд. инд. НА-46.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К читателям

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

70 к.
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"